

ISSN 2413-1407 (Print), 2587-8549 (Online)

РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY

Том 27, № 3, 2019 (июль – сентябрь)

Сквозной номер выпуска – 107

Научный журнал

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н. П. Огарёва»
430005, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68/1

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

430005, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск,
ул. Большевикская, 68/1

Тел./факс: +7 (8342) 48-14-24, +7 (8342) 32-86-14

Журнал издается с 1992 года. Периодичность издания – 4 раза в год

DOI: 10.15507/2413-1407

Russian Journal of Regional Studies

Vol. 27, No. 3, 2019 (July – September)

Continuous issue 107

Scholarly journal

FOUNDER AND PUBLISHER:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“National Research Ogarev Mordovia State University”
68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russia

EDITORIAL OFFICE:

68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russia
Tel/Fax: +7 8342 481424, +7 8342 328614

Published since October 1992. Publication frequency: quarterly

**e-mail: regionology@mail.ru, redreg@mrsu.ru
<http://regionsar.ru>**

© ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», 2019

Основное содержание журнала составляют оригинальные научные статьи, посвященные актуальным проблемам региональной политики, экономики и социологии, анализу комплексного развития регионов Российской Федерации и зарубежных стран. Наименование и содержание рубрик журнала соответствуют отраслям науки и группам специальностей научных работников на основании Номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени:

**ЭКОНОМИКА
СОЦИОЛОГИЯ
ПОЛИТОЛОГИЯ**

Журнал осуществляет научное рецензирование всех поступающих в редакцию статей с целью экспертной оценки.

Политика редакционной коллегии журнала базируется на современных юридических требованиях в отношении клеветы, авторского права, законности и плагиата, поддерживает Кодекс этики научных публикаций, сформулированный Комитетом по этике научных публикаций, и строится с учетом этических норм работы редакторов и издателей, закрепленных в Кодексе поведения и руководящих принципах наилучшей практики для редактора журнала и Кодексе поведения для издателя журнала, разработанных Комитетом по публикационной этике (COPE).

Журнал индексируется и архивируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), научной электронной библиотеке «КиберЛенинка», электронно-библиотечной системе «Лань», базе данных Ulrichsweb Global Serials Directory, Немецкой национальной экономической библиотеке Лейбница.

Журнал является членом Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ассоциации научных редакторов и издателей (АНПИ), CrossRef и международного сообщества рецензентов Publons.

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по научным специальностям и соответствующим им отраслям.

Социально-экономические и общественные науки

08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности)

22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы

23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии

23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная

The main contents of the Journal are original scientific papers devoted to topical issues of regional policy, economy and sociology, as well as to the analysis of the integrated development of the regions of the Russian Federation and other countries. The names and content of the Journal's sections correspond to the fields of science and groups of specialties of scientific workers in accordance with the Nomenclature of Scientific Specialties in which academic degrees are awarded:

ECONOMICS

SOCIOLOGY

POLITICAL SCIENCE

The Journal conducts scientific review of all papers submitted to the editorial office for the purpose of their expert evaluation.

Editorial staff's policy is based on modern legal requirements concerning libel, copyright, legitimacy, plagiarism, ethical principles, kept in community of leading scientific issues publishers. Journal's editorial policy is based upon traditional ethical principles of Russian academic periodicals; it supports Academic Periodicals Ethical Codex, stated by Committee on Publication Ethics (Russia, Moscow) and it is formed in account of standards of ethics of editors' and publishers' work confirmed by Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors and Code of Conduct for Journal Publishers, developed by Committee on Publication Ethics (COPE).

The Journal is indexed and archived in *Russian Index of Scientific Citation*, in *CyberLeninka* scientific electronic library, in Lan electronic library system, in *UlrichsWeb Global Serials Directory* international reference database of periodicals and in *German National Library of Economics (ZBW)*.

The journal is a member of the Directory of Open Access Journals (DOAJ), Association of Scientific Editors and Publishers (ASEP), CrossRef and the international community of reviewers Publons.

The Journal is included in the List of the peer-reviewed scientific publications where the main scientific results of Ph. D. and doctoral theses (by applicants for Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees) in scientific specialties and their respective branches of science should be published.

Socio-Economic and Social Sciences

Economics and national economy management

Social structure, social institutions and processes

Political institutions, processes and technology

Political issues of international relations, global and regional development

All the materials of *Russian Journal of Regional Studies* are available under Creative Commons "Attribution" 4.0 license

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Вдовин Сергей Михайлович – главный редактор, ректор ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», кандидат экономических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7363-1389>, rector@adm.mrsu.ru (Саранск, Россия)

Полутин Сергей Викторович – заместитель главного редактора, директор НИИ регионологии ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», доктор социологических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0399-4154>, polutin.sergei@yandex.ru (Саранск, Россия)

Гордина Светлана Викторовна – ответственный секретарь, член Европейской ассоциации научных редакторов (EASE), кандидат педагогических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2265-418X>, inted@adm.mrsu.ru, inted@mail.ru (Саранск, Россия)

Ахмад Наср Салех Мохамад – профессор бухгалтерского учета, факультет бухгалтерского учета Университета Гарьяна, генеральный директор Института персонала Ливийской академии, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2057-2220>, nassr_ahmad@yahoo.co.uk (Гарьян, Ливия)

Бахлов Игорь Владимирович – заведующий кафедрой всеобщей истории, политологии и регионоведения ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», доктор политических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6886-5762>, bahlov@mail.ru (Саранск, Россия)

Барыгин Игорь Николаевич – профессор кафедры европейских исследований ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», доктор политических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8143-3136>, ibarygin@gmail.com (Санкт-Петербург, Россия)

Большаков Андрей Георгиевич – заведующий кафедрой конфликтологии ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», доктор политических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5036-000X>, bolshakov_andrei@mail.ru (Казань, Россия)

Гришин Виктор Иванович – ректор ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова», доктор экономических наук, профессор, rector@rea.ru (Москва, Россия)

Дахин Андрей Васильевич – заведующий кафедрой философии и политологии Нижегородского института управления – филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», доктор философских наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5907-706X>, nn9222@rambler.ru (Нижний Новгород, Россия)

Дружинин Павел Васильевич – заведующий отделом моделирования и прогнозирования регионального развития Института экономики ФГБУН «Карельский научный центр Российской академии наук», доктор экономических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5303-0455>, pdruzhinin@mail.ru (Петрозаводск, Россия)

Дулина Надежда Васильевна – профессор кафедры социологии ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», доктор социологических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6471-7073>, nv-dulina@yandex.ru (Волгоград, Россия)

Кизима Сергей Анатольевич – заведующий кафедрой международных отношений Академии управления при Президенте Республики Беларусь, доктор политических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0725-5391>, kizima@mail.ru (Минск, Республика Беларусь)

Ковалев Виктор Антонович – профессор кафедры политологии и международных отношений ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина», доктор политических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3691-4106>, vant_2000@mail.ru (Сыктывкар, Россия)

Лапин Анатолий Евгеньевич – заведующий кафедрой экономического анализа и государственного управления ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет», доктор экономических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1467-0358>, eaagov01@mail.ru (Ульяновск, Россия)

Макарова Марина Николаевна – профессор кафедры социологии ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», доктор социологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3176-6386>, makmar11@mail.ru (Ижевск, Россия)

Немировский Валентин Геннадьевич – главный научный сотрудник учебно-научной лаборатории кафедры общей и экономической социологии ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», доктор социологических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4076-465X>, valnemirov@mail.ru (Тюмень, Россия)

Резник Галина Александровна – заведующий кафедрой маркетинга и экономической теории ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет архитектуры и строительства», доктор экономических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4575-1812>, reznikga@gmail.com (Пенза, Россия)

Садвокасова Айгуль Какимбековна – руководитель Центра по изучению межэтнических и межконфессиональных отношений в Центрально-Азиатском регионе Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан, доктор социологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3467-0833>, aigul-kaz@yandex.ru (Астана, Казахстан)

Симанавичене Жанета – заведующий лабораторией инноваций в предпринимательстве Университета Миколаса Ромериса, доктор экономических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6008-2405>, zasiman@mruni.eu (Вильнюс, Литва)

Спринчан Сергей Леонидович – ученый секретарь и ведущий научный сотрудник Института юридических и политических исследований Академии наук Молдовы, доктор политологии, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7411-9958>, sprinceans@yahoo.com (Кишинев, Республика Молдова)

Туровский Ростислав Феликсович – вице-президент Центра политических технологий, доктор политических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8496-3098>, fft777@mail.ru (Москва, Россия)

Шалаев Владимир Павлович – декан факультета социальных технологий ФГБОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет», доктор философских наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9155-695X>, shalaevvp@volgatech.net (Йошкар-Ола, Россия)

EDITORIAL BOARD

Sergey M. Vdovin – **Editor-in-Chief**, Rector of National Research Mordovia State University, Ph. D. (Economics), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7363-1389>, rector@adm.mrsu.ru (Saransk, Russia)

Sergey V. Polutin – **Deputy Editor-in-Chief**, Director of Research Institute of Regionology, National Research Mordovia State University, Dr. Sci. (Sociology), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0399-4154>, polutin.sergei@yandex.ru (Saransk, Russia)

Svetlana V. Gordina – **Executive Editor**, Member of European Association of Science Editors (EASE), Ph. D. (Pedagogy), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2265-418X>, inted@adm.mrsu.ru, inted@mail.ru (Saransk, Russia)

Nassr S. M. Ahmad – Professor of Accounting, Faculty of Accounting, University of Gharyan, General Manager of Human Resources Development Institute, Libyan Academy, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2057-2220>, nassr_ahmad@yahoo.co.uk (Ghriyan, Libya)

Igor V. Bakhlov – Head of Department, Department of World History, Political Science and Regional Studies, National Research Mordovia State University, Dr. Sci. (Political Science), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6886-5762>, bahlov@mail.ru (Saransk, Russia)

Igor N. Barygin – Professor, Department of European Studies, St. Petersburg State University, Dr. Sci. (Political Science), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8143-3136>, ibarygin@gmail.com (St. Petersburg, Russia)

Andrey G. Bolshakov – Head of Department, Department of Conflict Resolution, Kazan (Volga) Federal University, Dr. Sci. (Political Science), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5036-000X>, bolshakov_andrei@mail.ru (Kazan, Russia)

Andrey V. Dakhin – Head of Department, Department of Philosophy and Political Science, Nizhny Novgorod Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Dr. Sci. (Philosophy), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5907-706X>, nn9222@rambler.ru (Nizhny Novgorod, Russia)

Pavel V. Druzhinin – Head of Department, Department of Modeling and Prognostication of Regional Development, Institute of Economics, Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sci. (Economics), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5303-0455>, pdruzhinin@mail.ru (Petrozavodsk, Russia)

Nadezhda V. Dulina – Professor, Department of Sociology, Volgograd State University, Dr. Sci. (Sociology), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6471-7073>, nv-dulina@yandex.ru (Volgograd, Russia)

Viktor I. Grishin – Rector of Plekhanov Russian University of Economics, Dr. Sci. (Economics), Full Professor, rector@rea.ru (Moscow, Russia)

Sergey A. Kizima – Head of Department, Department of International Relations, Academy of Public Administration under the Aegis of the President of the Republic of Belarus, Dr. Sci. (Political Science), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0725-5391>, kizima@mail.ru (Minsk, Republic of Belarus)

Viktor A. Kovalev – Professor, Department of Political Science and International Relations, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Dr. Sci. (Political Science), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3691-4106>, vant_2000@mail.ru (Syktyvkar, Russia)

Anatoly E. Lapin – Head of Department, Department of Economic Analysis and Public Administration, Ulyanovsk State University, Dr. Sci. (Economics), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1467-0358>, eagov01@mail.ru (Ulyanovsk, Russia)

Marina N. Makarova – Professor, Department of Sociology, Udmurt State University, Dr. Sci. (Sociology), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3176-6386>, makmar11@mail.ru (Izhevsk, Russia)

Valentin G. Nemirovskiy – Chief Researcher at the Training and Research Laboratory, Department of General and Economic Sociology, Tyumen State University, Dr. Sci. (Sociology), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4076-465X>, valnemirov@mail.ru (Tyumen, Russia)

Galina A. Reznik – Head of Department, Department of Marketing and Economic Theory, Penza State University of Architecture and Construction, Dr. Sci. (Economics), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4575-1812>, reznikga@gmail.com (Penza, Russia)

Aigul K. Sadvokassova – Director of the Center for the Study of Interethnic and Interfaith Relations in the Central Asian Region, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Dr. Sci. (Sociology), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3467-0833>, aigul-kaz@yandex.ru (Astana, Republic of Kazakhstan)

Vladimir P. Shalaev – Dean, Faculty of Social Technologies, Volga State University of Technology, Dr. Sci. (Philosophy), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9155-695X>, shalaevvp@volgatech.net (Yoshkar-Ola, Russia)

Žaneta Simanavičienė – Head of Business Innovation Laboratory, Mikolas Romeris University, Dr. Sci. (Economics), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6008-2405>, zasiman@mruni.eu (Vilnius, Lithuania)

Serghei L. Sprincean – Academic Secretary and Leading Researcher, Institute of Legal and Political Research, Academy of Sciences of Moldova, Dr. Sci. (Political Science), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7411-9958>, sprinceans@yahoo.com (Chisinau, Republic of Moldova)

Rostislav F. Turovsky – Vice-President, Center for Political Technologies, Dr. Sci. (Political Science), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8496-3098>, rft777@mail.ru (Moscow, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ**Политические институты, процессы и технологии**

- А. Р. Фофанова.** Демократическая партия Соединенных Штатов Америки и президентские выборы 2020 года: основные кандидаты, темы и особенности предвыборной риторики 398

Политическая регионалистика. Этнополитика

- О. В. Бахлова, И. В. Бахлов.** Государственная политика нациестроительства в России: содержание, институты и механизмы 413

Экономика и управление народным хозяйством

- А. М. Носонов.** Производственно-технологическая инновационная инфраструктура регионов России 436

- Т. А. Игнашева.** Моделирование региональной активности по видам экономической деятельности 461

Социальная структура, социальные институты и процессы

- О. А. Богатова, Е. И. Долгаева, А. В. Митрофанова.** Деятельность социально ориентированных организаций Русской православной церкви: региональные аспекты 489

- Г. С. Попова.** Универсалии и уникалии обрядовой культуры: природо- и человекообразность традиционного 513

- Д. В. Моисеева, Н. В. Дулина.** Финансовое поведение жителей Республики Калмыкия: экономико-статистический анализ 534

- Г. Б. Кошарная, Л. Ф. Каримова, Н. В. Корж.** Социально-экономические индикаторы депривации малообеспеченного населения в российском регионе (на примере Пензенской области) 554

- М. Ю. Бареев, И. О. Качурина.** YouTube как фактор формирования протестного потенциала молодежи 572

- Информация для авторов и читателей (на рус. яз.)** 588

- Информация для авторов и читателей (на англ. яз.)** 590

CONTENTS

Political Institutions, Processes and Technologies

- A. R. Fofanova.** United States Democratic Party and the 2020 Presidential Election: The Main Candidates, Topics and Features of the Election Rhetoric 398

Political Regional Studies. Ethnopolitics

- O. V. Bakhlova, I. V. Bakhlov.** State Policy of Nation-Building in Russia: Content, Institutions and Mechanisms 413

Economics and Management of National Economy

- A. M. Nosonov.** Productive and Technological Innovation Infrastructure of the Regions of Russia 436
- T. A. Ignasheva.** Modeling Regional Performance according to the Types of Economic Activities 461

Social Structure, Social Institutions and Processes

- O. A. Bogatova, E. I. Dolgaeva, A. V. Mitrofanova.** Activities of the Socially Oriented Organizations of the Russian Orthodox Church: The Regional Aspects 489
- G. S. Popova.** Universals and Particulars of Ceremonial Culture: Natural and Human Congruity of the Traditional 513
- D. V. Moiseeva, N. V. Dulina.** Financial Behavior of the Population of the Republic of Kalmykia: An Economic and Statistical Analysis 534
- G. B. Kosharnaya, L. F. Karimova, N. V. Korzh.** Socio-Economic Indicators of Deprivation of Low-Income Population in a Region of Russia (the Case of the Penza Region) 554
- M. Yu. Bareev, I. O. Kachurina.** YouTube as a Factor in Shaping the Protest Potential of Young People 572
- Information for Authors and Readers of the Journal (in Russian)** 588
- Information for Authors and Readers of the Journal (in English)** 590

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ / POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

УДК 321.72:324(73)

<http://regionsar.ru>

ISSN 2587-8549 (Print)

DOI: 10.15507/2413-1407.107.027.201903.398-412

ISSN 2413-1407 (Online)

Демократическая партия Соединенных Штатов Америки и президентские выборы 2020 года: основные кандидаты, темы и особенности предвыборной риторики

А. Р. Фофанова

*ФГБУН «Институт Соединенных Штатов Америки
и Канады Российской академии наук» (г. Москва, Россия),
annafofanova@gmail.com*

Введение. Актуальность исследования обуславливается начавшейся активной фазой борьбы в рядах демократов за право стать кандидатом от Демократической партии на выборах президента Соединенных Штатов Америки в 2020 г. Круг вопросов, тем и особенности предвыборной риторики демократов во многом определяют исход выборов и последующее развитие Соединенных Штатов. Целью статьи является анализ политической риторики основных кандидатов в президенты от Демократической партии и политических тенденций в рядах демократов, происходящих на фоне предвыборной кампании. **Материалы и методы.** Исследование проводилось на основе методов эмпирического анализа: описание, синтез, аналогия, классификация, сравнение, что позволило рассмотреть основные характеристики и темы политической риторики членов Демократической партии Соединенных Штатов Америки. Материалами для изучения послужили публикации в прессе, записи публичных выступлений членов Демократической партии, данные статистики и социологических опросов, исследования российских и зарубежных ученых.

Результаты исследования. Автором были установлены основные темы и особенности предвыборной риторики кандидатов в президенты от Демократической партии. Проблемы здравоохранения, образования и экологии стали центральными сюжетами для потенциальных кандидатов-демократов, что во многом обуславливается значительным полевением повестки и ролью левых демократов в предвыборном процессе. В исследовании показано, что в рядах Демократической партии наблюдается значительная степень политической дезинтеграции. Основная задача демократов – выставить кандидата, который сможет дать отпор энергичной риторике Д. Трампа, удержать традиционный электорат партии и привлечь к ней новых сторонников.

© Фофанова А. Р., 2019

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Обсуждение и заключение. Результаты исследования позволяют получить представление о процессах, происходящих в рядах Демократической партии на этапе выдвижения единого кандидата от демократов на президентских выборах в Соединенных Штатах Америки. Данные, изложенные в статье, будут полезны исследователям, интересующимся историей и политикой Соединенных Штатов. Работа позволяет лучше понять современные тенденции американской внутренней политики, которая во многом определяет положение дел в международных отношениях.

Ключевые слова: Соединенные Штаты Америки, Демократическая партия, президентские выборы 2020 г., демократы, президент Соединенных Штатов Америки

United States Democratic Party and the 2020 Presidential Election: The Main Candidates, Topics and Features of the Election Rhetoric

A. R. Fofanova

*Institute for the U.S. and Canadian Studies of the Russian
Academy of Sciences (Moscow, Russia),
annafofanova@gmail.com*

Introduction. The article is of relevance due to the beginning of the active phase of the race for the right to become the Democratic Party's nominee for the 2020 United States presidential election. The range of issues, topics and features of the election rhetoric of the Democrats will largely determine the outcome of the 2020 election and therefore will influence the subsequent development of the United States. The objective of the study is to analyze the political rhetoric of the major Democratic Party presidential candidates and the political trends among the ranks of the Democrats, taking place against the backdrop of the election campaign.

Materials and Methods. The study was based on the methods of empirical analysis, such as description, synthesis, analogy, classification, and comparison, which made it possible to consider the main characteristics and topics of the political rhetoric of members of the United States Democratic Party. Publications in the media, recordings of public speeches of the Democratic Party members, statistics, sociological polls, and research by Russian and foreign scientists were used as the materials for the study.

Results. The author has identified the main topics and features of the election rhetoric of the Democratic Party presidential candidates. Issues of public health, education, and ecology have become central topics for the potential Democratic presidential candidates, which is largely due to a significant shift to the left and the role of the left-wing Democrats in the electoral process. The study has revealed a significant degree of political disintegration in the Democratic Party. The major challenge the Democrats are faced with today is to nominate a candidate who will be able to fight back the energetic rhetoric of Donald Trump, retain the traditional electorate of the Democratic Party, and attract new supporters.

Discussion and Conclusion. The research results provide an insight into the processes taking place in the Democratic Party at the stage of nominating the Democratic presidential candidate. The data presented in the article will be useful to researchers interested in the history and politics of the United States. The study conducted makes it possible to better understand the current trends in American domestic policies, which largely determine the state of affairs in international relations.

Keywords: United States of America, Democratic Party, 2020 presidential election, Democrats, President of the United States of America

Введение. Президентские выборы в США назначены на ноябрь 2020 г., и Демократическая партия ведет активную подготовку к этому событию. Первое, что бросается в глаза при рассмотрении положения демократов – необычайно большое число кандидатов на пост президента США¹, а также разнообразие их убеждений. Есть в этом списке хорошо известные имена, например, сенатор от штата Вермонт Б. Сандерс, бывший вице-президент США и бывший сенатор от штата Делавэр Дж. Байден, а также представители нового поколения демократов – сенатор от Калифорнии К. Харрис, сенатор от штата Нью-Джерси К. Букер и др.

Появление новых имен в рядах демократов, с одной стороны, может способствовать обновлению партии, выдвижению смелых идей и проектов, на которые поколение политиков Б. Обамы и Центра Американского прогресса ранее не решались. С другой стороны, разнообразие платформ представителей Демократической партии, широта политического спектра – от либеральных консерваторов (бывший вице-президент Дж. Байден, член Палаты представителей США от штата Мэриленд Дж. Делейни, губернатор штата Колорадо Дж. Хикенлупер) и центристов (член Палаты представителей от штата Техас Б. О’Рурк, сенатор от штата Миннесота Э. Клобушар, сенатор от штата Массачусетс Э. Уоррен) до левых социалистов и популистов (сенатор от штата Нью-Йорк К. Джиллибрандт, сенатор от штата Калифорния К. Харрис, сенатор от штата Нью-Джерси К. Букер, сенатор от штата Вермонт Б. Сандерс) – вызывают опасения. Смогут ли демократы найти точки соприкосновения и по итогам праймериз выставить кандидата, устраивающего большинство партийцев и способного стать серьезным соперником Д. Трампа в 2020 г.?

Актуальность выбранной темы и ее значение для развития политических процессов, как в США, так и в мире, определяют цель данной статьи – анализ предвыборной риторики основных кандидатов от Демократической партии на президентских выборах в США в 2020 г.

Обзор литературы. Политическая программа, основные тенденции, которые сегодня наблюдаются в рядах Демократической партии, являются предметом пристального внимания как американских, так и российских историков и политологов. Демократическая партия прошла долгий путь своего становления, поэтому ее современное положение часто рассматривается исследователями через призму исторического опыта² [1–6]. Так, например, В. О. Печатнов исследует эволюцию Демократической партии,

¹ По данным Федеральной избирательной комиссии США на 10 июня 2019 г. кандидатами в президенты США от Демократической партии были зарегистрированы 260 чел. См.: Federal Election Commission. URL https://www.fec.gov/data/candidates/?election_year=2019&election_year=2020&office=P&party=DEM (дата обращения: 10.06.2019).

² Согрин В. В. Политическая история США XVIII–XX вв. М.: Весь мир, 2001. 390 с.

подчеркивая, что демократам удалось стать воплощением либеральных реформ, снижать поддержку среди совершенно разных социальных слоев населения, национальных и религиозных меньшинств³. В то же время Л. Селфа и Х. Вагнер подчеркивают, что в первое десятилетие XX в. Демократическая партия оказалась далека от того либерализма и народности, которые ей часто приписывались, и вопреки ожиданиям в своей политической программе в первую очередь ориентировалась на интересы крупных корпораций и реализацию имперских амбиций в области внешней политики [7; 8].

Изучение современных политических тенденций в Демократической партии США, ее готовности к президентским выборам 2020 г. невозможно без обращения к исследованиям, затрагивающим сюжеты предыдущих президентских кампаний. Большая работа в этом направлении проведена исследователями Института США и Канады РАН [9–11]. Так, Н. М. Травкина, анализируя президентскую кампанию 2016 г., отмечает явный запрос общества на внесистемных политиков, усталость американцев от традиционного политического истеблишмента, заметный интерес к левым идеями, а также острую политическую поляризацию в рядах республиканцев, и демократов [11]. Применительно к выборам 2020 г. уже сейчас можно говорить, что некоторые из этих тенденций не только сохраняются, но и усиливаются. Схожее с точкой зрения Н. М. Травкиной мнение представлено в работе С. Ричардсона [12, с. 28]. Автором отмечается, что неудача демократов в 2016 г. связана с недостаточным вниманием к молодежи, роли «миллениалов» в избирательном процессе. Не менее актуальна статья Н. А. Шведовой о роли женского фактора в кампании 2016 г. [13]. Автор отмечает важную роль женщин в современной американской политике, которые, однако, не представляют собой монолитный блок для голосования, так как часто «партийность перевешивает пол» [13].

Большой интерес у исследователей вызывает Б. Сандерс, который на выборах 2016 г. был основным соперником Х. Клинтон на пост кандидата от демократов, а в нынешней президентской гонке во многом определяет идейное поле Демократической партии [14; 15]. В этой связи интересно наблюдение Б. Рыллински о том, что Д. Трамп и Б. Сандерс демонстрируют куда больше общего, чем могло показаться на первый взгляд, так как их риторика отражает два главных желания американского общества: желание перемен и мечты о глубинных перестройках в политике и экономике [16, р. 40; 17]. Популярность Б. Сандерса также свидетельствует, по мнению Я. Римана, о серьезном кризисе неолиберального капитализма в США [18].

³ Печатнов В. О. Демократическая партия США: избиратели и политика. М., 1980. 246 с.

Отдельно стоит отметить статью Д. Фоглесона [19]. Эта работа является, пожалуй, единственным детальным анализом точек зрения кандидатов от Демократической партии на перспективы развития американско-российских отношений. Автор отмечает, что в целом демократы сохраняют довольно серьезный антироссийский настрой, призывая к политике изоляции России и сдерживания российской угрозы. Дж. Байден, Б. Сандерс, Э. Уоррен изображают Россию вечным врагом, преувеличивают степень агрессии, которую несет в себе Российская Федерация. Вместе с тем Д. Фоглесон считает, что кандидаты от Демократической партии напрасно не учитывают тот факт, что «конструктивный диалог с российскими политическими кругами мог бы способствовать решению общих задач, таких как ограничение расходов на модернизацию ядерного арсенала, противодействие распространению ядерного оружия и борьба с исламским терроризмом» [19].

Настоящая статья посвящена событиям, которые развиваются буквально на наших глазах, поэтому значительного историографического материала по данной тематике еще не накоплено. Дискуссии о перспективах Демократической партии на выборах 2020 г. разворачиваются преимущественно на страницах газет, журналов, а также на ведущих американских телеканалах, так как именно СМИ являются наиболее удобными каналами коммуникации в постоянно меняющемся информационном поле предвыборной кампании. Большинство профессиональных исследователей пока воздерживаются от масштабных научных изысканий относительно предстоящих президентских выборов в США, поскольку расстановка сил на политической арене постоянно меняется, и делать конкретные прогнозы или выводы довольно сложно. Однако уже сейчас можно выделить основные тенденции, темы в риторике демократических кандидатов, которые, очевидно, пройдут красной нитью через всю предвыборную гонку Демократической партии.

Материалы и методы. В статье автор рассматривает основные характеристики и темы политической риторики членов Демократической партии на фоне предвыборной кампании 2020 г., используя традиционные методы эмпирического анализа: описание, синтез, аналогия, классификация. Кроме того, в работе автор опирался на функциональный метод, призванный выделить составные части системы с точки зрения их предназначения, роли и взаимосвязи. Это позволило рассмотреть Демократическую партию в качестве системы, на которую оказывают непрерывное влияние ее элементы: отдельные политики, группы интересов, партийный электорат и т. д. Подобный подход помогает понять комплексность политических процессов, происходящих в Демократической партии США.

Материалами для исследования послужили публикации в средствах массовой информации, преимущественно американских. Для получения

объективных данных о положении дел в Демократической партии автор статьи опирался на сообщения, репортажи и статьи как традиционно прореспубликанской прессы, так и той, что обычно разделяет ценности демократов. Также в работе были использованы записи публичных выступлений членов Демократической партии, статистические данные, данные социологических опросов, результаты научных изысканий российских и зарубежных исследователей.

Результаты исследования. Одной из отличительных особенностей избирательной кампании 2019–2020 гг. является рекордное количество женщин, участвующих в предвыборной внутрипартийной гонке. Эксперты отмечают, что победа Д. Трампа рассеяла традиционные представления о том, каким должен быть президент США. Д. Трамп освободил женщин с точки зрения мышления: они поверили, что политический процесс в Соединенных Штатах непредсказуем, и они могут победить. Многочисленные «женские марши» последних лет (часто их катализатором объявлялась трамповская мезогиния) свидетельствуют о росте политической и социальной активности женского населения, выразителем интересов которого могут стать женщины – кандидаты от Демократической партии. Отмечается, что Э. Уоррен, сенатору от Калифорнии К. Харрис, члену палаты представителей от Гавайев Т. Габбард и другим женщинам-кандидатам нужно быть осторожными с излишними ассоциациями с Х. Клинтон и не переоценивать влияние гендерного фактора и гендерной солидарности в президентской кампании, так как раса, класс, сексуальная ориентация, возраст, уровень образования – все это формирует мотивации и предпочтения женщин-избирательниц [13]. Так, например, в 2016 г. Х. Клинтон не досчиталась голосов белых женщин без высшего образования, которые предпочли поддержать Д. Трампа⁴. Женщинам-кандидатам не стоит также, как в случае с К. Джиллибрандт, известной своими феминистскими взглядами, рассматривать президентскую гонку в качестве личной вендетты Д. Трампу.

Яркой тенденцией в рядах демократических кандидатов стало заметное «полевение» повестки. Речь идет не только о Б. Сандерсе, который заявил о своей готовности «бороться с неравенством, коррумпированностью финансовой системы»⁵. К. Букер выдвинул программу «American Opportunity Accounts Act»⁶, которая предполагает открытие государствен-

⁴ Walter A. Getting to Know White Voters // The Cook Political Report. August 29, 2018. URL: <https://cookpolitical.com/analysis/national/national-politics/getting-know-white-voters> (дата обращения: 10.06.2019).

⁵ Otterbein H. Sanders launches Second Bid for Presidency // Politico. February 19, 2019. URL: <https://www.politico.com/story/2019/02/19/bernie-sanders-presidential-campaign-2020-1173598> (дата обращения: 10.06.2019).

⁶ Booker Announces New Bill Aimed at Combating Wealth Inequality // Cory Booker United States Senator for New Jersey. October 22, 2018. URL: https://www.booker.senate.gov/?p=press_release&id=861 (дата обращения: 10.06.2019).

ного сберегательного, пополняемого счета на каждого новорожденного в США. Финансироваться программа должна за счет налогов на прирост капитала и имущественного налога. Б. Сандерс считает, что налог на имущество стоимостью более 1 млрд долл. должен быть повышен до 77 %, на собственность стоимостью 3,5–10 млн долл. – до 45 %. Э. Уоррен высказалась в поддержку среднего класса, который, по ее словам, находится под серьезным давлением государства, в то время как крупные корпорации богатеют, а правительство коррумпировано⁷. Б. О'Рурк, Т. Габбард заявили о необходимости повышения доступности образования, развития профсоюзного движения, а К. Харрис выступила в поддержку плана Б. Сандерса «Medicare for All»⁸, заявив, что право на медицинское обслуживание должно стать неотъемлемым правом американца.

Программа «Medicare for All», представленная Б. Сандерсом в 2017 г., призвана установить для всех жителей США универсальную систему медицинского обслуживания, финансируемую государством. Несмотря на то, что программа нашла широкий отклик в рядах левых демократов, некоторые из членов партии заявили, что ее введение может привести к ухудшению качества предоставляемых медицинских услуг, понижению заработной платы медицинских сотрудников и т. д. Сенатор К. Букер заявил: «Этому законопроекту будет очень сложно пройти, поэтому партия должна быть готова внести серьезные изменения»⁹. Спикер нижней палаты Конгресса Н. Пелоси придерживается менее радикальных мер, считая необходимым продолжить работу в рамках программы «Affordable Care Act»¹⁰.

Большой резонанс в рядах демократов произвел также проект прогрессивного политика А. Окасио-Кортес «The Green New Deal»¹¹. Автор проекта заявляет, «что силы страны должны быть мобилизованы на предотвращение глобального потепления и минимизацию возможных негативных последствий для социально-незащищенных слоев населения»¹². Конечной целью своей программы А. Окасио-Кортес считает полный переход США на возобновляемые источники энергии, отказ от атомной энергии, а также создание системы социальных гарантий (качественное

⁷ Borosage R. L. Elizabeth Warren Has the Plans. The votes are another matter // The Nation. April 30, 2019. URL: <https://www.thenation.com/article/elizabeth-warren-policy-ideas-primary-2020/> (дата обращения: 10.06.2019).

⁸ Health Care for All // Bernie. URL: <https://www.berniesanders.com/issues/health-care-for-all/> (дата обращения: 10.06.2019).

⁹ Warmbrodt Z. Booker Backs 'Medicare for All' but Pledges 'Pragmatist' Approach // Politico. May 5, 2019. URL: <https://www.politico.com/story/2019/05/05/cory-booker-medicare-for-all-1302505> (дата обращения: 10.06.2019).

¹⁰ Turner A. Nancy Pelosi Urges Caution on 'Medicare for All,' Says Obamacare is Best Path to 'Quality, Affordable' Health Care // CNBC. April 5, 2019. URL: <https://www.cnb.com/2019/04/05/house-speaker-nancy-pelosi-urges-caution-on-medicare-for-all.html> (дата обращения: 10.06.2019).

¹¹ Green New Deal. URL: https://www.gp.org/green_new_deal (дата обращения: 10.06.2019).

¹² Там же.

здравоохранение, твердые заработные платы, гарантированные оплачиваемые отпуска) для широких слоев населения. По сути, речь идет о масштабной инфраструктурной перестройке, сокращении традиционных сегментов экономики, на которые сегодня опирается администрация Д. Трампа, и создание инновационных «чистых» секторов в экономике. По мнению прогрессистов, новые секторы в экономике должны создать рабочие места, подготовить почву для увеличения социальной стабильности и равенства американского общества. Финансировать программу А. Окасио-Кортес предлагает за счет увеличения государственного долга, «государство могло бы выпустить государственные облигации программы "The Green New Deal", чтобы американцы получили доходы со своих инвестиций в программу»¹³.

В поддержку «The Green New Deal» уже высказались 64 демократа в Конгрессе и 9 – в Сенате, включая К. Харрис, Э. Уоррен, К. Букера, К. Джиллибрандт и Б. Сандерса. Однако Н. Пелоси скептически относится к данному проекту, заявляя, что в действительности эта идея является социалистической, а идеи социализма не свойственны Демократической партии¹⁴. Т. Габбарт не отрицает важность экологической повестки, но полагает, что программа «The Green New Deal» слишком обширна и туманна, в ней много пунктов, которые могут быть неверно истолкованы. П. Бледсу, бывший советник Б. Клинтона по климатическим изменениям, заявил, что демократам стоило бы воздержаться от слишком наивных идей экологических активистов об отказе от атомной энергии и сделать акцент на расширении использования «чистых» источников энергии. Более консервативные демократы в Палате представителей, так называемые синие псы, не комментируют амбициозный проект своих прогрессивно настроенных коллег. Либеральный консерватор Дж. Хикенлупер, для которого экологический вопрос также стал одним из центральных в предвыборной программе, заявил: «Нам нужны мечтатели в Вашингтоне... но я уже доказал, что мне удастся объединить людей, чтобы в конечном итоге добиться качественных изменений, которых Вашингтон пока не смог достигнуть»¹⁵. Дж. Хикенлупер считает, что первым шагом на пути решения экологического вопроса должна стать разработка законодательства по сокращению выброса метана.

Целый ряд потенциальных кандидатов в президенты от Демократической партии выступили за усиление роли государства в области эко-

¹³ Там же.

¹⁴ Kwong J. Nancy Pelosi Keeps Criticizing Alexandria Ocasio-Cortez: Here is the House Speaker's Most Notable Jibes // Newsweek. April 16, 2019. URL: <https://www.newsweek.com/nancy-pelosi-criticizing-alexandria-ocasio-cortez-1398184> (дата обращения: 10.06.2019).

¹⁵ Bledsoe P. Hickenlooper's Real Green Deal // RealClear Politics. URL: https://www.realclearpolitics.com/articles/2019/03/08/hickenloopers_real_green_deal__139686.html (дата обращения: 10.06.2019).

номики, поддержание частной инициативы. Они требуют от государства поддержки малого и среднего бизнеса, ограничения влияния крупных корпораций. Подобный «левый» поворот сами демократы объясняют общим настроением американского общества, которое жаждет социальных гарантий и стабильности. В американском обществе также назрел запрос на непрофессиональных политиков, людей, не принадлежащих к старому истеблишменту, способных действовать решительно, без оглядки на политические традиции. Ярким примером тому служит сам Д. Трамп, который вопреки всем прогнозам одержал победу над опытным политиком Х. Клинтон. Несмотря на то, что большинство демократических кандидатов клеймят Д. Трампа за его иммиграционную, социальную политику, пророчат ему тюремный срок за махинации на выборах, именно его пример показывает, что можно выиграть президентские выборы с весьма экстравагантными и смелыми пунктами в президентской программе. Кроме того, эксперты отмечают, что появлению левой повестки способствует и нынешнее состояние американской экономики – средний доход домохозяйств в США остается на уровне 1999 г.

Республиканская партия уже начала использовать «левый» поворот в рядах Демократической партии для дискредитации своих политических оппонентов. Левых демократов республиканцы уже окрестили радикалами, потерявшими связь с действительностью. «The Green New Deal» Трамп назвал «самым абсурдным, что можно только придумать»¹⁶, проектом, а социальная политика левых демократов, по его мнению, может негативно сказаться на экономике страны, покачнуть ее устои. Отметим, что и в рядах самих демократов есть те, кто со скепсисом относится к подобным левым настроениям внутри партии. Согласно опросам Института Гэллага, около 51 % членов Демократической партии причисляют себя к либералам, 34 – по-прежнему относят себя к центристам, а 13 % – называют себя консерваторами¹⁷. Демократ-консерватор, бывший генеральный директор компании Starbucks Г. Шульц, который отказался участвовать в предвыборной кампании, когда в нее вступил Дж. Байден, заявил: «Дональд Трамп придерживается радикальных взглядов, но демократы, в некотором роде, стали еще более радикальными»¹⁸. Идею Э. Уоррена о налоге на роскошь Г. Шульц назвал нелепой, а проект

¹⁶ Gstalter M. Trump: Green New Deal ‘the most preposterous thing’ and ‘easy to beat’ // The Hill. March 22, 2019. URL: <https://thehill.com/homenews/administration/435263-trump-green-new-deal-is-the-most-preposterous-thing-and-easy-to-beat> (дата обращения: 10.06.2019).

¹⁷ Samuels B. Most Democrats Identify as Liberals for First Time in Gallup Poll // The Hill. January 8, 2019. URL: <https://thehill.com/blogs/blog-briefing-room/424280-most-democrats-identify-as-liberals-for-first-time-gallup> (дата обращения: 10.06.2019).

¹⁸ Hains T. Howard Schultz: Trump will Win in 2020 If Democrats Embrace “Extreme” Socialism // RealClear Politics. March 11, 2019. URL: https://www.realclearpolitics.com/video/2019/03/11/howard_schultz_trump_will_win_in_2020_if_democrats_embrace_extreme_socialism.html (дата обращения: 10.06.2019).

«Medicare for All» – недоступным для бюджета страны. Миллиардер и бывший мэр Нью-Йорка М. Блумберг, слухи о выдвижении которого активно циркулировали в прессе, считает, что многие идеи левых демократов неконституционны, а экс-губернатор Калифорнии Дж. Браун предостерег однопартийцев от чрезмерного уклона влево и использования «сомнительных схем». Б. Макадамс, член Палаты представителей от 4-го округа штата Юта, отвечая на вопрос о проекте «The Green New Deal», отметил: «Есть некоторый разлад в рядах Демократической партии: собираемся ли мы отклониться влево или остаться в центре? Я не знаю, куда пойдет Демократическая партия, но я знаю, что останусь в центре»¹⁹.

С интересом отметим, что несмотря на большой резонанс, который вызвали программы левых демократов с лозунгами, обещающими бесплатное здравоохранение, образование, повышение уровня социальных гарантий, данные Исследовательского центра Пью показали, что 53 % американцев, традиционно поддерживающих Демократическую партию, одобрили бы смещение основного курса партии к центру. Эксперты связывают это с тем, что политическое поле партии перенасыщено кандидатами в президенты левого толка, в то время как центристы и консерваторы пока еще не проявили себя в полной мере. Исключение составляют некоторые кандидаты. Так, сенатор от штата Миннесота Э. Клобушар не поддержала инициативу о бесплатном, финансируемом государством, медицинском обслуживании, но высказалась за доступность высшего образования. При этом она считает невозможным введение полностью бесплатного обучения в колледже. Б. О'Рурк отказывается называть себя «прогрессистом» и часто подвергается критике своих однопартийцев за несогласие поддерживать левую повестку. Бывший американский вице-президент Дж. Байден определил свою политическую принадлежность как «единственный взрослый, который будет работать с республиканцами».

Остановимся подробнее на кандидатуре последнего. Дж. Байден, который лишь в апреле 2019 г. принял официальное решение об участии в гонке за место кандидата в президенты от Демократической партии, является лидером общественного мнения в рядах демократов (последние опросы на кокусе в Неваде показали, что 36 % присутствующих поддержали бы кандидатуру Дж. Байдена, Э. Уоррен получила бы 19 %, а Б. Сандерс – 13 %²⁰). Однако не совсем ясно, связана ли эта популяр-

¹⁹ Hains T. Howard Schultz: Trump will Win in 2020 If Democrats Embrace “Extreme” Socialism // RealClear Politics. March 11, 2019. URL: https://www.realclearpolitics.com/video/2019/03/11/howard_schultz_trump_will_win_in_2020_if_democrats_embrace_extreme_socialism.html (дата обращения: 10.06.2019).

²⁰ Sparks G. Joe Biden Tops Democratic Field in Nevada Poll // CNN Politics. June 12, 2019. URL: <https://edition.cnn.com/2019/06/12/politics/nevada-democratic-poll-monmouth-june/index.html> (дата обращения: 12.06.2019).

ность с его прошлой карьерой вице-президента и соратника Б. Обамы или же американцы действительно рассматривают его как реального кандидата, способного бросить вызов Д. Трампу. В своей речи о готовности вступить в предвыборную борьбу Дж. Байден подчеркнул, что именно политика Д. Трампа и угроза сохранения за ним президентского кресла заставила Байдена решиться в третий раз попробовать свои силы в президентской гонке²¹.

Эксперты отмечают, что Дж. Байден в качестве кандидата в президенты устроил бы многих в рядах Демократической партии, особенно в свете того, что, работая с Б. Обамой, ему удалось заручиться широкой поддержкой цветного электората. Однако критики Байдена заостряют свое внимание на целом ряде скандалов в политической карьере бывшего вице-президента, который, например, в 1970-е гг. выступил противником десегрегации, не поддержав создание так называемых десегрегационных автобусов для перевозки чернокожих учеников в школы, где обучались преимущественно белые. Политические перспективы Дж. Байдена неоднозначны: он уже неоднократно пытался занять президентское кресло, но ни разу не смог стать даже кандидатом от демократов²². Дж. Байден является представителем традиционного американского истеблишмента, от которого, как показали выборы 2016 г., избиратели в США давно устали. Все зависит от того, сможет ли Байден синтезировать в своей предвыборной платформе одиозные идеи, высказываемые левыми демократами, и умеренный центристско-консервативный подход.

Обсуждение и заключение. На данный момент перед Демократической партией стоит задача консолидироваться, забыть о своих внутренних противоречиях, сконцентрироваться в первую очередь на том, какая программа позволит одержать победу над Д. Трампом, чьи шансы на переизбрание будут велики в случае, если ему удастся сохранить рост американской экономики, предотвратить серьезное влияние на нее торговых войн с Китаем, а также стабилизировать низкий уровень безработицы. Кроме того, демократам предстоит избрать кандидата, который, с одной стороны, будет отвечать интересам традиционного электората партии, а с другой – сможет привлечь новых избирателей, снискать поддержку у этнических меньшинств, социальных активистов и молодежи, так называемого поколения Z, которое в 2020 г. будет впервые голосовать на

²¹ Saddiqui S., McCarty T. Joe Biden Announces 2020 Presidential Run // The Guardian. April 25, 2019. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2019/apr/25/joe-biden-presidential-campaign-2020-elections> (дата обращения: 10.06.2019).

²² Бесперспективный Джо: удастся ли бывшему вице-президенту США Байдену стать кандидатом от демократов на выборах 2020 года // Деловой Казахстан. 8 октября 2018 г. URL: <https://dknews.kz/amerika/besperspektivnyi-dzo-udatsa-li-byvsemu-vice-prezidentu-ssa-baidenu-stat-kandidatom-ot> (дата обращения: 10.06.2019).

выборах. Вместе с тем потенциальный кандидат от демократов должен предложить свежую, но не слишком шокирующую программу, которая станет противовесом трамповского экологического нигилизма, резкой иммиграционной политики и агрессивного капитализма.

Полученные результаты исследования позволяют судить о глубинных процессах перестройки в рядах Демократической партии и могут стать основной для дальнейшего изучения предвыборного процесса в современных Соединенных Штатах Америки, его влияния на внутреннюю и внешнюю политику государства. Результаты исследования могут быть полезны историкам, политологам, а также всем интересующимся современными политическими процессами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Абрамов Ю. К. Американская партийная модель // США: экономика, политика, идеология. 1992. № 2. С. 50–64.

2. Василенко П. В. Демократическая партия США как важный компонент американской политической системы (краткий историко-политический экскурс) // Ключ. 2013. № 3. С. 56–60. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18879357> (дата обращения: 17.04.2019).

3. Bartlett B. Wrong on Race. The Democratic Party's Buried Past. N.Y., 2008. 300 p. URL: <https://www.amazon.com/Wrong-Race-Democratic-Partys-Buried-ebook/dp/B00FOBHV8E> (дата обращения: 17.04.2019).

4. Judis J. B. The Emerging Democratic Majority. N.Y., 2002. 240 p. URL: <https://www.amazon.com/Emerging-Democratic-Majority-John-Judis/dp/0743254783> (дата обращения: 17.04.2019).

5. Ostrogorsk M. Democracy and the Organization of Political Parties. Volume II: The United States. New Brunswick, 2009. 418 p. URL: <https://www.amazon.com/Democracy-Organization-Political-Parties-Classics/dp/0878558780> (дата обращения: 17.04.2019).

6. Roberts R. A History of the Democratic Party. Hockessin, 2013.

7. Selfa L. The Democrats: A Critical History. Chicago, 2008. 240 p. URL: <https://www.amazon.com/Democrats-Critical-History-Updated/dp/1608461920> (дата обращения: 17.04.2019).

8. Wagner H. L. The History of the Democratic Party. N.Y., 2007. 120 p. URL: <https://www.amazon.com/History-Democratic-Party-U-S-Government/dp/0791094197> (дата обращения: 17.04.2019).

9. Васильев В. С. Между глобализмом и национализмом: исторический выбор (анализ предвыборных партийных программ) // Россия и Америка в XXI веке. 2016. № 2. URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=507> (дата обращения: 17.04.2019).

10. Рогов С. М., Рогова Н. В. Выборы 2016 года в США: итоги и перспективы (часть первая) // США и Канада: экономика, политика, культура. 2017. № 1. С. 17–31. URL: <http://www.iskran.ru/journal.php?id=136> (дата обращения: 17.04.2019).

11. Травкина Н. М. Президентская кампания 2016 года как отражение эволюционных особенностей политической системы США // Россия и Америка в XXI веке. 2016. № 1. URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=487> (дата обращения: 17.04.2019).

12. Richardson S. Populism and a Divided America // Paideia. 2017. Vol. 4, no. 1. Pp. 1–29. URL: https://www.academia.edu/36378753/Populism_and_a_Divided_America (дата обращения: 17.04.2019).

13. Шведова Н. А. О президентской кампании 2016 года в США: гендерное измерение // Россия и Америка в XXI веке. 2016. № 3. URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=523> (дата обращения: 17.04.2019).

14. Shelley F. M., Hitt A. M. The Millennial Vote in the 2016 Democratic Primary Elections // Southeastern Geographer. 2016. Vol. 56, no. 3. Pp. 273–282. DOI: <https://doi.org/10.1353/sgo.2016.0032>

15. Isaac J.C. #Against Trump Notes From Year One. N.Y., 2018. URL: <http://www.publicseminar.org/downloads/againsttrump-notes-from-year-one/> (дата обращения: 17.04.2019).

16. Rydliński B. Between Vision and Scandal. Analysis of Bernie Sanders and Donald Trump’s Language During the American Presidential Primaries // Historia i Polityka. 2018. No. 26. Pp. 29–41. DOI: <https://doi.org/10.12775/HiP.2018.029>

17. Macaulay M. Bernie and the Donald: A Comparison of Left- and Right-Wing Populist Discourse // Populist Discourse / M. Macaulay, eds. Toronto, Palgrave Macmillan, Cham, 2019. Pp. 165–195. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-97388-3_6

18. Rehmann J. Bernie Sanders and the Hegemonic Crisis of Neoliberal Capitalism: What Next? // Socialism and Democracy. 2016. Vol. 30, no. 3. Pp. 1–11. DOI: <https://doi.org/10.1080/08854300.2016.1228874>

19. Фоглесон Д. С. Как кандидаты в президенты от Демократической партии США должны (или не должны) говорить о России // Международная жизнь. 2019. № 3. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2164> (дата обращения: 17.04.2019).

Поступила 29.04.2019; принята к публикации 14.06.2019; опубликована онлайн 30.09.2019.

Об авторе:

Фофанова Анна Романовна, научный сотрудник Центра внутривосточных исследований ФГБУН «Институт Соединенных Штатов Америки и Канады Российской академии наук» (121069, Россия, г. Москва, Хлебный пер., д. 2/3), кандидат исторических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2451-6154>, annafofanova@gmail.com

Благодарности. Автор выражает благодарность рецензентам, проводившим слепое анонимное рецензирование данной работы.

Для цитирования:

Фофанова А. Р. Демократическая партия Соединенных Штатов Америки и президентские выборы 2020 года: основные кандидаты, темы и особенно-

сти предвыборной риторики // Регионология. 2019. Т. 27, № 3. С. 398–412.
DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.107.027.201903.398-412>

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Abramov Yu.K. American Party Model. *SShA: ehkonomika, politika, ideologiya* = USA – Economics, Politics, Ideology. 1992; (2):50-64. (In Russ.)
2. Vasilenko P.V. U.S. The Democratic Party of the United States as an Important Component of the American Political System (a Brief History and Political Science Digression). *Klio*. 2013; (3):56-60. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18879357> (accessed 17.04.2019). (In Russ., abstract in Eng.)
3. Bartlett B. Wrong on Race. The Democratic Party's Buried Past. N.Y.; 2008. Available at: <https://www.amazon.com/Wrong-Race-Democratic-Partys-Buried-ebook/dp/B00FOBHV8E> (accessed 17.04.2019). (In Eng.)
4. Judis J.B. The Emerging Democratic Majority. N.Y.; 2002. Available at: <https://www.amazon.com/Emerging-Democratic-Majority-John-Judis/dp/0743254783> (accessed 17.04.2019). (In Eng.)
5. Ostrogorsk M. Democracy and the Organization of Political Parties. Volume II: The United States. New Brunswick; 2009. Available at: <https://www.amazon.com/Democracy-Organization-Political-Parties-Classics/dp/0878558780> (accessed 17.04.2019). (In Eng.)
6. Roberts R. A History of the Democratic Party. Hockessin; 2013. (In Eng.)
7. Selifa L. The Democrats: A Critical History. Chicago; 2008. Available at: <https://www.amazon.com/Democrats-Critical-History-Updated/dp/1608461920> (accessed 17.04.2019). (In Eng.)
8. Wagner H.L. The History of the Democratic Party. N.Y.; 2007. (In Eng.)
9. Vasiliev V.S. Between Globalism and Nationalism: America at Historical Crossroads (Analysis of the Main Political Parties Electoral Platforms). *Rossiia i Amerika v XXI veke* = Russia and America in XXI Century. 2016; (2). Available at: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=507> (accessed 10.06.2019). (In Russ., abstract in Eng.)
10. Rogov S.M., Rogova N.V. The 2016 Elections in the U.S.: Results and Prospects (Part I). *SShA i Kanada: ehkonomika, politika, kultura* = USA v Canada: Economics – Politics – Culture. 2017; (1):17-31. Available at: <http://www.iskran.ru/journal.php?id=136> (accessed 17.04.2019). (In Russ., abstract in Eng.)
11. Travkina N.M. Evolutionary Features of the U.S. Political System and the Presidential Elections 2016. *Rossiia i Amerika v XXI veke* = Russia and America in XXI Century. 2016; (1). Available at: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=487> (accessed 10.06.2019). (In Russ., abstract in Eng.)
12. Richardson S. Populism and a Divided America. *Paideia*. 2017; 4(1):1-29. Available at: https://www.academia.edu/36378753/Populism_and_a_Divided_America (accessed 10.06.2019). (In Eng.)

13. Shvedova N.A. On the Presidential Campaign of 2016 in the United States: The Gender Dimension. *Rossiya i Amerika v XXI veke* = Russia and America in XXI Century. 2016; (3). Available at: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=523> (accessed 10.06.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

14. Shelley F.M., Hitt A.M. The Millennial Vote in the 2016 Democratic Primary Elections. *Southeastern Geographer*. 2016; 56(3):273-282. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1353/sgo.2016.0032>

15. Isaac J.C. #Against Trump Notes From Year One. N.Y.; 2018. Available at: <http://www.publicseminar.org/downloads/againsttrump-notes-from-year-one/> (accessed 17.04.2019). (In Eng.)

16. Rydliński B. Between Vision and Scandal. Analysis of Bernie Sanders and Donald Trump's Language During the American Presidential Primaries. *Historia i Polityka*. 2018; (26):29-41. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.12775/HiP.2018.029>

17. Macaulay M. Bernie and the Donald: A Comparison of Left- and Right-Wing Populist Discourse. In: M. Macaulay, eds. *Populist Discourse*. Toronto: Palgrave Macmillan, Cham; 2019. p. 165-195. (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-97388-3_6

18. Rehmann J. Bernie Sanders and the Hegemonic Crisis of Neoliberal Capitalism: What Next? *Socialism and Democracy*. 2016; 30(3):1-11. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1080/08854300.2016.1228874>

19. Fogleson D.S. How U.S. Democratic Presidential Candidates Should (or Should Not) Talk about Russia. *Mezhdunarodnaya zhizn* = International Affairs. 2019; (3). Available at: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2164> (accessed 10.06.2019). (In Russ.)

Submitted 29.04.2019; accepted for publication 14.06.2019; published online 30.09.2019.

About the author:

Anna R. Fofanova, Researcher, Center for U.S. Domestic Politics, Institute for the U.S. and Canadian Studies of the Russian Academy of Sciences (2/3 Khlebnyy Pereulok, Moscow 121069, Russia), Ph. D. (History), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2451-6154>, annafofanova@gmail.com

Acknowledgements. The author expresses her appreciation to the reviewers for the double-blind peer review of this paper.

For citation:

Fofanova A.R. United States Democratic Party and the 2020 Presidential Election: The Main Candidates, Topics and Features of the Election Rhetoric. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2019; 27(3):398-412. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.107.027.201903.398-412>

The author has read and approved the final version of the manuscript.

УДК 316.334.3

<http://regionsar.ru>

ISSN 2587-8549 (Print)

DOI: 10.15507/2413-1407.107.027.201903.413-435

ISSN 2413-1407 (Online)

**Государственная политика нациестроительства в России:
содержание, институты и механизмы****О. В. Бахлова*****И. В. Бахлов**

*ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия),
olga.bahlova@mail.ru

Введение. Актуальность исследования обусловлена необходимостью эффективной поддержки процесса нациестроительства, предполагающего решение принципиальных для российского государства и населения страны социально-политических задач. Это завершение формирования российской нации, обеспечение общегражданской, этнокультурной, территориальной идентичностей с учетом их сбалансированного и гармоничного сосуществования и развития, сохранение и укрепление национального самосознания в непростых условиях глобальных, региональных и внутренних тенденций и вызовов. Цель исследования – концептуализация государственной политики нациестроительства в современной России и идентификация ее содержания, институтов и механизмов формирования и реализации путем интерпретации экспертных оценок и практики ответственных органов в структуре федеральной власти.

Материалы и методы. Исследование базируется на материалах экспертного опроса по проблематике нациестроительства, данных, размещенных на официальных сайтах профильных комитетов Государственной Думы и Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, а также в Системе обеспечения законодательной деятельности. Анализ деятельности парламентских комитетов осуществлялся с помощью институционального, сравнительного и формально-юридического методов.

© Бахлова О. В., Бахлов И. В., 2019

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Результаты исследования. Предложен вариант концептуализации государственной политики нациестроительства через выстраивание иерархии факторов нациестроительства, выделение ее ключевых сфер, методов и технологий, объяснение специфики нормативного закрепления, субъектного состава и механизмов реализации. В ракурсе инвентаризации, кодификации и демонстрации проблемы выявлены и акцентированы статусно-ролевые характеристики парламентских институтов, вовлеченных в процесс нациестроительства.

Обсуждение и заключение. Результаты исследования имеют теоретическую и практическую значимость. Сформулировано и обосновано системное представление о сущности и содержании государственной политики нациестроительства. Показаны главные проблемные моменты в этой области, сложившиеся константы, новые векторы в деятельности профильных комитетов и во взаимоотношениях федеральных органов законодательной и исполнительной власти. Результаты исследования могут быть использованы для совершенствования их работы в разных сферах государственной политики, ориентированной на продвижение нациестроительства, расширение и углубление диалога властных структур и неправительственных институтов.

Ключевые слова: государственная политика нациестроительства, национальная политика, парламентские комитеты, пространственное развитие, региональная политика, Федеральное Собрание Российской Федерации, федеративное устройство

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Пространственное развитие России как фактор нациестроительства и формирования национальной идеи» № 18-011-00364 А.

State Policy of Nation-Building in Russia: Content, Institutions and Mechanisms

O. V. Bakhlova*, I. V. Bakhlov

*National Research Mordovia State University (Saransk, Russia)
olga.bahlova@mail.ru

Introduction. The relevance of the study is due to the need to effectively support the process of nation-building which implies coping with social and political tasks that are fundamental for the Russian state and the population of the country. This is the completion of the formation of the Russian nation, ensuring civil, ethno-cultural, and territorial identities, taking into account their balanced and harmonious coexistence and development, preservation and strengthening of national identity in the adverse conditions of global, regional and internal trends and challenges. The purpose of the study is to conceptualize the state policy of nation-building in modern Russia and to identify its content, institutions and mechanisms of formation and implementation by means of interpreting expert assessments and the practice of the responsible bodies in the structure of the federal government.

Materials and Methods. The study is based on the materials of an expert survey on the issues of nation-building, on the data from the official websites of the relevant committees of the State Duma and the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, as well as from the System for ensuring legislative activity. The analysis of the activities of parliamentary committees was performed using institutional, comparative, and the formal legal methods.

Results. The authors have proposed a variant of the conceptualization of the state policy of nation-building through creating a hierarchy of factors of nation-building, highlighting its key areas, methods and technologies, explaining the specifics of the normative consolidation, the structure and the implementation mechanisms. In terms of the inventory, codification and demonstration of the issue, the status-role characteristics of the parliamentary institutions involved in the nation-building process have been identified and emphasized.

Discussion and Conclusion. The results of the study have theoretical and practical significance. The systemic idea of the essence and content of the state policy of nation-building has been formulated and substantiated. The main areas of concern, the established constants, and new vectors in the activities of the relevant committees and in the relations between the federal bodies of legislative and executive power have been revealed. The results of the study can be used to improve their work in various areas of the public policy focused on promoting nation-building, expanding and deepening the dialogue between the authorities and non-governmental institutions.

Keywords: state policy of nation building, national policy, parliamentary committees, spatial development, regional policy, Federal Assembly of the Russian Federation, federal structure

Funding. The study was carried out with the financial support from the Russian Foundation for Basic Research, the project ‘Spatial Development of Russia as a Factor of Nation-Building and Formation of the National Idea’ No. 18-011-00364 A.

Введение. Государственная политика нациестроительства может рассматриваться как комплексная деятельность уполномоченных органов по закреплению и обогащению положительных тенденций, сложившихся естественно-историческим путем, стимулированию чувства единства, общности своих граждан (и соотечественников – в более широком смысле). Отечественный опыт убеждает в том, что процесс нациестроительства включает заметные конструктивистские начала, которые нередко сопрягаются либо с личностными характеристиками лидеров, вождей, правителей и т. п., либо в целом с политико-правовой областью, где ключевыми являются конкуренция в борьбе за власть, доступ к рычагам общественного/государственного управления и контроль над ними. Однако в любом случае он вводится в определенные рамки благодаря институциональным или неинституциональным механизмам. Несомненную важность приобретают нормативные требования, задаваемые решениями органов государственной власти и формирующие поведение субъектов отношений, осуществляющихся внутри возникающей общности (нации, народа, этнической группы и пр.).

Государство призвано оказывать поддержку традиционным ценностям, развитию государственного языка, языков и культуры народов, населяющих страну, обеспечивать гармоничное пространственное развитие, сбалансированные центрально-региональные и межрегиональные связи, сохранение исторической памяти, создание и продвижение националь-

ных (страновых) брендов и проводить иные мероприятия и действия в этом русле. Соответственно, речь идет о консолидации усилий в разных сферах государственной политики – национальной, региональной, экономической, социальной, научно-образовательной, молодежной и пр. Более активны на практике здесь в первую очередь органы исполнительной власти, но в определении стратегических ориентиров и установлении правовых основ незаменима роль главы государства и законодательных органов. Необходимо также вовлечение в этот процесс – с неизменным соблюдением требований общегосударственного законодательства – общественных организаций и регионов, что особенно значимо для России, имеющей федеративную форму устройства, сложный состав населения и обширную территорию. Поэтому применительно к нашей стране в анализируемом ключе в совокупность базовых сфер, коррелирующих между собой в контексте нациестроительства, следует обязательно включать работу по совершенствованию федеративных отношений. В формулировании ее главных направлений ключевые функции реализуются парламентскими комитетами в структуре обеих палат Федерального Собрания Российской Федерации – Комитетом Государственной Думы по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления и Комитетом Совета Федерации по федеративному устройству, региональной политике, местному самоуправлению и делам Севера. В настоящем исследовании они будут рассматриваться нами как важные парламентские институты государственной политики нациестроительства.

Цель нашего исследования – концептуализация государственной политики нациестроительства в современной России и идентификация ее содержания, институтов и механизмов формирования и реализации путем интерпретации экспертных оценок и практики ответственных органов в структуре федеральной власти. Главное внимание при этом уделяется сопряжению факторов достижения и обеспечения общегражданской идентичности и пространственного развития России в деятельности профильных думских и сенатских комитетов. Задачи исследования: выявить спектр экспертных оценок и рекомендаций в области государственной политики нациестроительства; охарактеризовать вопросы ведения комитетов Госдумы и Совета Федерации в анализируемой области; показать динамику законодательной деятельности названных комитетов за определенный период; рассмотреть основные формы их участия в мероприятиях с привлечением иных органов федерального и регионального уровней, экспертных и научных кругов и пр.; показать специфику соотношения статусно-ролевых характеристик законодательных и исполнительных органов власти в указанной области.

Хронологические рамки исследования охватывают период VII созыва Госдумы (с 18 сентября 2016 г.). Аналогичные рамки для удобства

сравнения определенных критериев устанавливаются и для Комитета Совета Федерации по федеративному устройству, региональной политике, местному самоуправлению и делам Севера, несмотря на частичную ротацию состава сенаторов за этот период.

Обзор литературы. Проблематика нациестроительства привлекает пристальное внимание отечественных и зарубежных исследователей, интерпретирующих ее с различных позиций.

С теоретико-методологической точки зрения, имея в виду определение содержания и сущности процесса нациестроительства, сейчас продолжается сосуществование подходов и моделей (примордиализм, конструктивизм, инструментализм; социокультурная, идеологическая, политологическая и иные модели). Их отличительные черты достаточно показаны в теоретическом дискурсе [1–3].

Подчеркнем, что и собственно этнополитическая составляющая, особенно применительно к переходным обществам и режимам, исследуется в рамках самых разнообразных трактовок. Наиболее распространенными среди них можно считать следующие версии: 1) институциональные, в центре которых находится изменение «режимов этничности», понимаемых как политика конфигурирования нации в связи с ее этническим обликом (в СССР и России констатируется складывание мультиэтничного режима) [4]; 2) редуccionистские, предшественники которых сводят этнический национализм к стремлению к сепаратизму на основе «этнической обиды» [5; 6]; 3) нормативные, для которых типично утверждение о российском «перформативном нелиберализме», ориентированном на патриотизм, национальный дух и гордость, «естественные», «органические» связи, определяющие чувство принадлежности к России как трансграничному политическому сообществу [7–9].

Политика нациестроительства в плоскости апробации новых государственных стратегий под влиянием разнообразных факторов, включая изменившиеся внутри- и внешнеполитические условия, нередко – в направлении институционализации национализма – выступает одним из востребованных сюжетов в постсоветских исследованиях [10–12]. Отечественные авторы в большей степени склонны подвергать сомнению тезис об универсальности проекта «национального» государства, усматривать опасность политизации этносоциальных и межнациональных противоречий и неопределенность ориентиров нациестроительства [13–16]. Справедливости ради заметим, что и зарубежные исследователи призывают учитывать конкретно-исторические причины, специфику ситуации и пр., при этом формулируя тезис «Демократия не строит нации, но уже построенные нации легче демократизируются» [17; 18, с. 151].

В политологическом дискурсе также акцентируются незавершенность российской национальной гражданской или политической идентичности,

дуалистичность феномена нации, формирующейся как снизу по воле народов, так и сверху под руководством государства¹ [19; 20]. Довольно популярна тема конкуренции «националистических групп» и российского государства «за национализм как политическую концепцию и за народную поддержку националистических притязаний» [21–24]. Подвергаются исследованию структурные изменения роста латентного национализма через индексы политического и культурного национализма [25]. Часто авторов отличает концентрация на исключительной роли государства и специфике политического режима. В то же время преимущественно вне поля зрения продолжают оставаться конкретные механизмы нациестроительства в политико-правовой плоскости.

Важный пласт теоретического дискурса – обращение к вопросам отражения этнического фактора в центрально-региональных отношениях в ракурсе территориального устройства государства. Авторами подмечаются реактивность управления в сфере межнациональных отношений, интеграция этнических меньшинств в структуру клиентелистского распределения символических и материальных благ в обмен на их электоральную поддержку, сокращение ресурсной и институциональной автономии губернаторов, в том числе в национальных республиках [26–28].

Многие авторы обоснованно ссылаются на нелинейность нациестроительства, его вариативность. Примечательно сохраняющееся присутствие двойственности в трактовках нации и как этнокультурной, и как гражданской общности. В контексте поставленной проблемы весьма значимым является обращение к изучению механизмов и институтов процесса нациестроительства. Однако следует заметить, что здесь в большей степени исследованы общетеоретические вопросы, притом в контексте зарубежного опыта. В целом, несмотря на устойчивый исследовательский интерес, требуется углубленное изучение процесса и политики нациестроительства с учетом современных вызовов и угроз и исторического отечественного опыта с акцентом на обоснование и внедрение в практику государственного управления и центрально-региональных отношений рекомендаций по укреплению единства многонационального российского народа (русской нации).

Материалы и методы. Теоретико-концептуальной основой исследования является социально-системный подход (Н. Луман), позволяющий рассмотреть феномен «нациестроительство» в системе социально-политических коммуникаций и взаимодействий.

¹ Абдулатипов Р. Г., Михайлов В. А. Россия в XXI веке: общенациональный ответ на национальный вопрос. М.: Международ. изд. центр «Этносоциум», 2016. 102 с.; Историческая память и российская идентичность / под ред. В. А. Тишкова, Е. А. Пивневой. М.: РАН, 2018. 508 с.; Кара-Мурза С. Г., Куропаткина О. В. Нациестроительство в современной России. М.: Алгоритм; Научный эксперт, 2014. 408 с.

Основные методы – институциональный, посредством которого анализируются институциональные механизмы национально-правовой деятельности; формально-юридический, используемый при изучении законодательной деятельности парламентских комитетов в структуре Федерального Собрания Российской Федерации; сравнительный, применяющийся при сопоставлении результатов их практик, а также метод изучения документов, ориентированный на определение особенностей содержания законопроектов в интересующей нас сфере.

Особое значение имеют материалы проведенного Научно-образовательным центром (НОЦ) «Политический анализ территориальных систем» ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский университет им. Н. П. Огарёва» в мае 2019 г. формализованного заочного экспертного опроса на тему «Государственная политика национально-правовой деятельности и формирование национальной идеи России: механизмы и векторы». Он был ориентирован на определение специфики формирования, реализации и эффективности государственной политики национально-правовой деятельности в России; возможных вариантов концептуализации национальной идеи и политических механизмов национально-правовой деятельности. В данной статье учитываются ответы экспертов на вопросы двух из трех содержавшихся в опросном бланке блоков. В опросе приняли участие 20 представителей научного и экспертного сообщества Российской Федерации и Республики Беларусь, имеющих ученые степени доктора и кандидата наук в области политологии, социологии, истории, философии, юриспруденции.

Для характеристики деятельности профильных парламентских комитетов ключевыми были материалы, размещенные на их официальных сайтах и в Системе обеспечения законодательной деятельности (Системе обеспечения законодательной деятельности единой государственной автоматизированной системы «Законотворчество» – СОЗД ГАС «Законотворчество»).

Результаты исследования. Материалы экспертного опроса отражают совокупность представлений специалистов о главных существенных и концептуальных моментах в плоскости государственной политики национально-правовой деятельности. Конкретизируем их путем обобщения экспертных суждений и выделим пункты, представляющиеся нам наиболее значимыми. Мы интерпретируем их как базовые элементы предлагаемого нами варианта концептуализации государственной политики национально-правовой деятельности.

1. Факторы национально-правовой деятельности.

Практически все эксперты сошлись во мнении о первостепенной важности четкой, продуманной политики на общегосударственном уровне. Другие факторы, предложенные в качестве возможных, были отмечены менее чем половиной экспертов. Иерархия факторов в обобщенном виде (на основании данных ответов) выглядит следующим образом (по нис-

ходящей): наличие общих социокультурных параметров (языка, религии и пр.); социально-экономическая стабильность; историческая память; иницирующая роль главы государства (политического лидера); длительность и компактность проживания народа / этнических групп на определенной территории; внешние угрозы, вызовы, риски; политический режим.

2. Сферы государственной политики нациестроительства.

Абсолютное большинство экспертов рассматривают государственную политику нациестроительства как комплексную, охватывающую различные сферы государственной политики. Среди приоритетных сфер безоговорочно лидирует государственная национальная политика; в половине и более чем половине ответов упоминаются государственная политика в сфере образования; государственная региональная политика; государственная политика в сфере культуры; государственная политика памяти. Чуть менее популярно указание на государственную молодежную политику. Наконец, гораздо менее востребованными у экспертов оказались государственная социальная политика и государственная политика в научной сфере.

3. Методы и технологии государственной политики нациестроительства.

Ответы экспертов на данный вопрос побуждают говорить об их предпочтении не только диверсифицированного, количественно наполненного, но и качественного по свойствам реализации инструментария. Ни один из вариантов не является абсолютно доминирующим, но наибольшую поддержку экспертов получили (по нисходящей): разработка и последовательная реализация специализированных социокультурных и образовательных программ; продвижение специальных имиджевых проектов, направленных на формирование объединяющей идеи и формирование положительного образа России; организация «дискуссионных площадок» и инициативных форумов. Почти половина экспертов высказались в пользу инициации мегасобытий и их продвижения (например, праздников единения народов России и т. п.); привлечения представителей экспертного сообщества и проведения научных мероприятий; массовых мероприятий и акций патриотической направленности; эффективной реакции на запрос «снизу» (от регионов, национально-культурных автономий и пр.). Чуть уступили им формирование и продвижение национального (странового) бренда; усиление пропагандистской деятельности с активизацией отечественных средств массовой информации; опросы общественного мнения, размещение их результатов в Интернете с дальнейшим мониторингом реакции пользователей; активизация работы культурно-гуманитарных, образовательных и прочих фондов (например, фонда «Русский мир») и организаций соотечественного движения; активизация работы на международных площадках, использование возможностей международных организаций в культурно-гуманитарной и прочих

сферах. В наименьшей степени эксперты поддержали необходимость распространения визуальных материалов и видеоматериалов.

4. Состояние нормативной базы в сфере государственной политики нациестроительства.

В большинстве своем мнения экспертов разделились почти наполовину, притом ответы трети экспертов располагались в негативном индикативном спектре. Преобладают оценки об удовлетворительном и неудовлетворительном состоянии.

Главные причины неудовлетворительного состояния нормативной базы в сфере государственной политики нациестроительства, на взгляд экспертов, – это несформированность государственной политики нациестроительства в целом; отсутствие комплексной стратегической основы видения одновременного развития страны в областях, которые может охватывать государственная политика нациестроительства; специфика политической системы России, не стимулирующая проявление инициативы. Крайне незначительную поддержку получили варианты «незаинтересованность федеральных органов в продвижении данной сферы» и «неэффективная работа законодателей». Ни один из экспертов не отнес к главным причинам отсутствие реальных инструментов влияния на формирование государственной политики нациестроительства у законодательных (представительных) органов субъектов Российской Федерации, достаточных финансовых средств на реализацию проектов в сфере государственной политики нациестроительства, интереса к данной сфере политических элит и граждан.

«Оптимисты» из стана экспертов, оценившие состояние нормативной базы в сфере государственной политики нациестроительства как «благоприятное» или «удовлетворительное (достаточное)», предположили, что ключевыми детерминантами этого явились авторитет высшего руководства, определяющего стратегические ориентиры в данной сфере, а также активное продвижение на официальном уровне РФ и во влиятельных СМИ программных и целевых ориентиров нациестроительства. Ряд экспертов указали на отсутствие новых серьезных рисков в этноконфессиональной сфере, побуждающих к совершенствованию государственной политики. Среди ответов встречались варианты «эффективная работа парламентариев всех уровней»; «наличие достаточного количества взаимодополняющих нормативных и ненормативных документов в областях, которые может охватывать государственная политика нациестроительства»; «наличие общенационального политического консенсуса»; «своевременное и симметричное реагирование власти на вызовы и риски в сфере нациестроительства»; «достаточность материального обеспечения данной сферы», однако, если исходить из степени экспертной поддержки, они не рассматриваются как определяющие в российской практике.

5. Активность различных субъектов в продвижении государственной политики нациестроительства.

Более половины экспертов признали самыми активными в этой сфере федеральные органы государственной власти. Далее уверенно расположились политические партии и движения. Уступают им, согласно экспертным суждениям, землячества, СМИ, национально-культурные автономии, регионы (субъекты Федерации), религиозные организации. Интернет-сообщества упоминались единично.

6. Уровень включенности неправительственных институтов в подготовку и принятие решений по продвижению государственной политики нациестроительства в России.

Никто из опрошенных экспертов не определил его как высокий. Преобладают критические оценки данного уровня как низкого; примерно треть экспертов настроены более оптимистично, посчитав его средним.

Слабая включенность неправительственных институтов объясняется экспертами в основном отсутствием влияния и авторитета у большинства некоммерческих организаций (НКО); несформированностью институтов гражданского общества в России; отсутствием у НКО достаточных ресурсов; непостоянностью и фрагментарностью деятельности НКО; отсутствием законодательных условий. Менее популярные у экспертов причины – политические соображения, а также отсутствие государственной поддержки. Ни одним из экспертов не была отмечена незаинтересованность самих неправительственных институтов.

С точки зрения оптимистов, вовлечение неправительственных институтов в подготовку и принятие решений по продвижению государственной политики нациестроительства в России прежде всего организуется через их участие в общественно-политических форумах. Достаточно распространены мнения относительно проведения с неправительственными институтами неформальных консультаций и постоянных консультаций в рамках формализованных структур; их непосредственного привлечения к обсуждению инициатив власти; взаимодействия с парламентскими политическими партиями.

7. Механизмы продвижения государственной политики нациестроительства в России.

Исходя из признания комплексного характера государственной политики нациестроительства, эксперты посчитали необходимым артикулировать несколько взаимосвязанных механизмов. Приоритет в этом плане ими однозначно отдается оформлению национальной идеи. Также эксперты акцентировали формирование государственной политики пространственного развития; укрепление и совершенствование символической политики и политики памяти; усиление внимания к развитию и пропаганде русской культуры, языка, культуры народов России; укрепление нормативных

основ государственной национальной политики; активизацию диалога с неправительственными институтами, расширение экспертного обсуждения. В единичном случае подобным механизмом признается активизация молодежных и других патриотических организаций. Ни один из экспертов не посчитал таковым совершенствование партийной программтики путем включения в нее четко структурированных и оформленных положений в области нациестроительства.

В целом экспертные оценки демонстрируют осознание сохраняющегося преобладания «верхушечных» проявлений в плоскости нациестроительства, недостаточности его нормативного и инструментального обеспечения. Устранение этих недостатков может быть некоторым образом компенсировано работой парламентских институтов. В этой связи мы проанализировали деятельность двух комитетов в структуре обеих палат федерального парламента².

В рамках текущей легислатуры Госдумы Комитет по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления завершил работу над 95 законопроектами. Анализ ее результатов позволяет нам выделить несколько примечательных моментов:

– практически все законопроекты предусматривают не принятие новых законов, а внесение изменений в действующие федеральные нормативные правовые акты;

– субъектами права законодательной инициативы чаще всего выступали: законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов РФ (порядка 50 инициатив), депутаты Государственной Думы разных фракций и члены Совета Федерации (25), Правительство РФ (15);

– подавляющее число инициированных региональными законодателями проектов – более 30 – были отклонены по разным основаниям; при этом лишь один правительственный законопроект постигла такая участь³.

Отчасти сходные тенденции наблюдаются при анализе результатов работы Комитета над законопроектами, находящимися на его рассмотрении. Продолжается совершенствование ранее принятых законов. С другой стороны, пока Правительство уступает роль ведущего инициирующего субъекта: большая часть законопроектов была инициирована депутатами Госдумы и членами Совета Федерации (11); сохраняют до-

² Ранее нами была рассмотрена деятельность и ряда других комитетов. См.: Бахлов И. В., Бахлова О. В. Правовая политика РФ в области нациестроительства: направления и результаты деятельности парламентских комитетов // Сравнительный федерализм. Ежегодник – 2018: Сборник научных трудов / под ред. А. Д. Гулякова, А. Ю. Саломатина, А. В. Малько. Пенза, 2018. С. 125–133.

³ Законопроекты, работа над которыми завершена [Электронный ресурс]. URL: <http://komitet4.km.duma.gov.ru/Zakonoproekty-rabota-nad-kotoryymi-zavers> (дата обращения: 05.06.2019).

статочную активность региональные законодательные органы (6)⁴. На основании подобных данных рано делать конкретные выводы, однако отдельные подвижки могут свидетельствовать об относительном увеличении активности регионов. Содержание рассматриваемого Комитетом законодательного контента во многом сопрягается с вниманием исполнительной власти к территориям (что обнаруживается, в частности, в утверждении Стратегии пространственного развития и Государственной программы комплексного развития сельских территорий до 2025 г.).

Еще один момент, характеризующий деятельность ряда думских комитетов в плоскости нацстроительства, – совместная работа над законопроектом № 315234-7 «О патриотическом воспитании в Российской Федерации» (в части определения целей, принципов и направлений патриотического воспитания граждан), поступившим в Государственную Думу 15 ноября 2017 г. Ответственным здесь назван Комитет по развитию гражданского общества, вопросам общественных и религиозных объединений; Комитет Государственной Думы по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления является комитетом-соисполнителем (назначен 26 июля 2018 г.). Законопроект включен в примерную программу решением Государственной Думы на июль 2019 г.⁵

Изучаемый Комитет представлен в нескольких совещательных (консультативных) органах (например, в Совете по развитию городских территорий и общественных пространств при Председателе Государственной Думы)⁶. Видимо, подобное представительство способствует поддержанию и расширению координации по горизонтали, внутри структур федеральной власти, и позволяет привлекать дополнительный инструментарий, чтобы услышать «голос провинции».

К вопросам ведения Комитета Совета Федерации по федеративному устройству, региональной политике, местному самоуправлению и делам Севера в интересующей нас сфере относятся прежде всего федеративное устройство Российской Федерации; государственная национальная и региональная политика; государственная политика социального и экономического развития районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей; государственная политика в Арктике; межрегиональное

⁴ Законопроекты, находящиеся на рассмотрении в Комитете [Электронный ресурс]. URL: <http://komitet4.km.duma.gov.ru/Zakonoproekty-nahodyashiesya-na-rassmot> (дата обращения: 05.06.2019).

⁵ Законопроекты, по которым Комитет является соисполнителем [Электронный ресурс]. URL: <http://komitet4.km.duma.gov.ru/Zakonoproekty-po-kotorym-Komitet-yavlyae>; Система обеспечения законодательной деятельности [Электронный ресурс]. URL: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/315234-7> (дата обращения: 05.06.2019).

⁶ Совещательные (консультативные) органы с участием Комитета [Электронный ресурс]. URL: <http://komitet4.km.duma.gov.ru/S> (дата обращения: 05.06.2019).

и межмуниципальное сотрудничество⁷. За исследуемый период Комитет Совета Федерации дал порядка 60 заключений на федеральные законы, принятые нижней палатой.

Мероприятия, проводимые Комитетом, многоплановы и предполагают экстраполяцию ряда принципиальных вопросов нацстроительства.

1. Парламентские слушания, где особо можно выделить слушания по следующим темам: «Реализация Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года в части обеспечения прав коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (12 октября 2017 г.), «Актуальные вопросы территориального планирования» (19 июня 2018 г.), «Актуальные вопросы модернизации и расширения магистральной инфраструктуры с учетом стратегии пространственного развития Российской Федерации» (15 ноября 2018 г.).

2. Круглые столы: «О законодательном обеспечении опережающего социально-экономического развития дальневосточных регионов Российской Федерации» (14 июля 2017 г.), «О взаимодействии Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации с законодательными (представительными) органами государственной власти субъектов Российской Федерации в рамках законодательного процесса» (20 декабря 2018 г.) и др. Наиболее существенными в анализируемом ключе представляются круглые столы «О ходе подготовки проекта Стратегии пространственного развития Российской Федерации» (20 марта 2018 г.) и «Об укреплении российской гражданской идентичности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций» (14 декабря 2018 г.). По их итогам в своих рекомендациях Комитет отметил особую важность координации деятельности уполномоченных федеральных органов исполнительной власти в сферах государственной национальной политики, культуры, просвещения, высшего образования, науки, молодежной политики, информационной политики. Также он обратил внимание на необходимость выработки эффективных организационно-правовых механизмов информационного обеспечения реализации поставленных задач по укреплению общероссийской гражданской идентичности и единства многонационального народа Российской Федерации⁸.

⁷ Положение о Комитете Совета Федерации по федеративному устройству, региональной политике, местному самоуправлению и делам Севера (утверждено Советом палаты, протокол № 1 от 24 января 2012 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://council.gov.ru/media/files/41d5240f49977a038998.pdf> (дата обращения: 05.06.2019).

⁸ Об укреплении российской гражданской идентичности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций: рекомендации [Электронный ресурс]. URL: http://region.council.gov.ru/activity/activities/round_tables/101007/; О ходе подготовки проекта стратегии пространственного развития Российской Федерации: рекомендации [Электронный ресурс]. URL: http://region.council.gov.ru/activity/activities/round_tables/91271/ (дата обращения: 25.02.2019).

Другие значимые мероприятия Комитета – интернет-конференции, совещания с участием представителей государственных органов, семинары-совещания, заседания рабочих групп и Научно-экспертного совета при Комитете и др. Например, можно упомянуть выездные совещания «Новая региональная политика на Дальнем Востоке: опыт и перспективы» (30 июня 2018 г.), совещание с участием представителей государственных органов «Актуальные вопросы стратегического планирования и законодательного обеспечения реализации государственной политики регионального развития Российской Федерации» (22 октября 2018 г.)⁹.

В 2018 г. Комитет принял участие в подготовке и проведении двух заседаний Совета по межнациональным отношениям и взаимодействию с религиозными объединениями при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации с акцентом на совершенствование взаимодействия государственных органов разных уровней, органов местного самоуправления с общественными объединениями. Российской академии наук (РАН) и научным организациям РАН во взаимодействии с Федеральным агентством по делам национальностей (ФАДН России) было рекомендовано подготовить предложения по укреплению единства многонационального народа Российской Федерации, российской гражданской идентичности на основе духовно-нравственных и культурных ценностей народов Российской Федерации, сохранению и укреплению российской социокультурной (цивилизационной) идентичности¹⁰.

Таким образом, в деятельности парламентских комитетов, достаточно плотно взаимодействующих с другими институтами, прослеживается стремление к ее адаптации к потребностям общественно-политического развития и декларируемым ориентирам власти. Однако крайне желательно, чтобы это стремление более предметно трансформировалось в конкретные, ощутимые результаты, отображающие осознанные, коллективные, легитимные, творческие усилия различных субъектов и институтов в направлении дальнейшего созидания и развития государства, регионов, местных территориальных коллективов, национально-культурных автономий, многонационального русского народа, гражданского общества.

Предполагаем, что активизация диалога между законодательной и исполнительной властями может стать одним из определяющих механизмов продвижения государственной политики нациестроительства. Речь идет об эффективном участии в нем не только федерального правительства

⁹ Комитет Совета Федерации по федеративному устройству, региональной политике, местному самоуправлению и делам Севера. Мероприятия [Электронный ресурс]. URL: <http://region.council.gov.ru/activity/activities/> (дата обращения: 05.06.2019).

¹⁰ Отчет Комитета Совета Федерации по федеративному устройству, региональной политике, местному самоуправлению и делам Севера о работе за 2018 год [Электронный ресурс]. URL: <http://region.council.gov.ru/activity/plans/100398/> (дата обращения: 05.06.2019).

в целом, но также отдельных министерств и ведомств в его структуре. В исследуемом многослойном контексте, охватывающем ранее выделенные сферы и направления, ключевыми являются, по нашему мнению, Министерство культуры, Министерство науки и высшего образования, Министерство просвещения, Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики, Министерство Российской Федерации по делам Северного Кавказа и, безусловно, ФАДН России. Многими экспертами, с чем мы тоже соглашаемся, именно национальная политика признается одной из базовых сфер в рамках государственной политики нациестроительства. Важно подчеркнуть, что функции и полномочия ФАДН позволяют агентству действовать в том числе в нормативно-регулятивной плоскости, которая выступает ее каркасом¹¹. Ориентиры деятельности ФАДН предполагают тесную корреляцию с названными задачами в этой области, а именно: укрепление единства и духовной общности многонационального народа Российской Федерации; «совершенствование взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления с институтами гражданского общества; содействие сохранению и развитию этнокультурного многообразия народов России; поддержка русского языка как государственного языка Российской Федерации и языков народов России» и некоторые другие¹². Вместе с тем необходимо заметить, что, например, в реализуемом сейчас Плате подразумевается фактически лишь взаимодействие с российским казачеством, что сужает возможности диалога. Несомненную важность имеет функционирующая сейчас система мониторинга межнациональных отношений (sm.fadn.gov.ru), позволяющая оперативно отследить и отреагировать на проблемные ситуации в области межнациональных отношений. Однако инициативы ФАДН по разработке актуальных нормативных правовых актов в сфере его ответственности, на наш взгляд, могли бы быть более заметными.

Обсуждение и заключение. Интерпретация экспертных оценок и рекомендаций, а также результатов деятельности парламентских и иных институтов в анализируемой области может служить основой для концептуализации государственной политики нациестроительства с учетом определенных ограничений и условий, вытекающих из российских реалий, а также ожиданий и интересов различных субъектов. В обобщенном виде они предполагают необходимость концентрации

¹¹ Положение о Федеральном агентстве по делам национальностей [Электронный ресурс]. URL: <http://fadn.gov.ru/agency/polozhenie-ob-agentstve> (дата обращения: 25.06.2019).

¹² План деятельности Федерального агентства по делам национальностей на 2016–2021 годы [Электронный ресурс]. URL: http://fadn.gov.ru/system/attachments/attaches/000/028/946/original/План_деятельности_ФАДН_России_на_2016-2021_гг..pdf?1503581498 (дата обращения: 25.06.2019).

в дальнейшем не только на действиях и побуждениях властных структур, элитных групп и прочих привилегированных субъектов. Так, одним из препятствий на пути успешного нациестроительства экспертам видится либерализм/неолиберализм правящей элиты. Неслучайно сейчас артикулируются призывы к воспитанию, подготовке национальной патриотической элиты – «гвардии развития» [29]. Эксперты фактически замечают, что нынешняя российская элита не встроена в ею же самой создаваемый дискурс патриотизма. Среди определяющих условий продвижения нациестроительства называется поддержка русской культуры, языка, истории, проектов памяти (в первую очередь «Бессмертного полка»), более активное использование инструментов «мягкой силы» России.

Не следует забывать, что национальное (внутригосударственное) пространство становится все более проницаемым для внешних факторов, вызовов и угроз. Исторически процесс нациестроительства в большей степени был ориентирован вовнутрь, на внедрение регулятивных механизмов, обеспечивающих увеличение «национальных» власти и богатства, высокую степень автономии нации, гарантирование свободы действий во имя национальных интересов. В условиях глобализации и геополитической дестабилизации усиливается также необходимость противостоять попыткам внешних игроков осуществить свое видение «nation-building» на почве отдельных государств. Это еще более актуализирует задачу достижения подлинного патриотического консенсуса.

Ввиду константной сложности формы устройства и состава населения России целесообразным представляется и предложение о создании институтов-медиаторов (например, фондов по развитию русского и других языков, соблюдение этнического равенства при назначении на должности). Эксперты, с чем нельзя не согласиться, подчеркивают важность четкой, продуманной политики нациестроительства, перехода от имитации системности к формированию новой системной модели национальной политики и стратегическому прогнозированию ситуации в этой области, в том числе с учетом исторического дореволюционного и советского опыта.

Пока государственная политика нациестроительства видится несформированной и нормативно неоформленной целостно. Нет широкого публичного обсуждения ее содержания и приоритетных направлений развития. Дискурсивные практики политических акторов в этой плоскости выглядят размытыми, фрагментированными, часто сводятся к дублированию заявлений на данный счет высшего политического руководства. Законодательные практики, несмотря на серьезные показатели активности, тоже не демонстрируют принципиальных сдвигов. Рекомендации профильных комитетов в структуре федерального парламента лишь отчасти учитываются в принимаемых официальных документах. «Подвисает»

завершение работы над актуальными законопроектами в плоскости национализма. На современном этапе в решении вопросов его продвижения продолжает сохраняться заметное, но вполне объяснимое характером полномочий и особенностями институционального развития России доминирование исполнительных органов государственной власти. С другой стороны, в последнее время несколько снижается активность Правительства как иницилирующего субъекта законодательного процесса, что иллюстрировалось текущими данными. Однако именно Правительство Российской Федерации сыграло ключевую роль в разработке многих недавно одобренных проектов и программ, соответствующих положениям Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. Следовательно, по-прежнему насущна необходимость тесного и конструктивного взаимодействия законодателей и исполнительной власти при такой константе, как определяющая роль главы государства. Подчеркнем, что рассмотренные в данной статье и иные ответственные и профильные парламентские комитеты в структуре Госдумы и Совета Федерации (комитеты Госдумы по делам национальностей; по государственному строительству и законодательству; по развитию гражданского общества, вопросам общественных и религиозных объединений; по региональной политике и проблемам Севера и Дальнего Востока; по образованию и науке; Комитет Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству) не только обеспечивают законодательную базу возможных публично-властных решений в этой области, но и вносят большой вклад в расширение их обсуждения и экспертного сопровождения, корректировку предлагаемых исполнительной властью проектов и вариантов. В целом можно утверждать, что базовый инструментальный координации различных институтов государственной политики национализма создан, хотя его эффективность на практике сдерживается несамостоятельностью парламента в целом, преобладанием верхушечных механизмов, недостаточностью раскрытия инструментального потенциала институтов гражданского общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бахлов И. В., Бахлова О. В. Концептуализация понятия «национализм» в политологическом дискурсе // Социально-политические науки. 2018. № 2. С. 26–29. URL: <http://urvak.ru/articles/sotsia-vypusk-2-kontseptualizatsiya-ponyatiya-nats/> (дата обращения: 27.05.2019).
2. Бойко С. И. Концепт нации: теоретические предпосылки // Политологическая концептология. 2014. № 4. С. 68–103. URL: <http://politconcept.sfedu.ru/2014.4/06.pdf> (дата обращения: 27.05.2019).

3. Семененко И. Нация, национализм, национальная идентичность: новые ракурсы научного дискурса // *Мировая экономика и международные отношения*. 2015. № 11. С. 91–102. URL: https://www.imemo.ru/jour/meimo/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/11_2015/91_102_SEMENENKO.pdf (дата обращения: 27.05.2019).

4. Aktürk Ş. *Regimes of Ethnicity and Nationhood in Germany, Russia, and Turkey*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 304 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781139108898>

5. Giuliano E. *Constructing Grievance: Ethnic Nationalism in Russia's Republics*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2011. 256 p. URL: <https://www.jstor.org/stable/10.7591/j.ctt7v7n7> (дата обращения: 27.05.2019).

6. Stroschein Sh. *Ethnic Struggle, Coexistence, and Democratization in Eastern Europe*. NY: Cambridge University Press, 2012. 312 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511793769>

7. Makarychev A., Yatsyk A. *Biopolitics and National Identities: Between Liberalism and Totalization* // *Nationalities Papers*. 2017. Vol. 45, issue 1. Pp. 1–7. DOI: <https://doi.org/10.1080/00905992.2016.1225705>

8. Makarychev A., Yatsyk A. *Illiberal Geographies: Popular Geopolitics and Russian Biopolitical Regionalism* // *Eurasian Geography and Economics*. 2018. Vol. 59, issue 1. Pp. 51–72. DOI: <https://doi.org/10.1080/15387216.2018.1434804>

9. Prina F. *National Minorities in Putin's Russia: Diversity and Assimilation*. London; NY: Routledge, 2016. 266 p. URL: <https://www.routledge.com/National-Minorities-in-Putins-Russia-Diversity-and-Assimilation/Prina/p/book/9781138780828> (дата обращения: 27.05.2019).

10. Brubaker R. *Nationalizing States Revisited: Projects and Processes of Nationalization in Post-Soviet States* // *Ethnic and Racial Studies*. 2011. Vol. 34, issue 11. Pp. 1785–1814. DOI: <https://doi.org/10.1080/01419870.2011.579137>

11. Daly S. Z. *State Strategies in Multi-Ethnic Territories: Explaining Variation in the Former Soviet Union and Eastern Bloc* // *British Journal of Political Science*. 2014. Vol. 44, issue 2. Pp. 381–408. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0007123412000701>

12. Kudaibergenova D. T. *The Archaeology of Nationalizing Regimes in the Post-Soviet Space: Narratives, Elites, and Minorities* // *Problems of Post-Communism*. 2016. Vol. 68, issue 5. Pp. 342–355. DOI: <https://doi.org/10.1080/10758216.2016.1184983>

13. Легняков Д. Э. Политико-идеологические тренды постсоветских обществ: попытка обобщения // *Полис. Политические исследования*. 2018. № 1. С. 129–142. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.09>

14. Пантин В. И., Лапкин В. В. *Этнополитические и этносоциальные процессы на постсоветском пространстве (на примере России, Белоруссии, Казахстана и Украины)* // *Полис. Политические исследования*. 2015. № 5. С. 75–93. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.05.07>

15. *Между государством и нацией: дилеммы политики идентичности на постсоветском пространстве / И. С. Семененко [и др.] // Полис. Политические исследования*. 2017. № 5. С. 54–78. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.05>

16. Уразбаев Е. Е. Этнонациональная политика в Латвии и Эстонии в контексте институционализации национализма // *Власть*. 2017. Т. 25, № 6. С. 146–152. URL: <http://jour.isras.ru/upload/journals/2/articles/5192/submission/original/5192-9642-1-SM.pdf> (дата обращения: 27.05.2019).

17. Mylonas H. Methodological Problems in the Study of Nation-Building: Behaviorism and Historicist Solutions in Political Science // *Social Science Quarterly*. 2015. Vol. 96, issue 3. Pp. 740–758. DOI: <https://doi.org/10.1111/ssqu.12189>

18. Wimmer A. Nation Building: Why Some Countries Come Together While Others Fall Apart // *Survival*. 2018. Vol. 60, issue 4. Pp. 151–164. DOI: <https://doi.org/10.1080/00396338.2018.1495442>

19. Гаджиев К. С. Российская Федерация: национальное государство или государство народов? // *Полис. Политические исследования*. 2018. № 3. С. 130–146. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.03.09>

20. Кара-Мурза С. Г. Государственная политика нациестроительства в современной России // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2011. Т. 4, № 3. С. 62–76. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16459092> (дата обращения: 27.05.2019).

21. The New Russian Nationalism: Imperialism, Ethnicity and Authoritarianism 2000–2015 / Edited by P. Kolstø, H. Blakkisrud. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016. 424 p. URL: <https://edinburghuniversitypress.com/book-the-new-russian-nationalism.html> (дата обращения: 27.05.2019).

22. Laine V. Contemporary. Russian Nationalisms: The State, Nationalist Movements, and the Shared Space in Between // *Nationalities Papers*. 2017. Vol. 45, issue 2. Pp. 222–237. DOI: <https://doi.org/10.1080/00905992.2016.1272562>

23. Torbakov I. A Parting of Ways?: The Kremlin Leadership and Russia's New-Generation Nationalist Thinkers // *Demokratizatsiya*. 2015. Vol. 23, issue 4. Pp. 427–457. URL: <http://muse.jhu.edu/article/602733> (дата обращения: 27.05.2019).

24. Warhola J. W., Lehning A. Political Order, Identity, and Security in Multinational, Multi-Religious Russia // *Nationalities Papers*. 2007. Vol. 35, issue 5. Pp. 933–957. DOI: <https://doi.org/10.1080/00905990701651901>

25. Shcherbak A., Sych K. Trends in Russian Nationalities Policy: A Structural Perspective // *Problems of Post-Communism*. 2017. Vol. 64, issue 6. DOI: <https://doi.org/10.1080/10758216.2016.1225264>

26. Волков Ю. Г., Денисова Г. С., Лубский А. В. Регулирование межэтнических отношений: формирование ценностной политики и региональные практики управления в современной России // *Власть*. 2017. Т. 25, № 7. С. 13–22. URL: <http://jour.isras.ru/upload/journals/2/articles/5232/submission/original/5232-9725-1-SM.pdf> (дата обращения: 27.05.2019).

27. Фарушкин М. Х. Институциональные основы этнических федераций // *Полис. Политические исследования*. 2017. № 2. С. 103–111. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.02.07>

28. Шкель С. Н. Бастионы традиции: этнический фактор и политические машины в регионах России // *Полис. Политические исследования*. 2019. № 1. С. 49–70. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.01.05>

29. Сергеева С. Л. Формирование «гвардии развития» – новой национальной патриотической элиты современной России в условиях глобализационных вызовов // Вестник Российской нации. 2018. № 4. С. 144–155. URL: http://rosnation.ru/?page_id=3975 (дата обращения: 27.05.2019).

Поступила 28.05.2019; принята к публикации 24.06.2019; опубликована онлайн 30.09.2019.

Об авторах:

Бахлова Ольга Владимировна, профессор кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), доктор политических наук, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3849-8321>, olga.bahlova@mail.ru

Бахлов Игорь Владимирович, заведующий кафедрой всеобщей истории, политологии и регионоведения ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), доктор политических наук, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6886-5762>, bahlov@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

Бахлова Ольга Владимировна – сбор, обработка и анализ информации; подготовка первоначального варианта текста; проведение критического анализа материалов.

Бахлов Игорь Владимирович – изучение концепции; критический анализ и доработка текста.

Для цитирования:

Бахлова О. В., Бахлов И. В. Государственная политика нациестроительства в России: содержание, институты и механизмы // Регионоведение. 2019. Т. 27, № 3. С. 413–435. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.107.027.201903.413-435>

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Bakhlova O.V., Bakhlov I.V. Conceptualization of the Concept of “Nation Building” in Political Discourse. *Socialno-politicheskie nauki* = Sociopolitical Sciences. 2018; (2):26-29. Available at: <http://urvak.ru/articles/sotsia-vypusk-2-kontseptualizatsiya-ponyatiya-nats> (accessed 27.05.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

2. Boiko S.I. The Concept of Nation: A Theoretical Background. *Politologicheskaya kontseptologiya* = Political Conceptology. 2014; (4):68-103. Available at: <http://politconcept.sfedu.ru/2014.4/06.pdf> (accessed 27.05.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

3. Semenenko I. Nations, Nationalism, National Identity: New Dimensions in Academic Discourse. *Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* = World Economy and International Relations. 2015; (11):91-102. Available at: <https://www.>

imemo.ru/jour/meimo/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/11_2015/91_102_SEMENENKO.pdf (accessed 27.05.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

4. Aktürk Ş. Regimes of Ethnicity and Nationhood in Germany, Russia, and Turkey. Cambridge; 2012. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781139108898>

5. Giuliano E. Constructing Grievance: Ethnic Nationalism in Russia's Republics. Ithaca, NY: Cornell University Press; 2011. Available at: <https://www.jstor.org/stable/10.7591/j.ctt7v7n7> (accessed 27.05.2019). (In Eng.)

6. Stroschein Sh. Ethnic Struggle, Coexistence, and Democratization in Eastern Europe. NY: Cambridge University Press; 2012. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511793769>

7. Makarychev A., Yatsyk A. Biopolitics and National Identities: Between Liberalism and Totalization. *Nationalities Papers*. 2017; 45(1):1-7. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1080/00905992.2016.1225705>

8. Makarychev A., Yatsyk A. Illiberal Geographies: Popular Geopolitics and Russian Biopolitical Regionalism. *Eurasian Geography and Economics*. 2018; 59(1):51-72. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1080/15387216.2018.1434804>

9. Prina F. National Minorities in Putin's Russia: Diversity and Assimilation. London, NY: Routledge; 2016. Available at: <https://www.routledge.com/National-Minorities-in-Putins-Russia-Diversity-and-Assimilation/Prina/p/book/9781138780828> (accessed 27.05.2019). (In Eng.)

10. Brubaker R. Nationalizing States Revisited: Projects and Processes of Nationalization in Post-Soviet States. *Ethnic and Racial Studies*. 2011; 34(11):1785-1814. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1080/01419870.2011.579137>

11. Daly S.Z. State Strategies in Multi-Ethnic Territories: Explaining Variation in the Former Soviet Union and Eastern Bloc. *British Journal of Political Science*. 2014; 44(2):381-408. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1017/S0007123412000701>

12. Kudaibergenova D.T. The Archaeology of Nationalizing Regimes in the Post-Soviet Space: Narratives, Elites, and Minorities. *Problems of Post-Communism*. 2016; 68(5):342-355. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1080/10758216.2016.1184983>

13. Letnyakov D.E. Politico-Ideological Trends of Post-Soviet Societies: An Attempt of Generalization. *Polis. Politicheskie issledovaniya* = Polis. Political Studies. 2018; (1):129-142. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.09>

14. Pantin V.I., Lapkin V.V. Ethnopolitical and Ethnosocial Processes in Post-Soviet Countries (Russia, Belarus, Kazakhstan and Ukraine Cases). *Polis. Politicheskie issledovaniya* = Polis. Political Studies. 2015; (5):75-93. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.05.07>

15. Semenenko I.S., Lapkin V.V., Bardin A.L., Pantin V.I. Between the State and the Nation: Dilemmas of Identity Policy in Post-Soviet Societies. *Polis. Politicheskie issledovaniya* = Polis. Political Studies. 2017; (5):54-78. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.05>

16. Urzbaev E.E. [Ethno-National Policy in Latvia and Estonia in the Context of the Institutionalization of Nationalism]. *Vlast* = Power. 2017; 25(6):146-152. Available

at: <http://jour.isras.ru/upload/journals/2/articles/5192/submission/original/5192-9642-1-SM.pdf> (accessed 27.05.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

17. Mylonas H. Methodological Problems in the Study of Nation-Building: Behaviorism and Historicist Solutions in Political Science. *Social Science Quarterly*. 2015; 96(3):740-758. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1111/ssqu.12189>

18. Wimmer A. Nation Building: Why Some Countries Come Together while Others Fall Apart. *Survival*. 2018; 60(4):151-164. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1080/00396338.2018.1495442>

19. Gadzhiev K.S. Russian Federation: National State or a State of Nations? *Polis. Politicheskie issledovaniya* = Polis. Political Studies. 2018; (3):130-146. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.03.09>

20. Kara-Murza S.G. State Nation-Building Policy in Today's Russia. *Kontury globalnykh transformatsij: politika, ehkonomika, pravo* = Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law. 2011; 4(3):62-76. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16459092> (accessed 27.05.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

21. Kolstø P., Blakkisrud H., eds. The New Russian Nationalism: Imperialism, Ethnicity and Authoritarianism 2000–2015. Edinburgh; 2016. Available at: <https://edinburghuniversitypress.com/book-the-new-russian-nationalism.html> (accessed 27.05.2019). (In Eng.)

22. Laine V. Contemporary. Russian Nationalisms: The State, Nationalist Movements, and the Shared Space in Between. *Nationalities Papers*. 2017; 45(2):222-237. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1080/00905992.2016.1272562>

23. Torbakov I.A. Parting of Ways?: The Kremlin Leadership and Russia's New-Generation Nationalist Thinkers. *Demokratizatsiya*. 2015; 23(4):427-457. Available at: <http://muse.jhu.edu/article/602733> (accessed 27.05.2019). (In Eng.)

24. Warhola J.W., Lehning A. Political Order, Identity, and Security in Multinational, Multi-Religious Russia. *Nationalities Papers*. 2007; 35(5):933-957. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1080/00905990701651901>

25. Shcherbak A., Sych K. Trends in Russian Nationalities Policy: A Structural Perspective. *Problems of Post-Communism*. 2017; 64(6). (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1080/10758216.2016.1225264>

26. Volkov Yu.G., Denisova G.S., Lubsky A.V. Regulation of Inter-Ethnic Relations: The Formation of Value Policy and Regional Practices of Management in Modern Russia. *Vlast* = Power. 2017; 25(7):13-22. Available at: <http://jour.isras.ru/upload/journals/2/articles/5232/submission/original/5232-9725-1-SM.pdf> (accessed 27.05.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

27. Farukshin M.Kh. Institutional Foundations of Ethnic Federations. *Polis. Politicheskie issledovaniya* = Polis. Political Studies. 2017; (2):103-111. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.02.07>

28. Shkel S.N. Bastions of Tradition: The Ethnic Factor and Machine Politics in the Russian Regions. *Polis. Politicheskie issledovaniya* = Polis. Political Studies. 2019; (1):49-70. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.01.05>

29. Sergeeva S.L. Formation of the "Guard Development" – The New National Patriotic Elite of Modern Russia in the Context of Globalization Challenges. *Vestnik*

Rossijskoj natsii = Bulletin of Russian Nation. 2018; (4):144-155. Available at: http://rosnation.ru/?page_id=3975 (accessed 27.05.2019). (In Russ.)

Submitted 28.05.2019; accepted for publication 24.06.2019; published online 30.09.2019.

About the authors:

Olga V. Bakhlova, Professor, Department of World History, Political Science and Regional Studies, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russia), Dr. Sci. (Political Science), ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3849-8321>, olga.bahlova@mail.ru

Igor V. Bakhlov, Head of the Department of World History, Political Science and Regional Studies, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russia), Dr. Sci. (Political Science), ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6886-5762>, bahlov@mail.ru

Contribution of the authors:

Olga V. Bakhlova – collection, processing and analysis of information; writing the initial version of the text of the article; critical analysis of the materials.

Igor V. Bakhlov – concept study; critical analysis and revision of the text of the article.

For citation:

Bakhlova O.V., Bakhlov I.V. State Policy of Nation-Building in Russia: Content, Institutions and Mechanisms. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2019; 27(3):413-435. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.107.027.201903.413-435>

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Производственно-технологическая инновационная инфраструктура регионов России

А. М. Носонов

*ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия),
artno@mail.ru*

Введение. Социально-экономическое и политическое лидерство страны в современном мире основано на генерации новых знаний, их коммерциализации и использовании во всех областях человеческой деятельности, что является важной предпосылкой повышения конкурентоспособности государства. Для достижения этой цели во многих субъектах Российской Федерации формируются отдельные элементы национальной инновационной системы, включая основные компоненты инновационной инфраструктуры.

Материалы и методы. Объектом исследования являются субъекты Российской Федерации, предметом – качественная и количественная характеристика главных компонентов инновационной производственно-технологической инфраструктуры. Проведена типология регионов России по уровню развития инновационной производственно-технологической инфраструктуры. Для расчета интегрального индекса уровня инфраструктурного развития применено линейное шкалирование, в качестве входных показателей – количество различных объектов производственно-технологической инфраструктуры в каждом регионе.

Результаты исследования. Выделены типы регионов России по уровню развития производственно-технологической инфраструктуры, дана их краткая характеристика. К одному и тому же типу относятся территории, где отмечается сходная структура и уровень насыщенности объектами производственно-технологической инфраструктуры, что опосредовано проявляется в основных результатах инновационной деятельности регионов. Выявлено, что более половины регионов России имеют низкий уровень развития производственно-технологической инфраструктуры, незначительное число регионов отличается высоким уровнем инфраструктурного развития, в остальных субъектах Российской Федерации отмечен средний уровень развития инновационной инфраструктуры.

Обсуждение и заключение. Уровень инновационного развития регионов России во многом обусловлен степенью развития производственно-технологической инфраструктуры. Дальнейшее развитие производственно-технологической составляющей региональных инновационных систем связано с разработкой эффективных маркетинговых механизмов коммерциализации инноваций, повышением качества

© Носонов А. М., 2019

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

образования и его ориентированностью на инновационную проблематику. Результаты исследования могут быть использованы лицами, принимающими решения, для обоснования диверсификации региональных инновационных систем в соответствии с приоритетными направлениями технологического развития страны.

Ключевые слова: инновация, производственно-технологическая инфраструктура, регион, технопарк, диверсификация, коммерциализация

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-05-00066.

Productive and Technological Innovation Infrastructure of the Regions of Russia

A. M. Nosonov

*National Research Mordovia State University (Saransk, Russia),
artno@mail.ru*

Introduction. In the modern world, socio-economic and political leadership of a country is based on the generation of new knowledge, its commercialization and use in all areas of human activity, it being an important prerequisite for improving the competitiveness of the state. To achieve this goal, individual elements of the national innovation system including the main components of the innovation infrastructure are being formed in many constituent entities of the Russian Federation.

Materials and Methods. The constituent entities of the Russian Federation are the object of the research, the qualitative and quantitative characteristics of the main components of the innovative productive and technological infrastructure being the subject of the study. A typology of Russia's regions in terms of the development of their innovative productive and technological infrastructure was carried out. To calculate the integral index of the level of infrastructure development, linear scaling was applied; the number of different objects of productive and technological infrastructure in each region was used as the input indicator.

Results. The types of the regions of Russia have been singled out according to the level of development of the productive and technological infrastructure and their brief description has been given. One and the same type includes territories having a similar structure and level of saturation with objects of productive and technological infrastructure which is manifested indirectly in the main results of the innovation activities of the regions. It has been revealed that more than half of the regions of Russia have a low level of development of the productive and technological infrastructure, a small number of regions are characterized by a high level of infrastructure development, in other constituent entities of the Russian Federation an average level of innovation infrastructure development has been noted.

Discussion and Conclusion. The level of the innovative development of the regions of Russia largely depends on the degree of development of the productive and technological infrastructure. Further progress of the productive and technological component of the regional innovation systems is associated with the development of effective marketing mechanisms for the commercialization of innovations, with the improvement of the quality of education and its focus on the issues of innovation. The results of the research can be used by decision makers to substantiate the diversification of regional innovation systems in accordance with the priority directions of the technological development of the country.

Keywords: innovation, productive and technological infrastructure, region, technology park, diversification, commercialization

Funding. The study was carried out with the financial support from the Russian Foundation for Basic Research within the research project No. 19-05-00066.

Введение. Главным стратегическим приоритетом современной экономической политики России является повышение уровня инновационного развития страны, что достижимо только при активном продвижении данного процесса на региональном уровне. Социально-экономическое и геополитическое лидерство страны в современном мире возможно только на основе генерации новых знаний, их коммерциализации и использования во всех областях человеческой деятельности, что является важной предпосылкой повышения конкурентоспособности государства. Для достижения этой цели во многих субъектах Российской Федерации формируются отдельные элементы национальной инновационной системы, повышается качество институциональных механизмов, увеличивается количество объектов инновационной инфраструктуры, возрастает патентная и публикационная активность исследователей и др.¹ [1].

Важнейшей предпосылкой повышения уровня инновационного развития региона является качество региональной инновационной политики, потенциал научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР), показатели эффективности и социально-экономические условия инновационной деятельности. Это во многом обусловлено уровнем развития соответствующей инфраструктуры. О важности инфраструктурного фактора свидетельствует опыт регионов инновационных лидеров – Москвы, Санкт-Петербурга, Республики Татарстан, Республики Башкортостан, Самарской области и ряда других субъектов РФ, которые обладают самой насыщенной и диверсифицированной системой инновационной инфраструктуры. В соответствии с этим целью исследования является анализ территориальной дифференциации основных элементов производственно-технологической инфраструктуры и проведение типологии уровня ее развития по регионам России для обоснования перспективных направлений совершенствования национальной инновационной системы.

Обзор литературы. В настоящее время не сложилось однозначного определения понятия «инновационная инфраструктура». В федеральных и региональных законодательных актах содержание понятия «инновационная инфраструктура» определяется как совокупность объектов и институтов, необходимых для реализации инновационной деятельно-

¹ Бабурин В. Л., Земцов С. П. Инновационный потенциал регионов России. М.: КДУ, Университетская книга, 2017. 358 с.

сти² [2]. В большинстве научных публикаций понятие «инновационная инфраструктура» раскрывается через ее структуру на основе определения объектов, организаций, учреждений и институтов, принимающих участие в инновационной деятельности³. В некоторых исследованиях при определении инновационной инфраструктуры главное внимание уделяется функции обслуживания и обеспечения инновационного процесса [3].

На основе анализа различных подходов к определению понятия «инновационная инфраструктура» мы предлагаем следующую формулировку. Инновационная инфраструктура – это система механизмов управления, инфраструктурных объектов, информационно-коммуникативных технологий, научных учреждений и образовательных организаций, финансовых ресурсов, которые создают необходимые и достаточные предпосылки для реализации инновационного потенциала стран и регионов.

Важный компонент инновационной инфраструктуры – производственно-технологическая, которая рассматривается как механизм, обеспечивающий необходимые условия доступа к производственным ресурсам. К этому компоненту относят следующие инфраструктурные объекты: инновационные центры, научные и промышленные парки, технопарки, наукограды и технополисы, территориальные инновационные кластеры, технологические платформы, особые экономические технико-внедренческие зоны, центры коллективного пользования, инжиниринговые центры и др. Эти объекты предоставляют субъектам инноваций в пользование помещения, технологическое оборудование, точные приборы и другие средства для проведения исследований инновационного характера⁴.

В большинстве современных исследований инновационной инфраструктуры рассматриваются следующие аспекты ее изучения:

- ее роль как важного фактора социально-экономического развития стран и их отдельных регионов;
- установление структурных компонентов (подсистем) инновационной инфраструктуры;
- территориальная дифференциация инновационной инфраструктуры или ее отдельных структурных компонентов в разных странах и регионах мира⁵ [4].

² Соколов Д. С., Томилина Н. С. Инновационная инфраструктура в современной России: понятие, содержание, особенности [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_27807827_78705422.pdf (дата обращения: 09.04.2019).

³ Там же; Рыбалкин В. В., Сутырина Т. А. Стратегия инновационного развития российских регионов / под ред. Т. А. Сутыриной. М.: Изд. дом «Дело»; РАНХиГС, 2013. 316 с.

⁴ Армстронг Э., Киселев В. Наука, технологии, инновации, бизнес. Англо-русский глоссарий. М.: Программа ЕС-TACIS, 2001. 78 с.; Инновации в России [Электронный ресурс]. URL: <http://innovation.gov.ru/> (дата обращения: 18.03.2019).

⁵ Региональная инновационная система Республики Мордовия / В. А. Баринава [и др.]. М.: Альянс Медиа Стратегия, 2015. 152 с.; Региональная инновационная система Иркутской области / В. А. Баринава [и др.]. М.: Изд. дом «Дело»; РАНХиГС, 2015. 232 с.

Большое значение имеют публикации, обобщающие знания в области исследования инновационного развития регионов России. Одной из таких работ является монография В. Л. Бабурина и С. П. Земцова «Инновационный потенциал регионов России»⁶. В этом исследовании рассматриваются методы анализа регионального инновационного потенциала, выявляются и объясняются пространственно-временные закономерности инновационной деятельности в регионах страны. В монографии разработаны теоретические и методологические основы и предложены методические инструменты изучения региональных факторов инновационной деятельности, процессов диффузии инноваций и их пространственное моделирование. На основе анализа динамики и особенностей инновационных процессов в России дана характеристика их современного состояния и определены перспективные направления научно-технологического развития страны. Отдельный раздел посвящен региональной инновационной политике России, включая особенности ее реализации в разных регионах, основы новой региональной инновационной политики и типологию регионов для целей проведения инновационной политики⁷.

Еще один обобщающий труд – «Синергия пространства: региональные инновационные системы, кластеры и перетоки знания»⁸. В этом сборнике содержатся публикации ведущих отечественных, европейских и американских ученых в области исследования региональных инноваций. В них рассматриваются особенности инновационного процесса в разных странах и регионах. Особое внимание уделено анализу перетоков знания, формированию инновационных кластеров, вопросам коллективного непрерывного обучения и др. В книге представлен анализ формирования и развития российских инновационных систем, дается территориальная метрика инновационного процесса, приводится сравнительная характеристика инновационной деятельности в европейских странах и регионах, исследованы главные элементы инновационной экономики, рассмотрены крупнейшие инновационные кластеры Европы и Америки⁹.

В зарубежных публикациях, посвященных исследованию инновационной инфраструктуры, подчеркивается ее роль как главного фактора инновационного развития регионов и повышения качества жизни населения страны, приведены алгоритмы моделирования и оценка значимости производственно-технологической инфраструктуры [5–7]. Формирование инновационных кластеров в странах Европы, Северной и Латинской

⁶ Бабурин В. Л., Земцов С. П. Инновационный потенциал регионов России.

⁷ Там же.

⁸ Синергия пространства: региональные инновационные системы, кластеры и перетоки знания / отв. ред. А. Н. Пилясов. Смоленск: Ойкумена, 2012. 760 с.

⁹ Там же.

Америки рассматривается как важный механизм выравнивания уровня социально-экономического развития регионов внутри страны [8; 9]. Во многих работах большое внимание уделяется вопросам формирования и развития территориальных инновационных кластеров в экономически развитых странах и их влияния на формирование экономики знаний [10; 11]. Китайские исследователи анализируют опыт создания научных парков и других инфраструктурных объектов как предпосылку трансформации регионов централизованной плановой экономики в инновационные регионы [12].

В отечественной и зарубежной литературе существуют значительные различия в главных направлениях исследования региональных инновационных систем и их производственно-технологической инфраструктуры, что обусловлено разным уровнем инновационного развития экономически развитых стран и России. Большинство российских территорий находится на этапе становления региональной инновационной системы, которая характеризуется невысоким уровнем развития и слабой диверсификацией соответствующей инфраструктуры. Поэтому в подавляющем числе российских публикаций главное внимание уделяется верификации основных понятий инновационной экономики, аналитическим аспектам инновационного развития, вопросам территориальной дифференциации инфраструктурных объектов, выявлению и изучению пространственно-временных закономерностей технологического развития регионов страны и др.¹⁰ [1; 2; 4].

В зарубежных публикациях преимущественно исследуются следующие проблемы функционирования и развития, усложнения внутренней структуры и усиления связей между различными компонентами региональных инновационных систем:

- выявление социально-экономических и институциональных факторов генерации инноваций в странах и регионах [13–16];
- моделирование производственной функции знаний и ее основных компонентов (затраты на НИОКР, человеческий капитал, публикационная и патентная активность и др.) [17–19];
- выявление пространственно-временных закономерностей и моделирование диффузии инноваций, влияние перетоков знаний на региональные инновации [20–24];
- исследование агломерационных и локализационных эффектов создания инноваций [25; 26];
- формирование высокотехнологичных территориальных инновационных кластеров, в том числе главных факторов кластеризации [27–29].

¹⁰ Бабурин В. Л., Земцов С. П. Инновационный потенциал регионов России; Соколов Д. С., Томилина Н. С. Инновационная инфраструктура в современной России: понятие, содержание, особенности; Рыбалкин В. В., Сутырина Т. А. Стратегия инновационного развития российских регионов.

В данном исследовании предпринята попытка объединить территориальный и отраслевой подходы к изучению структуры и территориальной дифференциации главных компонентов инновационной производственно-технологической инфраструктуры.

Материалы и методы. Объектом исследования являются субъекты Российской Федерации, предметом – качественная и количественная характеристика главных компонентов инновационной производственно-технологической инфраструктуры. Используются результаты рейтингов инновационных регионов России, сформированных Высшей школой экономики (ВШЭ)¹¹ и Ассоциацией инновационных регионов России¹² (АИРР). Состав и основные характеристики объектов производственно-технологической инфраструктуры представлены на сайте «Инновации России»¹³ и в исследованиях Ассоциации кластеров и технопарков России¹⁴. В 2018 г. Ассоциация представила результаты IV Национального рейтинга технопарков России, цель которого – выявление механизмов эффективного управления технопарками и успешного опыта работы резидентов технопарков. Все участвующие в рейтинге технопарки были распределены по 4 группам: наивысший, высокий, умеренно высокий и достаточный уровень эффективности функционирования технопарка. Дополнительная информация получена на сайтах крупных технопарков России, включая данные о специализации, экономических результатах деятельности, количестве резидентов и др.

Информационной основой исследования служит официальная статистическая информация Федеральной службы государственной статистики¹⁵, ВШЭ, АИРР, нормативно-правовые акты федерального и регионального уровней.

На начальном этапе исследования были выявлены территориальные различия дифференциации основных компонентов инновационной производственно-технологической инфраструктуры. Обобщающим результатом исследования явилась типология регионов России по уровню развития этой подсистемы инновационной инфраструктуры. Для расчета интегрального индекса уровня развития инновационной производственно-

¹¹ Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Выпуск 5 / под ред. Л. М. Гохберга; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2017. 260 с.

¹² Рейтинг инновационных регионов России Ассоциации инновационных регионов России. 2018. М.: АИРР. 54 с.

¹³ Инновации в России [Электронный ресурс]. URL: <http://innovation.gov.ru/> (дата обращения: 18.03.2019).

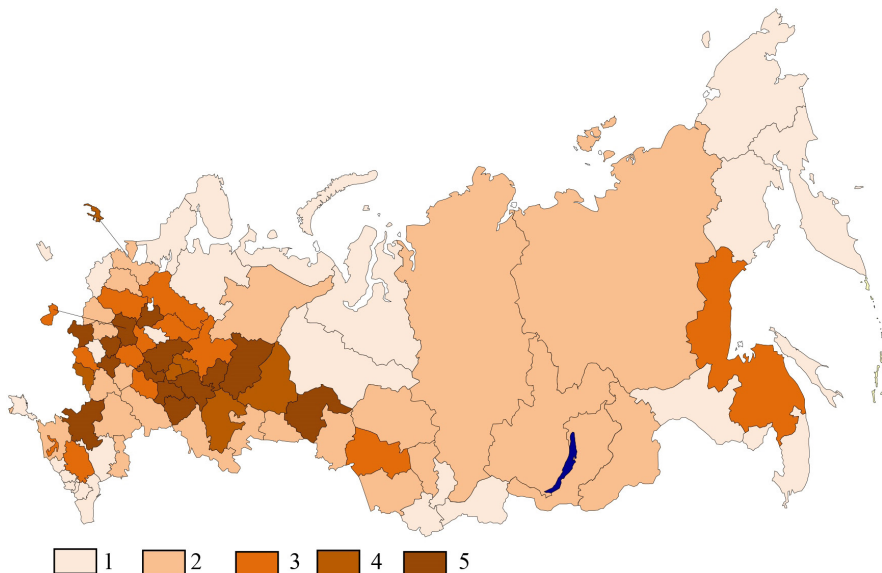
¹⁴ Четвертый ежегодный обзор «Технопарки России – 2018» / Л. В. Данилов, А. Р. Валеева, И. В. Голубкин; Ассоциация кластеров и технопарков России. М.: АКИТ РФ, 2018. 52 с.

¹⁵ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: стат. сб. / Росстат. М., 2018. 1162 с.

технологической инфраструктуры применялось линейное шкалирование, в качестве входных показателей – количество различных объектов производственно-технологической инфраструктуры в каждом регионе. Для визуализации полученных результатов использованы геоинформационные технологии.

Результаты исследования. Анализ уровня инновационного развития регионов России свидетельствует о сильной территориальной дифференциации этого показателя. В обобщенном виде значимость инновационных процессов для социально-экономического развития регионов проявляется в доле инновационной продукции в валовом региональном продукте (ВРП) (рис. 1).

Р и с. 1. Доля инновационной продукции в валовом региональном продукте, %:
1 – менее 1; 2 – 1–4; 3 – 4–7; 4 – 7–10; 5 – более 10

F i g. 1. Proportion of innovative products in the gross regional product, %:
1 – less than 1; 2 – 1–4; 3 – 4–7; 4 – 7–10; 5 – more than 10

Наибольшие значения этого показателя (более 10 %) отмечаются в регионах Центральной России (Московская, Ярославская, Брянская, Тульская, Липецкая области), Приволжского федерального округа (республики Татарстан, Мордовия, Удмуртия, Нижегородская, Самарская, Ульяновская области, Пермский край), а также в Ростовской и Тюменской областях. Максимальные значения этого показателя характерны для

Республики Мордовия (23,2 %), Республики Татарстан (20,5), Нижегородской области и Пермского края (18,0–19,0 %). Наименьший вклад стоимости инновационных товаров, работ, услуг в ВРП (менее 1 %) характерен для большинства регионов Дальнего Востока, юга Восточной Сибири, автономных округов Западной Сибири. В Европейской России минимальные показатели доли стоимости инновационной продукции в ВРП отмечаются в республиках Северного Кавказа и Калмыкии, а также в северных и северо-западных регионах (Архангельской, Мурманской, Псковской, Калининградской областях, Карелии и Ненецком автономном округе), а также в Республике Крым и г. Севастополе. На остальной территории России отмечаются средние показатели удельного веса инновационной продукции в ВРП. Обращают на себя внимание относительно низкие значения этого показателя в регионах – инновационных лидерах – Москве (6,4 %) и Санкт-Петербурге (7,1 %). Подобная ситуация объясняется сильной диверсификацией экономики в этих агломерациях и высоким уровнем развития в них прежде всего третичного сектора экономики. Однако абсолютные значения объема инновационной продукции в этих регионах на порядок выше, чем в остальных субъектах Федерации и сопоставимы с крупными европейскими столицами.

Важнейшим компонентом инновационной производственно-технологической инфраструктуры России являются технопарки. Под технопарком понимается организационно оформленная компактная территория, предназначенная для поддержки высокотехнологического бизнеса в определенной области, предоставляющая целый комплекс услуг: офисы, лаборатории, сборочные помещения, склады, цехи для несложного производства и т. п. [30].

Всего в мире функционируют более 700 технопарков, из них наибольшее количество находится в США, Западной Европе и Китае (около 87 %). Первые технопарки в виде научных парков возникли в США в начале 1950-х гг. на базе Стэнфордского университета. Их главная задача заключалась в коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности талантливых ученых из научных лабораторий. В начале 2000-х гг. в США насчитывалось уже более 200 научных парков. Они часто становились основой создания крупных высокотехнологических компаний. Из технопарков возникли такие крупные фирмы, как Hewlett-Packard, General Electric, Eastman Kodak, Lockheed. Резидентами технопарков являются компании Symantec, Intel, eBay, Google, Apple Inc., AMD, Cisco, NVIDIA, Yahoo.

В Европе первые технопарки появились в 1970-е гг. в Великобритании (научный парк Тринити-колледжа в Кембридже), во Франции (София-Антиполис в Ницце) и в Бельгии (Левен-ла-Нев) [30].

В России технопарки начали создаваться в начале 1990-х гг. на базе высших учебных заведений. При этом прообразы современных технопарков существовали еще в СССР. Первым технополисом можно считать Сибирский академгородок в Новосибирске, который получил этот статус еще в 1957 г.

В 2011 г. была создана Ассоциация развития кластеров и технопарков России, которая объединяет объекты производственно-технологической инфраструктуры. В состав ассоциации входят 42 региона России и более 80 членов. На предприятиях, входящих в Ассоциацию, работают около 200 тыс. чел., объем выпускаемой инновационной продукции составляет 0,8 % ВВП России¹⁶. В настоящее время в России, по данным Ассоциации, функционируют около 157 технопарков в 53 регионах. Наибольшее количество технопарков представлено в Москве (38), Московской (19) и Свердловской (8) областях, Санкт-Петербурге (7) и Республике Татарстан (6)¹⁷. На начало 2018 г. технопарки занимали площадь 1 489 га, количество зарегистрированных резидентов составляло 4 833 ед., совокупная выручка резидентов технопарков – около 241 млрд руб., количество объектов интеллектуальной собственности, зарегистрированных резидентами технопарков, – 1 065 ед. По формам собственности технопарки распределялись следующим образом: государственная – 35 %, частная – 52 %, смешанная – 13 %¹⁸.

С 2015 г. Ассоциация осуществляет оценку эффективности деятельности технопарков. Она проводится по 4 основным блокам: инновационная активность резидентов технопарка; экономическая деятельность резидентов технопарка; эффективность деятельности управляющей компании технопарка; инвестиционная привлекательность и информационная открытость технопарка. Результаты этой оценки ежегодно публикуются в виде рейтинга технопарков России¹⁹. В таблице 1 мы приводим данные рейтинга эффективности функционирования технопарков за 2018 г.

Самые высокие показатели эффективности функционирования имеют 13 технопарков со следующим распределением по регионам: г. Москва – 4, Новосибирская и Нижегородская области – по 2, республики Мордовия и Татарстан, Московская, Самарская, Ульяновская области – по 1. Подавляющее большинство высокоэффективных технопарков имеют тип площадки Greenfield, т. е. построены на новой территории, ранее не застроенной, без первоначальной инфраструктуры. Форма собственности управляющей компании технопарков – лидеров рейтинга: государственная – 6, частная – 5, смешанная – 2.

¹⁶ Четвертый ежегодный обзор «Технопарки России – 2018».

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

Таблица 1. Технопарки с наивысшим уровнем эффективности функционирования²⁰
 Table 1. Technology parks operating at the highest level of efficiency

Место / Place	Название / Name	Местоположение / Location	Основные направления специализации / Main areas of specialization
1	2	3	4
<i>Наивысший уровень эффективности функционирования технопарка (свыше 110 %) ²¹ / The highest level of efficiency of the technology park operation (over 110 %)</i>			
1	Нанотехнологический центр «ТехноСпарк» / 'TechnoSpark' Nanotechnology Center	г. Москва / Moscow	Многоотраслевой (лазерные технологии, технологии на основе новых углеродных материалов, технологии HVM-литографии, технологии производства продукции из CVD-алмазов, ядерная медицина) / Diversified (laser technology, technology based on new carbon materials, HVM lithography technology, production technology using CVD diamonds, nuclear medicine)
2	Технопарк в сфере высоких технологий в Республике Мордовия / 'Technopark-Mordovia' High Technology Park in the Republic of Mordovia	Республика Мордовия / Republic of Mordovia	Многоотраслевой (приборостроение, оптоэлектроника и волоконная оптика, энергосберегающая светотехника, нано- и композиционные материалы, IT-технологии, биотехнологии) / Diversified (instrument making, optoelectronics and fiber optics, energy-saving lighting, nanomaterials, composite materials, information technology, biotechnology)
3	Нанотехнологический центр «Сигма. Новосибирск» / 'SYGMA. Novosibirsk' Nanotechnology Center	Новосибирская область / Novosibirsk Region	Многоотраслевой (наномодифицированные металлы и сплавы, керамические материалы, биомедицинские технологии и регенеративная медицина) / Diversified (nano-modified metals and alloys, ceramic materials, biomedical technology and regenerative medicine)

²⁰ Таблица составлена по: Инновации в России [Электронный ресурс]. URL: <http://innovation.gov.ru/> (дата обращения: 18.03.2019); Четвертый ежегодный обзор «Технопарки России – 2018»; Ассоциация кластеров и технопарков России. М.: АКЦИТ РФ, 2018. 52 с.

²¹ Среднероссийский уровень эффективности технопарков составляет 100 %.

Продолжение табл. 1 / Continuation of table 1

1	2	3	4
4	Технопарк «Калибр» / 'Kalibr' Technology Park	г. Москва / Moscow	Многоотраслевой (приборостроение, аддитивные технологии, беспилотный транспорт и электротранспорт, IT-технологии, интеллектуальные системы управления в легкой промышленности) / Diversified (instrument making, additive technology, self-driving and electric vehicles, information technology, intelligent control systems in light industry)
5	Научно-технологический парк Новосибирского Академгородка «Академпарк» / Science and Technology Park in Akademgorodok (the City of Novosibirsk)	Новосибирская область / Novosibirsk Region	Многоотраслевой (приборостроение, IT-технологии, промышленные биотехнологии, разработка новых лекарственных препаратов, оборудование для медицины и биотехнологии, синтез углеродных нанотрубок) / Diversified (instrument making, information technology, industrial biotechnology, development of new medications, equipment for medicine and biotechnology, synthesis of carbon nanotubes)
6	Промышленный технопарк «Лидер» / 'Leader' Industrial Technology Park	Московская область / Moscow Region	Производство высокотехнологичной медицинской техники, электроники, вычислительная техника / Production of high-tech medical equipment, electronics, computer equipment
7	Технопарк в сфере высоких технологий «Жигулевская долина» / 'Zhiguli Valley' High Technology Park	Самарская область / Samara Region	Многоотраслевой (IT-технологии, разработка многопроцессорных ЭВМ с параллельной структурой, авиационная и космическая техника, навигационные системы, биотехнологии, робототехнические комплексы и гибкие производственные системы, энергосберегающие устройства, создание композитов и полимеров) / Diversified (information technology, development of multiprocessor parallel computers, aviation and space technology, navigation systems, biotechnology, robotic systems, flexible production systems, energy-saving devices, manufacturing of composites and polymers)
8	Инновационно-производственный технопарк «Идея» / 'Idea' Innovation and Production Technology Park	Республика Татарстан / Republic of Tatarstan	Многоотраслевой (нанореагентная обработка нефтяных скважин, ультразвуковое оборудование для увеличения нефтеотдачи, методы очистки и восстановления почвы после нефтяных загрязнений) / Diversified (nanoreagent oil well treatment, ultrasonic equipment for enhanced oil recovery, methods of cleaning and restoring soil after oil pollution)

1	2	3	4
9	Технопарк «Саров» / 'Sarov' Technology Park	Нижегородская область / Nizhny Novgorod Region	Многоотраслевой (IT-технологии, лазерные технологии, энергоэффективные технологии, сенсоры и автоматизация, материалы и покрытия) / Diversified (information technology, laser technology, energy-efficient technology, sensors and automation, materials and coatings)
10	Ульяновский Центр Трансфера Технологий (Ульяновский нанотехнологический центр) / ULNANOTECH/Ulyanovsk Technology Transfer Center (ULNANOTECH/Ulyanovsk Nanocenter)	Ульяновская область / Ulyanovsk Region	Многоотраслевой (альтернативные источники энергии, биотехнологии и молекулярная генетика, микроэлектроника, новые технологии строительства) / Diversified (alternative energy sources, biotechnology and molecular genetics, microelectronics, new construction technology)
11	Технопарк «Строгино» / 'Strogino' Technology Park	г. Москва / Moscow	Многоотраслевой (биотехнологии и фармацевтика, электроника и микроэлектроника, точное приборостроение, промышленная робототехника, нанотехнологии, энергетика, IT-технологии) / Diversified (biotechnology and pharmaceuticals, electronics and microelectronics, precise instrument making, industrial robotics, nanotechnology, power engineering, information technology)
12	Технополис «Москва» / 'Moscow' Technopolis	г. Москва / Moscow	Многоотраслевой (наноматериалы, новые медицинские технологии и биофармакология, микроэлектроника, оптика, робототехника, промышленная автоматизация, IT-технологии) / Diversified (nanomaterials, new medical technologies and biopharmacology, microelectronics, optics, robotics, industrial automation, information technology)
13	Технопарк в сфере высоких технологий «Анкудиновка» / 'Ankudinovka' High Technology Park	Нижегородская область / Nizhny Novgorod Region	Многоотраслевой (IT-технологии, приборостроение, электронная техника, биомедицинские технологии и фармакология, композитные и наноматериалы) / Diversified (information technology, instrument making, electronic equipment, biomedical technology and pharmacology, composite and nanomaterials)

Для обобщения результатов исследования инновационной производственно-технологической инфраструктуры была проведена соответствующая типология регионов России (рис. 2, табл. 2).

Р и с. 2. Типы регионов России по уровню развития инновационной производственно-технологической инфраструктуры: 1 – высокий уровень; 2 – уровень выше среднего; 3 – средний уровень; 4 – низкий уровень

Fig. 2. Types of the regions of Russia in terms of development of the innovative productive and technological infrastructure: 1 – high level; 2 – higher than the average level; 3 – the average level; 4 – low level

К одному и тому же типу относятся территории, где отмечается сходная структура и уровень насыщенности объектами производственно-технологической инфраструктуры, что опосредовано проявляется в основных результатах инновационной деятельности регионов. Выделено четыре типа регионов: с высоким уровнем, уровнем выше среднего, средним и низким уровнем. Самая малочисленная группа – регионы с высоким уровнем развития производственно-технологической инфраструктуры – 11. Более половины регионов России относятся к 4 типу (низкий уровень) – 47, оставшиеся 27 субъектов РФ представлены регионами со средним и выше среднего уровнем развития производственно-технологической инфраструктуры.

Т а б л и ц а 2. Типология регионов России по уровню развития инновационной производственно-технологической инфраструктуры²²
 T a b l e 2. Typology of the regions of Russia in terms of development of the innovative productive and technological infrastructure

Основные показатели / Key indicators	Типы / Types			
	Высокий уровень / High level	Уровень выше среднего / Higher than the average level	Средний уровень / The average level	Низкий уровень / Low level
1	2	3	4	5
<i>Объекты инновационной производственно-технологической инфраструктуры / Objects of the innovative productive and technological infrastructure</i>				
Всего / Total	228	73	30	15
Территориальные инновационные кластеры / Territorial innovation clusters	15	8	1	1
Технологические платформы / Technological platforms	31	3	–	–
Инжиниринговые центры / Engineering centers	20	2	–	–
Технопарки / Technology Parks	95	33	23	9
Центры коллективного пользования / Centers for collective use	46	19	4	2
Наукограды / 'Naukograds' (Science Cities)	11	2	2	–
Объекты экономические зоны внедренческого типа / Special economic zones of innovative type	10	6	–	3

²² Таблица составлена по: Соколов Д. С., Томилина Н. С. Инновационная инфраструктура в современной России: понятие, содержание, особенности [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_27807827_78705422.pdf; Инновации в России [Электронный ресурс]. URL: <http://innovation.gov.ru/> (дата обращения: 18.03.2019); Рейтинг инновационных регионов России Ассоциации инновационных регионов России. 2018. М.: АИРР. 54 с.; Четвертый ежегодный обзор «Технопарки России – 2018»; Ассоциация кластеров и технопарков России. М.: АКИТ РФ, 2018. 52 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: стат. сб. / Росстат. М., 2018. 1162 с.

Окончание табл. 2 / End of table 2

	1	2	3	4	5
<i>Основные показатели инновационной деятельности / Key indicators of the innovative activity</i>					
Доля инновационных товаров, работ, услуг в ВРП, % / Proportion of innovative products, works and services in the gross regional product (GRP), %		6,9	9,6	3,8	3,7
Объем инновационных товаров, работ, услуг, млн руб. / Volume of innovative products, works and services, million rubles:					
всего / total		2 194 233	949 678	470 187	552 901
в среднем на регион / on average in the region		199 476	79 140	31 346	11 764
Затраты на технологические инновации, млн руб. / Expenditure on technological innovation, million rubles:					
всего / total		675 848	261 480	242 717	224 941
в среднем на регион / on average in the region		61 440	21 790	16 181	47 86
Эффективность затрат на технологические инновации, руб. / Cost effectiveness of the expenditure on technological innovation, rubles		3,2	3,6	1,9	2,5
Выдано патентов на изобретения и полезные модели, ед. / Patents issued for inventions and utility models, units:					
всего / total		18 239	4 676	2 980	5 373
в среднем на регион / on average in the region		1 658	390	199	114
Число созданных передовых производственных технологий, ед. / Number of advanced production technologies created, units:					
всего / total		675	323	122	282
в среднем на регион / on average in the region		61	27	8	6
Число используемых передовых производственных технологий, ед. / Number of advanced production technologies employed, units:					
всего / total		94 136	43 735	38 407	63 776
в среднем на регион / on average in the region		8 558	3 645	2 560	1 357
Количество регионов в типе / Number of regions of the type		11	12	15	47

К регионам первого типа относятся Москва, Санкт-Петербург, Московская, Ульяновская, Свердловская, Новосибирская и Иркутская области, Татарстан, Башкортостан и Пермский край. Здесь сосредоточено более половины всех объектов производственно-технологической инфраструктуры страны и представлены все ее главные компоненты. Эти регионы обладают диверсифицированной структурой инновационного комплекса и специализируются главным образом на информационных технологиях, производстве композитных и наноматериалов, атомной энергетике, выпуске продукции для космической промышленности, биомедицинских технологиях и др.

Регионы, входящие в этот тип, занимают 10 % территории России и сосредотачивают 34 % населения, при этом производят более 50 % инновационных товаров, работ, услуг, на них приходится 48 % затрат на технологические инновации и 58 % выданных патентов на изобретения и полезные модели. Здесь также разработано 48 % и использовано 36 % передовых производственных технологий. Подобное распределение разработанных и использованных передовых технологий свидетельствует о значительной креативности инновационной деятельности в этих регионах. На территории этого типа размещены 15 из 25 территориальных инновационных кластеров. Наиболее значимыми являются Кластер ядерно-физических и нанотехнологий в г. Дубне (системы безопасности, технологии сверхпроводимости, ядерные и радиационные технологии), Инновационный территориальный Аэрокосмический кластер Самарской области (ракетно-космическое производство), биотехнологический инновационный территориальный кластер Пущино (биотехнологии, фармакология, экологические технологии), Инновационный кластер информационных и биофармацевтических технологий Новосибирской области (информационные технологии, в том числе методы искусственного интеллекта, биофармацевтика, биоинформационные технологии), Нефтехимический территориальный кластер Республики Башкортостан (производство поливинилхлорида, малотоннажная химия, производство адсорбентов и молекулярных сит), Саровский инновационный кластер (альтернативная энергетика, суперкомпьютерные технологии и моделирование, научное приборостроение и мехатроника) и др.

Регионы со средним и выше среднего уровнем развития инновационной производственно-технологической инфраструктуры расположены в Сибири и на Дальнем Востоке (Республика Якутия (Саха), Тюменская, Томская, Кемеровская области, Алтайский, Красноярский, Хабаровский и Приморский края), на Урале (Удмуртская Республика, Челябинская область), а также в некоторых субъектах РФ в пределах Европейской России: Республика Мордовия, Нижегородская, Воронежская, Ростовская, Липецкая, Калужская области и др. Все показатели инновационной

деятельности здесь значительно ниже, чем в первом типе: объем инновационных товаров, работ, услуг – в 2,5 раза во втором и в 6,4 раза в третьем типе; затраты на технологические инновации – в 2,8 раза во втором и в 3,8 раза в третьем типе; используемые передовые производственные технологии – в 2,3 раза во втором и в 3,3 раза в третьем типе. По количеству размещенных объектов производственно-технологической инфраструктуры эти регионы также существенно уступают регионам первого типа. Количество территориальных инновационных кластеров, технологических платформ, инжиниринговых центров, технопарков и наукоградов в 27 регионах этих двух типов существенно ниже, чем в 11 регионах первого типа. Тем не менее здесь находятся такие важные технологические платформы, как «Национальная информационная спутниковая система» (Красноярский край), «Медицина будущего» (Томская область), а также высокоэффективные технопарки: по 2 технопарка в Мордовии («Технопарк-Мордовия», Центр нанотехнологий и наноматериалов) и Нижегородской области («Саров», «Анкудиновка»). В регионах этих типов располагаются и крупнейшие территориальные инновационные кластеры в области фармацевтики и биотехнологий, информационных технологий, авиа- и судостроения, ядерных и радиационных технологий. В целом регионы, входящие во второй и третий типы, обладают наибольшим потенциалом инновационного развития.

Большинство регионов России имеют низкий уровень развития инновационной производственно-технологической инфраструктуры (республики Северного Кавказа и Восточной Сибири, большинство регионов Центральной, Северо-Западной и северной части Европейской России, а также Республика Крым и г. Севастополь). Для них характерен общий низкий уровень социально-экономического развития, относительно невысокая квалификация трудовых ресурсов и неблагоприятное экономико-географическое положение. Здесь все показатели инновационной деятельности в десятки раз ниже, чем в среднем по стране. Из 346 основных объектов инновационной производственно-технологической инфраструктуры в России лишь 15 расположены в 47 регионах этого типа. Дальнейшее развитие инфраструктурной составляющей инновационного потенциала этих регионов связано с последовательным наращиванием базисных инфраструктурных объектов и разработкой специальных программ по привлечению инвестиций и высококвалифицированных специалистов в эти районы. Однако и в дальнейшем следует ожидать увеличения разрыва в уровне инновационного развития регионов-лидеров и инновационной периферии.

Обсуждение и заключение. На основании результатов исследования можно сделать следующие выводы.

1. Уровень инновационного развития регионов России во многом обусловлен степенью развития производственно-технологической инфра-

структуры. Важнейшими компонентами этой подсистемы инновационной инфраструктуры являются научные и промышленные парки, наноцентры, территориальные инновационные кластеры и новые технологические платформы, которые способствуют переходу большинства промышленных предприятий и организаций третичного сектора экономики на новые инновационные технологии, появлению значительного числа эффективных малых и средних инновационных предприятий.

2. В большинстве регионов России формирование инновационного потенциала осуществлялось поэтапно. На начальном этапе происходило расширение ведущими предприятиями и организациями субъектов России производства инновационной продукции как в стоимостном выражении, так и в направлении диверсификации выпускаемых товаров и услуг. На следующем этапе стали создаваться специализированные инновационные компании. С середины 2000-х гг. структура производственно-технологической инфраструктуры постоянно усложнялась, возникли инновационные структурные подразделения в научных учреждениях и высших учебных заведениях, усилилась динамика создания технопарков и территориальных инновационных кластеров. Так, с 2005 г. по настоящее время были созданы все региональные инновационные кластеры и более 70 % российских технопарков.

3. Важным фактором стимулирования инновационного развития регионов стала ориентированность их инновационно-технологического комплекса на внутренний рынок. Возрастающая потребность в инновационной продукции на огромном и слабо насыщенном рынке страны является важным фактором диверсификации экономики и повышения качества инновационного развития России. При этом сохраняется экспортный потенциал российской инновационной продукции (атомная энергетика, ракетостроение, продукция оборонно-промышленного комплекса).

4. В создании объектов производственно-технологической инфраструктуры сохраняется ведущая роль государственной финансовой и организационно-управленческой поддержки. При этом чрезвычайно неэффективно используются возможности государственно-частного партнерства и отсутствуют действенные механизмы привлечения частных инвестиций в инновационные проекты в результате неблагоприятного инвестиционного климата в большинстве регионов России. Для преодоления этого препятствия формируются особые технико-внедренческие экономические зоны. Кроме того, на территории технопарков созданы максимально благоприятные условия (финансовые, налоговые, стоимость аренды помещений и оборудования и др.) для ведения инновационной деятельности.

5. В целом относительно высокий уровень развития производственно-технологической инновационной инфраструктуры не соответствует

качеству и эффективности взаимодействия ее отдельных компонентов, что проявляется в низкой результативности коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности при реализации крупных инновационных проектов.

6. Главной проблемой развития производственно-технологической инновационной инфраструктуры является низкий темп роста новых технологий, их быстрое устаревание в результате длительного периода внедрения в производство. В большинстве случаев следует отметить техническое несоответствие уровню решаемых задач имеющегося материально-технического оснащения технологических процессов.

7. Дальнейшее развитие производственно-технологической составляющей региональных инновационных систем связано с разработкой эффективных маркетинговых механизмов коммерциализации инноваций, повышением качества образования и его ориентированности на инновационную проблематику. Прикладная направленность научных исследований должна сопровождаться диверсификацией инновационно-технологического комплекса в соответствии с приоритетными направлениями технологического развития регионов и страны.

Результаты исследования могут быть использованы органами федеральной и муниципальной власти для обоснования перспектив территориальной дифференциации отдельных компонентов инновационной производственно-технологической инфраструктуры на региональном уровне. Отдельные положения статьи могут послужить основой формирования программ инновационного развития регионов России.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Макар С. В., Носонов А. М. Оценка и пространственные закономерности развития инновационной деятельности в регионах России // Экономика. Налоги. Право. 2017. Т. 10, № 4. С. 96–106. DOI: <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2017-10-4-96-106>

2. Теребова С. В. Инновационная инфраструктура в регионе: проблемы и направления развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 6 (36). С. 199–212. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc/2014.6.36.15>

3. Подходы к оценке эффективности функционирования объектов инновационной инфраструктуры в России / В. А. Барина [и др.] // Инновации. 2014. № 3. С. 42–51. URL: <https://maginnov.ru/ru/zhurnal/arhiv/2014/innovacii-n3-2014/podhodyk-ocenke-dostatochnosti-i-effektivnosti-funkcionirovaniya-obektov-innovacionnoj-infrastruktury-v-rossii> (дата обращения: 09.04.2019).

4. Королева Л. П., Кандрашкина М. А. Инновационная инфраструктура: сущность и тенденции развития в Республике Мордовия [Электронный ресурс] // Системное управление. 2014. Вып. 3 (24). URL: http://sisupr.mrsu.ru/2014-3/PDF/Koroleva_L_P_Kandraskina_M_A.pdf (дата обращения: 09.04.2019).

5. Tassef G. Modeling and Measuring the Economic Roles of Technology Infrastructure // *Economics of Innovation and New Technology*. 2008. Vol. 17, issue 7-8. Pp. 617–631. DOI: <https://doi.org/10.1080/10438590701785439>
6. Torrisi G. Public Infrastructure: Definition, Classification and Measurement Issues / Munich Personal RePEc Archive. MPRA Paper № 12990, posted 25 January 2009. Pp. 2–34. URL: <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/12990/1> (дата обращения: 09.04.2019).
7. Audretsch D. B., Heger D., Veith T. Infrastructure and Entrepreneurship // *Small Business Economics*. 2015. Vol. 44, issue 2. Pp. 219–230. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11187-014-9600-6>
8. Cooke P. Biotechnology Clusters as Regional, Sectoral Innovation Systems // *International Regional Science Review*. 2002. Vol. 25, issue 1. Pp. 8–37. DOI: <https://doi.org/10.1177/016001760202500102>
9. Gilbert B. A., McDougall P. P., Audretsch D. B. Clusters, Knowledge Spillovers and New Venture Performance: An Empirical Examination // *Journal of Business Venturing*. 2008. Vol. 23, issue 4. Pp. 405–422. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jbusvent.2007.04.003>
10. Goncalves J., Peuckert J. Measuring the Impacts of Quality Infrastructure: Impact Theory, Empirics and Study Design. Braunschweig: Physikalisch-Technische Bundesanstalt. 2011. 44 p. URL: https://www.ptb.de/cms/fileadmin/internet/fachabteilungen/abteilung_9/9.3_internationale_zusammenarbeit/publikationen/207_Guide_Impacts/PTB_Q5_Guide7_Impacts_EN.pdf (дата обращения: 09.04.2019).
11. Moreno R., Paci R., Usai S. Innovation Clusters in the European Regions // *European Planning Studies*. 2006. Vol. 14, issue 9. Pp. 1235–1263. DOI: <https://doi.org/10.1080/09654310600933330>
12. Zhou Yu. The Making of an Innovative Region From a Centrally Planned Economy: Institutional Evolution in Zhongguancun Science Park in Beijing // *Environment and Planning A: Economy and Space*. 2005. Vol. 37, issue 6. Pp. 1113–1134. DOI: <https://doi.org/10.1068/a3716>
13. Birudavolu S., Nag B. Regional Factors Influencing Innovation // *Business Innovation and ICT Strategies*. 2018. Pp. 211–238. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-13-1675-3_8
14. Lopez-Bazo E., Motellon E. Innovation, Heterogeneous Firms and the Region: Evidence From Spain // *Regional Studies*. 2018. Vol. 52, issue 5. Pp. 673–687. DOI: <https://doi.org/10.1080/00343404.2017.1331296>
15. Scranton P. Infrastructure: Reappraisal and Reorientation // *Enterprise, Organization, and Technology in China*. 2019. Pp. 199–230. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-00398-2_7
16. Hasan S., Klaiber H. A., Sheldon I. The Impact of Science Parks on Small- and Medium-Sized Enterprises Productivity Distributions: The Ease of Taiwan and South Korea // *Small Business Economics*. 2018. Pp. 1–19. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11187-018-0083-8>
17. Romer P. M. Mathiness in the Theory of Economic Growth // *American Economic Review*. 2015. Vol. 105, no. 5. Pp. 89–93. DOI: <https://doi.org/10.1257/aer.p20151066>
18. Broekel T., Brachert M., Duschl M. Joint R&D Subsidies, Related Variety, and Regional Innovation // *International Regional Science Review*. 2017. Vol. 40, issue 3. Pp. 297–326. DOI: <https://doi.org/10.1177/0160017615589007>

19. Raghupathi V., Raghupathi W. Exploring Science-and-Technology-Led Innovation: A Cross-Country Study // *Journal of Innovation and Entrepreneurship*. 2019. Vol. 8, article 5. DOI: <https://doi.org/10.1186/s13731-018-0097-0>

20. Massiani J., Gohs A. The Choice of Bass Model Coefficients to Forecast Diffusion for Innovative Products: An Empirical Investigation for New Automotive Technologies // *Research in Transportation Economics*. 2015. Vol. 50. Pp. 17–28. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.retrec.2015.06.003>

21. Entrepreneurship Culture, Knowledge Spillovers and the Growth of Regions / M. Stuetzer [et al.] // *Regional Studies*. 2018. Vol. 52, issue 5. Pp. 899–909. DOI: <https://doi.org/10.1080/00343404.2017.1294251>

22. Caiazza R., Richardson A., Audretsch D. J. Knowledge Effects on Competitiveness: From Firms to Regional Advantage // *The Journal of Technology Transfer*. 2015. Vol. 40, issue 6. Pp. 899–909. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10961-015-9425-8>

23. Miguelez E., Moreno R. Knowledge Flows and the Absorptive Capacity of Regions // *Research Policy*. 2015. Vol. 44, issue 4. Pp. 833–848. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.respol.2015.01.016>

24. Cerver-Romero E., Ferreira J. J. Fernandes C. A Scientometric Analysis of Knowledge Spillover Research // *The Journal of Technology Transfer*. 2018. Pp. 1–26. URL: <https://doi.org/10.1007/s10961-018-9698-9>

25. Creativity, Clusters and the Competitive Advantage of Cities / R. Martin [et al.] // *Competitiveness Review*. 2015. Vol. 25, issue 5. Pp. 482–496. DOI: <https://doi.org/10.1108/CR-07-2015-0069>

26. Miguelez E., Moreno R. Relatedness, External Linkages and Regional Innovation in Europe // *Regional Studies*. 2018. Vol. 52, issue 5. Pp. 688–701. DOI: <https://doi.org/10.1080/00343404.2017.1360478>

27. Scholl T., Brenner T. Detecting Spatial Clustering Using a Firm-Level Cluster Index // *Regional Studies*. 2016. Vol. 50, issue 6. Pp. 1054–1068. DOI: <https://doi.org/10.1080/00343404.2014.958456>

28. The Impact Evaluation of Cluster Development Programs: Methods and Practices / M. Alessandro, C. Pietrobelli, R. Stucchi (eds.); Inter-American Development Bank (IADB). Washington, D.C. 2016, 204 p. URL: <https://publications.iadb.org/en/impact-evaluation-cluster-development-programs-methods-and-practices> (дата обращения: 09.04.2019).

29. Sunny S. A., Shu C. Investments, Incentives, and Innovation: Geographical Clustering Dynamics as Drivers of Sustainable Entrepreneurship // *Small Business Economics*. 2019. Vol. 52, issue 4. Pp. 905–927. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11187-017-9941-z>

30. Костюнина Г. М., Баронов В. И. Технопарки в зарубежной и российской практике // *Вестник МГИМО-Университета*. 2012. № 3 (24). С. 91–99. URL: <http://vestnikold.mgimo.ru/razdely/ekonomika/tehnoparki-v-zarubezhnoy-i-rossiyskoj-praktike> (дата обращения: 09.04.2019).

Поступила 16.04.2019; принята к публикации 18.06.2019; опубликована онлайн 30.09.2019.

Об авторе:

Носонов Артур Модестович, профессор кафедры физической и социально-экономической географии ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), доктор географических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4719-0166>, artno@mail.ru

Для цитирования:

Носонов А. М. Производственно-технологическая инновационная инфраструктура регионов России // Регионоведение. 2019. Т. 27, № 3. С. 436–460. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.107.027.201903.436-460>

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Makar S.V., Nosonov A.M. Assessment and Spatial Regularities of the Innovative Activity Development in the Regions of Russia. *Ehkonomika. Nalogi. Pravo* = Economics, Taxes & Law. 2017; 10(4):96-106. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2017-10-4-96-106>
2. Terebova S.V. Innovation Infrastructure in the Region: Problems and Directions of Development. *Ekonomicheskiye i sotsialnyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* = Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2014; (6):199-212. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.15838/esc/2014.6.36.15>
3. Barinova V.A., Maltseva A.A., Sorokina A.V., Eremkin V.A. Approaches to Assessing the Adequacy and Efficiency of the Innovation Infrastructure Facilities in Russia. *Innovatsii* = Innovations. 2014; (3):42-51. Available at: <https://maginnov.ru/ru/zhurnal/arhiv/2014/innovacii-n3-2014/podhody-k-ocenke-dostatochnosti-i-effektivnosti-funkcionirovaniya-obektov-innovacionnoj-infrastruktury-v-rossii> (accessed 09.04.2019). (In Russ., abstract in Eng.)
4. Koroleva L.P. Kandrashkina M.A. Innovation Infrastructure: Essence and Tendencies of Development in the Republic of Mordovia. *Sistemnoye upravleniye* = System Management. 2014; (3). Available at: http://sisupr.mrsu.ru/2014-3/PDF/Koroleva_L_P_Kandrashkina_M_A.pdf (accessed 09.04.2019). (In Russ., abstract in Eng.)
5. Tassej G. Modeling and Measuring the Economic Roles of Technology Infrastructure. *Economics of Innovation and New Technology*. 2008; 17(7-8):617-631. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1080/10438590701785439>
6. Torrisi G. Public Infrastructure: Definition, Classification and Measurement Issues. *Munich Personal RePEc Archive*. MPRA Paper № 12990, posted 25 January 2009; p. 2-34. Available at: <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/12990/1/> (accessed 09.04.2019). (In Eng.)
7. Audretsch D.B., Heger D., Veith T. Infrastructure and Entrepreneurship. *Small Business Economics*. 2015; 44(2):219-230. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1007/s11187-014-9600-6>
8. Cooke P. Biotechnology Clusters as Regional, Sectoral Innovation Systems. *International Regional Science Review*. 2002; 25(1):8-37. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1177/016001760202500102>

9. Gilbert B.A., McDougall P.P., Audretsch D.B. Clusters, Knowledge Spillovers and New Venture Performance: An Empirical Examination. *Journal of Business Venturing*. 2008; 23(4):405-422. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jbusvent.2007.04.003>

10. Goncalves J., Peuckert J. Measuring the Impacts of Quality Infrastructure: Impact Theory, Empirics and Study Design. Braunschweig: Physikalisch-Technische Bundesanstalt; 2011. Available at: https://www.ptb.de/cms/fileadmin/internet/fach-abteilungen/abteilung_9/9.3_internationale_zusammenarbeit/publikationen/207_Guide_Impacts/PTB_Q5_Guide7_Impacts_EN.pdf (accessed 09.04.2019). (In Eng.)

11. Moreno R., Paci R., Usai S. Innovation Clusters in the European Regions. *European Planning Studies*. 2006; 14(9):1235-1263. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1080/09654310600933330>

12. Zhou Yu. The Making of an Innovative Region from a Centrally Planned Economy: Institutional Evolution in Zhongguancun Science Park in Beijing. *Environment and Planning A: Economy and Space*. 2005; 37(6):1113-1134. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1068/a3716>

13. Birudavolu S., Nag B. Regional Factors Influencing Innovation. In: Business Innovation and ICT Strategies. Singapore: Palgrave Macmillan; 2018. p. 211-238. (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-13-1675-3_8

14. Lopez-Bazo E., Motellon E. Innovation, Heterogeneous Firms and the Region: Evidence from Spain. *Regional Studies*. 2018; 52(5):673-687. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1080/00343404.2017.1331296>

15. Scranton P. Infrastructure: Reappraisal and Reorientation. In: Enterprise, Organization, and Technology in China. Palgrave Macmillan, Cham; 2019. p. 199-230. (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-00398-2_7

16. Hasan S., Klaiber H.A., Sheldon I. The Impact of Science Parks on Small- and Medium-Sized Enterprises Productivity Distributions: The Case of Taiwan and South Korea. *Small Business Economics*. 2018; p. 1-19. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1007/s11187-018-0083-8>

17. Romer P. M. Mathiness in the Theory of Economic Growth. *American Economic Review*. 2015; 105(5):89-93. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1257/aer.p20151066>

18. Broekel T., Brachert M., Duschl M. Joint R&D Subsidies, Related Variety, and Regional Innovation. *International Regional Science Review*. 2017; 40(3):297-326. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1177/0160017615589007>

19. Raghupathi V., Raghupathi W. Exploring Science-and-Technology-Led Innovation: A Cross-Country Study. *Journal of Innovation and Entrepreneurship*. 2019; 8. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1186/s13731-018-0097-0>

20. Massiani J., Gohs A. The Choice of Bass Model Coefficients to Forecast Diffusion for Innovative Products: An Empirical Investigation for New Automotive Technologies. *Research in Transportation Economics*. 2015; 50:17-28. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1016/j.retrec.2015.06.003>

21. Stuetzer M., Audretsch D.J., Obschonka M., Gosling S.D., Rentfrow P.J., Potte J. Entrepreneurship Culture, Knowledge Spillovers and the Growth of Regions. *Regional Studies*. 2018; 52(5):899-909. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1080/00343404.2017.1294251>

22. Caiazza R., Richardson A., Audretsch D.J. Knowledge Effects on Competitiveness: From Firms to Regional Advantage. *The Journal of Technology Transfer*. 2015; 40(6):899-909. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1007/s10961-015-9425-8>
23. Miguelez E., Moreno R. Knowledge Flows and the Absorptive Capacity of Regions. *Research Policy*. 2015; 44(4):833-848. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1016/j.respol.2015.01.016>
24. Cerver-Romero E., Ferreira J.J., Fernandes C. A Scientometric Analysis of Knowledge Spillover Research. *The Journal of Technology Transfer*. 2018; p. 1-26. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1007/s10961-018-9698-9>
25. Martin R., Florida R., Pogue M., Mellander C. Creativity, Clusters and the Competitive Advantage of Cities. *Competitiveness Review*. 2015; 25(5):482-496. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1108/CR-07-2015-0069>
26. Miguelez E., Moreno R. Relatedness, External Linkages and Regional Innovation in Europe. *Regional Studies*. 2018; 52(5):688-701. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1080/00343404.2017.1360478>
27. Scholl T., Brenner T. Detecting Spatial Clustering Using a Firm-Level Cluster Index. *Regional Studies*. 2016; 50(6):1054-1068. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1080/00343404.2014.958456>
28. The Impact Evaluation of Cluster Development Programs: Methods and Practices. In: M. Alessandro, C. Pietrobelli, R. Stucchi (eds.). Inter-American Development Bank (IADB): Washington, D.C.; 2016. Available at: <https://publications.iadb.org/en/impact-evaluation-cluster-development-programs-methods-and-practices> (accessed 09.04.2019). (In Eng.)
29. Sunny S.A., Shu C. Investments, Incentives, and Innovation: Geographical Clustering Dynamics as Drivers of Sustainable Entrepreneurship. *Small Business Economics*. 2019; 52(4):905-927. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1007/s11187-017-9941-z>
30. Kostyunina G.M., Baronov V.I. Technoparks in Foreign and Russian Practice. *Vestnik MGIMO-Universiteta* = MGIMO Review of International Relations. 2012; (3):91-99. Available at: <http://vestnikold.mgimo.ru/razdely/ekonomika/tehnoparki-v-zarubezhnoy-i-rossiyskoy-praktike> (accessed 09.04.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

Submitted 16.04.2019; accepted for publication 18.06.2019; published online 30.09.2019.

About the author:

Arthur M. Nosonov, Professor, Department of Physical and Socio-Economic Geography, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russia), Dr. Sci. (Geography), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4719-0166>, artno@mail.ru

For citation:

Nosonov A.M. Productive and Technological Innovation Infrastructure of the Regions of Russia. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2019; 27(3):436-460. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.107.027.201903.436-460>

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Моделирование региональной активности по видам экономической деятельности

Т. А. Игнашева

*ФГБОУ ВО «Поволжский государственный
технологический университет»*

*ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»
(г. Йошкар-Ола, Россия),
samofeeva@mail.ru*

Введение. Экономика любого региона включает разнообразные виды деятельности. Построение моделей развития отдельных секторов экономики способствует рациональному размещению производительных сил, целесообразному использованию экономических ресурсов и всестороннему развитию регионов страны, что обуславливает актуальность выбранной темы исследования. Цель анализа – построение моделей функционирования основных видов экономической деятельности в региональном разрезе.

Материалы и методы. Исследование проводилось с применением многомерных методик регрессионного и факторного анализа путем построения зависимостей объемов экономической активности различных секторов региональной экономики на основе исходных социально-экономических показателей Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Марий Эл и полученных на их основе интегральных показателей.

Результаты исследования. В результате моделирования экономической активности региона выявлены факторы, изменение которых оказывает непосредственное влияние на функционирование соответствующего сектора экономики; в сельском хозяйстве и строительном секторе на основе интегральных показателей определены совокупные факторы, в значительной степени характеризующие функционирование данных видов деятельности: фактор продукции животноводства и факторы ввода квартир и жилой площади. Исследование показало большую направленность сельского хозяйства региона на производство продукции животноводства с уклоном на производство молока. Анализ строительного сектора республики выявил преобладание в числе реализуемых строительных проектов ввода объектов жилого назначения по сравнению со строительством зданий промышленно-гражданского назначения и объектов социально-культурной сферы. При моделировании транспортного сектора доказана существенная зависимость объемов пассажирооборота Республики Марий Эл от наличия автомобилей в собственности граждан.

Обсуждение и заключение. Для дальнейшего более прогрессивного развития сельского хозяйства и строительного сектора региона необходимо уделять большое внимание развитию растениеводческих направлений агропромышленного комплекса республики и строительству объектов промышленно-гражданского

© Игнашева Т. А., 2019

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

и социально-культурного назначения. Полученные результаты могут быть использованы при проведении исследований развития региональной экономики, составлении стратегических планов функционирования секторов экономики.

Ключевые слова: виды экономической деятельности, животноводство, строительство, пассажирский транспорт, регрессия, главные компоненты

Modeling Regional Performance according to the Types of Economic Activities

T. A. Ignasheva

*Volga State University of Technology
Mari State University (Yoshkar-Ola, Russia),
samofeeva@mail.ru*

Introduction. The economy of any region includes various types of activities. Building development models of individual sectors of the economy contributes to the rational allocation of productive forces, expedient use of economic resources as well as to the comprehensive development of the country's regions. This determines the relevance of the chosen research topic. The main objective of the analysis is to build models of functioning of the main types of economic activities in the regional context.

Materials and Methods. The conducted research applied multidimensional techniques of the regression and factorial analysis by building dependencies of the volume of economic activities of various sectors of the regional economy (based on the initial socio-economic indicators provided by the Territorial Authority of the Federal State Statistics Service in the Republic of Mari El and the integral indicators obtained on their basis).

Results. Modeling the region's economic activity made it possible to identify the factors the change of which directly impact the functioning of the relevant sectors of the economy. In agriculture and the construction sector, the cumulative factors that largely characterize the functioning of these types of activities have been identified based on the integral indicators: the factor of livestock production and the factors of commissioning apartments and living space. The study has proved the greater focus of agriculture in the region on the livestock products with a bias on milk production. The analysis of the construction sector in the Republic of Mari El has revealed the predominance of the commissioning of residential buildings as compared with the construction of industrial and civil buildings as well as social and cultural facilities among the implemented construction projects. Modeling the transport sector has proved a significant dependence of the volume of passenger traffic in the Republic of Mari El on the availability of private vehicles.

Discussion and Conclusion. To provide further progressive development of the agriculture and the construction sector of the region, great attention should be paid to the development of crop production within the agro-industrial complex of the Republic of Mari El as well as to the construction of industrial and civil buildings, social and cultural facilities. The results obtained can be used when conducting research on the development of the regional economy or drawing up strategic plans for the functioning of the economic sectors.

Keywords: types of economic activities, livestock farming, construction, passenger transport, regression, main components

Введение. В настоящее время ведущими видами промышленной деятельности Республики Марий Эл являются машиностроение и металлообработка (производство металлорежущего инструмента, приборов, средств автоматизации, технологического оборудования для лесозаготовок и лесосплава). Кроме того, развиты лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная, легкая и пищевая сферы промышленности. Основным направлением развития сельского хозяйства региона является животноводство (молочно-мясное скотоводство, овцеводство, свиноводство), птицеводство. В сфере растениеводства преобладают посевы ржи, гречихи, зернобобовых, овса, пшеницы, ячменя, льна-долгунца, кормовых культур, картофелеводство. Сфера строительства направлена на возведение жилых домов, зданий промышленно-гражданского и социально-культурного назначения, строительство дорог. Транспортный сектор экономики региона представлен пассажиро- и грузоперевозками. Исследование развития наиболее значимых для региона сфер народнохозяйственного комплекса с точки зрения выделения наиболее существенных социально-экономических показателей, определяющих их функционирование, позволяет реализовать индуктивный подход в анализе путем построения зависимостей объемов экономической активности рассматриваемых секторов с последующим детальным формулированием выводов¹ [1]. Для исключения проблемы поливариантности при анализе полученных результатов и подтверждения их устойчивости предлагается провести встречный анализ на основе дедуктивного метода познания путем построения указанных зависимостей на основе интегральных показателей, сформированных на основе исходных анализируемых социально-экономических факторов² [2].

Полученные детальные выводы позволяют выявить перспективные направления в развитии промышленности, сельского хозяйства и транспортного сектора экономики региона, а также определить ключевые моменты, на которые стоит направить первоочередные усилия, что определяет актуальность выбранной научной проблемы.

Обзор литературы. Переход к рыночной экономике в странах постсоветского пространства не мог не сказаться на их экономической структуре. В течение относительно короткого времени были разрушены сложившиеся производственные связи, появились и стремительно развивались совершенно новые для этих стран сферы экономики. Вопросы

¹ Сопина Н. А. Анализ структурных составляющих экономики региона // Проблемы современной экономики [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20586620> (дата обращения: 01.03.2019).

² Дуброва Т. А., Павлов Д. Э., Осипова Н. П. Факторный анализ с использованием ППП «STATISTICA». Учеб. пособие / Московский государственный университет экономики, статистики и информатики. М., 2000.

анализа тенденции развития и структурных преобразований различных секторов экономики посвящено значительное количество исследований, в том числе работы И. А. Меньшагиной, В. С. Падеровой, Ф. Ф. Багауетдиновой [3], Н. В. Жахова [4], Г. И. Идзиева, С. О. Гордеева [5].

Исследования регионального экономического развития проводились и в работах многих зарубежных авторов. Так, Б. Качар, Я. Курич и С. Икич представили подробный анализ основ теории экономического развития, рассмотрели наиболее известные теории региональных исследований, а также выполнили анализ сельскохозяйственных структур [6].

П. Мусил сосредоточил свое исследование на сравнительной характеристике различных подходов к анализу уровней региональных цен. Официальный региональный анализ основан на национальных уровнях цен и не учитывает различия в ценах среди регионов в стране. Исследование проведено на примере Чешской Республики в сравнении различных подходов в анализе динамики цен [7].

В качестве одной из задач исследований по проблематике структурных экономических сдвигов ставится вопрос об эффективности происходящих изменений. Прежде чем на него ответить, необходимо пояснить, какую структуру экономики следует считать эффективной. Для отнесения структуры экономики к эффективной, по исследованиям О. Ю. Красильникова, должны выполняться следующие условия: рост объемов производства, производительности труда, фондоотдачи, снижение материалоемкости, а также соответствие производимой продукции потребностям общества. На практике это означает отказ от сырьевой специализации экономики в пользу ее диверсификации с преобладанием отраслей экономики знаний. Неэффективность сырьевой специализации заключается в относительной автономности ресурсного сектора и невысоком уровне межотраслевых взаимодействий [8]. Для диверсифицированной структуры экономики колебания отдельных видов деятельности менее заметны, следовательно, по исследованиям Н. Н. Михеевой, такая структура является более устойчивой. Поэтому, если рост объемов производства происходит за счет увеличения в структуре экономики доли устаревающих и традиционных секторов, структурный сдвиг нельзя оценивать как положительный и эффективный [9].

Многие исследования по анализу эффективности существующей экономической системы доказывают значительное влияние социально-экономического развития регионов на общий экономический рост государства. Так, Т. М. Одинцова проводит исследование возможности использования денежных сбережений населения в качестве инвестиционных ресурсов развития региональной экономики Украины на основе методов нелинейного корреляционно-регрессионного анализа [10]. На

основании данного подхода построен прогноз оптимальной величины и структуры доходов населения, позволяющий оптимизировать налоговую нагрузку, объемы сбережений, капиталовложений в целях повышения уровня экономического развития.

Исследования Р. Ионеску направлены на изучение региональной политики на основе индикаторов ВВП на душу населения, валовой добавленной стоимости и производительности труда. При этом проводился сравнительный региональный анализ в странах Европейского союза и еврозоны [11]. Выполненный прогноз экономических индикаторов показал наличие значительных региональных различий между странами Евросоюза. Результаты исследования нацелены на изменение существующей экономической тенденции в сторону сокращения имеющихся социально-экономических расхождений между государствами.

О. Нягу и С. Дима провели анализ связи между глобализацией и экономическим ростом в Румынии. Построенная эконометрическая модель подчеркивает влияние глобализации, выраженной индексом глобализации и его компонентами (экономическими, социальными и политическими), на темп экономического роста. Выявлена сильная положительная связь между динамикой ВВП на душу населения и полным индексом глобализации, а также между темпом роста ВВП и экономической и политической глобализацией, при этом социальный параметр глобализации оказывал негативное влияние на экономический рост в Румынии на протяжении 1990–2013 гг. [12].

В статье Е. Костюка предметом исследования являются современные тенденции глобального экономического развития и особенности инвестиционной региональной политики в странах с рыночной экономикой. Анализ показывает: несмотря на то, что глобальные потоки прямых иностранных инвестиций в последние годы увеличились, это не привело к соразмерному росту используемых производственных мощностей во всех странах [13].

А. Симион провел анализ восстановления объемов экспорта на региональном уровне в Румынии после мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. Особое внимание сосредоточено на исследовании динамики стабилизации экспорта на уровне регионов в 2017 г. по сравнению с 2008 г. В статье также проведен анализ доли первых 10 экспортных партнеров и динамики экспорта на душу населения на уровне округов [14].

Как отмечает Р. Цзинь с соавторами, выявление региональных экономических кластеров и их пространственно-временных характеристик необходимо для прогнозирования устойчивого экономического развития, городского планирования и надлежащего использования региональных ресурсов. Определение однородных экономических формирований выполнено на основе применения методов автокорреляционного анализа

и исследования сходимости рядов динамики. Далее авторами предложена пространственная модель междугородних взаимодействий, на основе панельных данных осуществлены сетевой и территориальный анализы, позволившие провести всестороннюю интерпретацию влияния региональных кластеров на общую экономическую динамику государства [15].

С появлением новых технологий и инноваций меняется и промышленность. Увеличиваются доля вторичного сектора ВВП, количество занятых и относительная доля других экономических ресурсов, привлекаемых во вторичный сектор. Таким образом, одной из ключевых задач современной экономической политики многих стран становится проведение «новой индустриализации», или реиндустриализации. Как указывают Н. М. Багров и В. А. Плотников, «для ее проведения важно не только верно сформулировать цели развития промышленного сектора, но и корректно спозиционировать экономику в системе мирохозяйственного индустриального развития, оценить ее потенциал и стартовые возможности для осуществления структурных трансформаций» [16, с. 171].

Обрабатывающая промышленность России имеет разветвленную структуру производства, характеризующуюся как сильной видовой, так и значительной региональной и межрегиональной дифференциацией. Процесс перехода к рыночной экономике очень сильно отразился на обрабатывающей промышленности России, так как она больше других подвержена изменениям, происходящим в экономике страны. Именно она приняла на себя основной удар конкуренции после открытия внешнего рынка, потому что ее продукция стала наименее конкурентоспособной по сравнению с импортными аналогами. Тяжелая финансовая ситуация, а также устаревшее оборудование послужили следствием того, что многие предприятия не смогли адаптироваться к новым рыночным условиям. Результатом всех преобразований экономики стал спад обрабатывающей промышленности.

В Центральном федеральном округе сосредоточены машиностроение, металлообработка, химическая, легкая, пищевая, полиграфическая, цементная промышленности. Развитию машиностроения способствовало крупное производство черных металлов, наличие научных центров и высококвалифицированных трудовых ресурсов³. Однако из-за кризиса сократилось производство важнейших видов машиностроительной продукции. Приволжский федеральный округ стоит на втором месте по объему отгруженной продукции обрабатывающих производств. Наибольшее значение в округе занимают машиностроение и металлообработка. Здесь находятся предприятия автомобилестроения (Самарская область

³ Дубынина Т. Г. Региональная структура развития обрабатывающей промышленности России [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21283760> (дата обращения: 02.03.2019).

занимает первое место в России по производству легковых автомобилей), тракторостроения (Республика Мордовия), судостроительные (Нижегородская область), станкостроительные (Кировская область стоит на первом месте по производству металлорежущих станков в России, на втором – Башкирия) и моторостроительные производства. Татарстан и Башкирия лидируют в стране по производству мясной и молочной продукции. Сельское хозяйство является важным фактором обеспечения продовольственной безопасности. Россия представлена регионами с различными природно-климатическими условиями развития отрасли, поэтому выявление проблем и ограничений должно осуществляться на основе дифференцированного подхода, учитывать социально-экономические и инфраструктурные особенности субъектов РФ [17; 18].

Проблемы развития транспорта и повышения экономической эффективности обусловлены тем, что возможности сложившейся транспортной системы используются еще не в полном объеме из-за большого количества нерациональных перевозок лесоматериалов, недостаточно обоснованного распределения объемов перевозок по видам транспорта. Все это вызывает увеличение транспортных расходов. Так, проводимые О. Н. Бурмистровой и Ю. Н. Пильник исследования были направлены на разработку подходов к построению комплексов взаимосвязанных моделей анализа развития и функционирования транспорта [19].

Анализ литературных источников показывает наличие достаточно разнообразных направлений исследований региональной экономики на уровне разных стран. Вместе с тем стоит отметить отсутствие работ, посвященных рассмотрению зависимости уровней развития регионов от степени экономической активности в разрезе различных видов экономической деятельности. Подобный подход является достаточно обоснованным, учитывающим обусловленность динамики развития регионов и страны в целом от степени функционирования различных структурных компонентов народнохозяйственного комплекса.

Материалы и методы. На основании социально-экономических показателей развития региона, предоставленных Территориальным органом Федеральной службы государственной статистики по Республике Марий Эл – Маристатом, методами регрессионного и факторного анализа построены зависимости объемов функционирования животноводческого сектора, строительной сферы и пассажирооборота, выполненного автомобильным транспортом.

В общем виде для количества объясняющих переменных модели n регрессионная зависимость имеет вид

$$\widehat{y}_x = a + \sum_{i=1}^n b_i x_i + \varepsilon,$$

где \widehat{y}_x – теоретическое значение моделируемого показателя, x_i – независимые переменные модели, b_i – коэффициенты регрессии, a – свободный член уравнения, e – ошибка модели.

При этом естественные коэффициенты модели b_i характеризуют среднее абсолютное воздействие факторных признаков на результативный признак при условии фиксированного влияния прочих признаков. Таким образом, оценивается чистое воздействие каждой объясняющей переменной на моделируемый показатель.

Учитывая факт включения в выборку переменных с различными единицами измерения, встает вопрос о сопоставимости естественных коэффициентов по силе их воздействия на результат. Данный момент находит разрешение при построении модели регрессии в стандартизованной форме:

$$t_y = \sum_{i=1}^n \beta_i t_{x_i},$$

где t_y – стандартизованная форма моделируемого показателя, t_{x_i} – стандартизованная форма регрессоров, β_i – стандартизованные коэффициенты модели.

Коэффициенты модели β_i характеризуют относительное воздействие факторных признаков на результирующий показатель и позволяют оценить силу воздействия каждого включенного в модель регрессора.

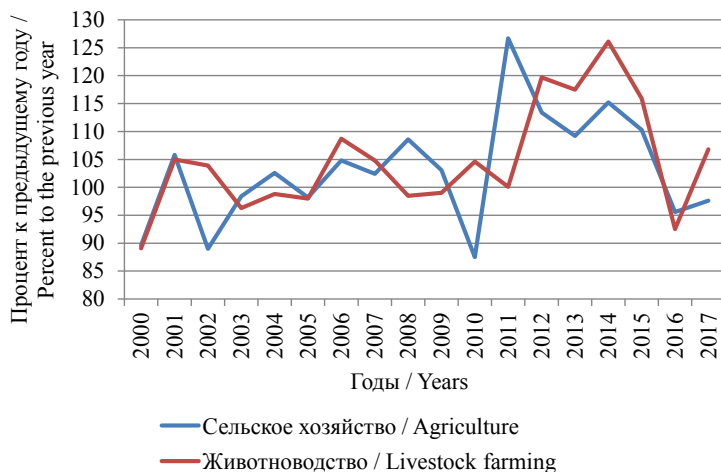
Поскольку на функционирование экономических видов деятельности оказывают влияние многие социально-экономические переменные, большинство из которых целесообразно учитывать при построении зависимостей, имеет смысл применить дедуктивный метод исследования, заключающийся в построении интегральных показателей, более точно описывающих функционирование анализируемых сфер экономики. Достаточно содержательные результаты при таком подходе дает метод факторного анализа, основанный на построении главных компонент и предполагающий, что вся дисперсия исходных признаков должна использоваться в анализе. По существу метод сводится к выбору новой ортогональной системы координат в пространстве наблюдений. При этом в качестве первой главной компоненты избирают направление, вдоль которого массив наблюдений имеет наибольший разброс, выбор каждой последующей главной компоненты происходит так, чтобы разброс наблюдений вдоль нее был максимальным и чтобы данная главная компонента была ортогональна другим главным компонентам, выбранным прежде. На практике для анализа используют первые главные компоненты, объясняющие большую часть общей дисперсии исходных признаков⁴.

⁴ Дуброва Т. А., Павлов Д. Э., Осипова Н. П. Факторный анализ с использованием ППП «STATISTICA».

Результаты исследования. Для Республики Марий Эл в целом при моделировании экономической активности наиболее показательными в содержательном плане оказались модели множественной регрессии в таких сферах, как животноводство, строительство и пассажирский транспорт, построенные на основе наблюдаемых социально-экономических показателей развития региона, что позволяет провести их исследование более детально.

По данным официальной статистики, опубликованным на сайте Маристата, индексы физического объема продукции сельского хозяйства в хозяйствах всех категорий в 2017 г. составили 97,6 % от уровня 2016 г., в том числе в сфере животноводства – 106,8 % к 2016 г. (рис. 1).

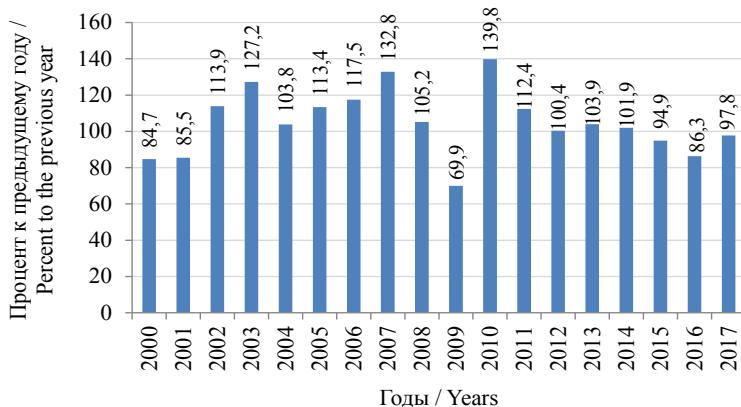
Р и с. 1. Динамика индексов физического объема продукции сельского хозяйства в хозяйствах всех категорий, 2000–2017 гг.

Fig. 1. Dynamics of indices of physical volume of agricultural production in farms of all categories, 2000–2017

Объем сельскохозяйственной продукции в фактических ценах в хозяйствах всех товаропроизводителей (сельскохозяйственные организации, крестьянские (фермерские) хозяйства и индивидуальные предприниматели, хозяйства населения) в 2017 г. в сопоставимой оценке к 2016 г. по расчетам составил 97,6 %. Произведено (реализовано на убой) скота и птицы в убойном весе 111,9 %, молока – 100,3, яиц – 101,3 % по отношению к соответствующим уровням 2016 г.

Объем работ, выполненных по виду деятельности «Строительство», в постоянных ценах в 2017 г. составил 97,8 % к уровню 2016 г. (рис. 2).

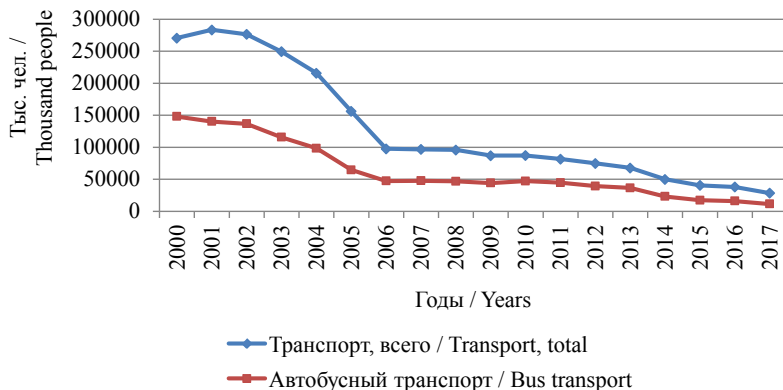
Р и с. 2. Динамика объема работ, выполненных по виду деятельности «Строительство», 2000–2017 гг.

F i g. 2. Dynamics of the volume of work performed within the 'Construction' type of activities, 2000–2017

Застройщиками Республики Марий Эл, включая население, в 2017 г. построено 7 502 квартиры общей площадью 470,3 тыс. м², что составило 102,5 % к уровню 2016 г. В сфере строительства объектов социально-культурного назначения за 2017 г. введено в действие общеобразовательных организаций на 151 учебное место, амбулаторно-поликлинических организаций – на 30 посещений в смену.

При анализе динамики перевозки пассажиров транспортом общего пользования за период с 2000 по 2017 г. прослеживается отчетливая тенденция к ее сокращению, обусловленная в первую очередь ростом обеспеченности населения региона собственными легковыми автомобилями (рис. 3).

Так, из рисунка 3 видно, что уровень пассажирских перевозок всеми видами общественного транспорта в 2017 г. продолжал сокращаться и составил 74,8 % от уровня 2016 г. Аналогичная тенденция наблюдается в объемах пассажироперевозок автобусным транспортом, при этом уровень показателя за 2017 г. составил 70,4 % по сравнению с предыдущим годом.

Р и с. 3. Динамика перевозки пассажиров по видам транспорта общего пользования, 2000–2017 гг.

F i g. 3. Dynamics of passenger transportation by types of public transport, 2000–2017

Проанализировать сущность происходящих процессов, выявить конкретные социально-экономические показатели, определяющие их течение и направление динамики, получить формализованные модели для дальнейшего прогнозирования развития анализируемых секторов экономики возможно при построении регрессионных уравнений функционирования данных видов экономической деятельности [20; 21].

При моделировании животноводческой сферы Республики Марий Эл в качестве результативного признака выступает зависимая переменная y – поголовье скота (голов).

В качестве набора независимых факторов, оказывающих существенное влияние на моделируемый показатель, выступают следующие переменные:

- x_1 – валовой сбор кормовых корнеплодов и сахарной свеклы на корм скоту, ц;

- x_2 – наличие всех кормов, ц кормовых единиц;

- x_3 – приплод телят, голов;

- x_4 – приплод поросят, голов.

В результате проверки матрицы парных коэффициентов корреляции на наличие эффекта мультиколлинеарности и использования пошагового метода построения зависимости с включением переменных получена линейная множественная регрессионная модель, отражающая влияние наиболее значимых факторов на поголовье скота. В естественном виде уравнение регрессии имеет следующий вид:

$$\hat{y}_x = 28626,86 + 5,63x_3 + 0,65x_4$$

t -критерий (8,598) (2,751)
 $(R^2 = 0,98; F(2,7) = 181,72)$.

Естественные коэффициенты модели показывают более существенное влияние на результирующее поголовье регионального общего стада приплода телят: при увеличении приплода телят на 100 голов итоговое поголовье стада увеличится в среднем на 563 головы. В то же время влияние приплода поросят на величину стада проявляется в меньшей степени: при увеличении молодняка поросят на 100 голов результирующее поголовье стада увеличится в среднем на 65 голов. Полученные выводы подтверждают сложившуюся тенденцию в сфере животноводства региона: уклон на развитие молочного скотоводства по сравнению с мясным направлением. По продуктивности молочного стада Республика Марий Эл входит в десятку лучших регионов России.

Коэффициент детерминации модели R^2 показывает, что 98 % вариации поголовья регионального общего стада (y) объясняется вариацией приплода телят (x_3) и приплода поросят (x_4), оставшиеся 2 % обусловлены действием неучтенных в модели и случайных факторов. Высокое значение коэффициента детерминации свидетельствует, что модель достаточно адекватно отражает исследуемый процесс.

В стандартизованном виде уравнение регрессии, отражающее влияние наиболее значимых факторов на результирующее поголовье скота, выглядит следующим образом:

$$t_y = 0,776787t_{x_3} + 0,248566t_{x_4}.$$

Уравнение показывает, что большее влияние на изменение итогового поголовья стада (в среднем на 0,78 %) оказывает прирост приплода телят на 1 %, меньшее влияние на увеличение голов стада (в среднем на 0,25 %) – увеличение приплода поросят на 1 %. Показатели сбора кормовых корнеплодов и наличия кормов существенно не влияют на изменения результирующего поголовья скота в стаде.

Таким образом, учитывая направленность сельского хозяйства Республики Марий Эл на развитие молочного скотоводства, на основе построенной модели поголовья скота в регионе в перспективе проведения исследования можно предложить прогноз дальнейшего увеличения продукции животноводства за счет увеличения в общем региональном стаде доли голов крупного рогатого скота.

В регрессионном анализе по виду экономической деятельности «Строительство» по Республике Марий Эл в качестве результирующего признака (y) выступает показатель «объем подрядных работ» – сумма объема

строительно-монтажных работ, выполняемых в течение планового года на всех объектах, включенных в производственную программу, млн руб.

Набор независимых, объясняющих факторов, определяющих вариацию объема работ, выполненных в сфере строительства региона, включает следующие переменные:

x_1 – ввод в действие жилых домов, тыс. м²;

x_2 – ввод в действие индивидуальных жилых домов, тыс. м²;

x_3 – ввод в действие объектов культурно-социального назначения, мест;

x_4 – ввод в действие объектов коммунального хозяйства, км;

x_5 – число построенных квартир, ед.;

x_6 – строительно-монтажные работы, млн руб.;

x_7 – кредиторская задолженность подрядных организаций, млн руб.;

x_8 – дебиторская задолженность подрядных организаций, млн руб.;

x_9 – инвестиции в основной капитал, млн руб.

Реализация пошагового алгоритма регрессионного анализа позволила получить модель объема подрядных работ региона. В естественном виде уравнение имеет следующий вид:

$$\widehat{y}_x = -2838,17 + 1,91x_5 + 0,000664x_6$$

t -критерий (30,371) (26,123)

($R^2 = 0,996$; $F(2,7) = 980,65$).

Показатели качества модели свидетельствуют о высокой надежности построенной зависимости: 99,6 % вариации объема подрядных работ (y) объясняется вариацией числа построенных квартир (x_5) и объемов строительно-монтажных работ (x_6).

Коэффициент регрессии при переменной x_5 показывает, что при строительстве одной квартиры объем подрядных работ в среднем увеличивается на 1,91 млн руб. Аналогично коэффициент при показателе x_6 свидетельствует о том, что при росте объемов строительно-монтажных работ на 1 млн руб. объем подрядных работ в среднем увеличивается на 664 руб., так как строительно-монтажные работы включают в себя более широкий круг работ, нежели подрядные.

В стандартизованном масштабе уравнение регрессии, отражающее влияние наиболее значимых факторов на объем подрядных работ, выглядит следующим образом:

$$t_y = 0,696348t_{x_5} + 0,598948t_{x_6}.$$

В большей степени на изменение объемов подрядных работ в Республике Марий Эл (в среднем на 0,7 %) влияет рост количества построенных квартир, в меньшей степени (в среднем на 0,6 %) – изменение объемов строительно-монтажных работ. Это подтверждает сложившуюся ситуацию в строительном секторе региона, определяемую в большей степени

развитием жилищного строительства по отношению к возведению объектов промышленно-гражданского и социально-культурного назначения.

Предложенная модель позволяет получить прогнозные оценки потенциального расширения масштабов строительства в регионе при стабилизации сложившейся тенденции роста объемов ввода в действие объектов жилищного назначения.

Исследование объемов транспортных пассажироперевозок в Республике Марий Эл целесообразно проводить с включением в анализ в качестве объясняющей переменной количества легковых автомобилей, находящихся в собственности граждан. Вопрос является достаточно актуальным вследствие сложившейся устойчивой тенденции к увеличению независимости населения от перевозок общественным транспортом, и, как следствие, возрастающей загруженности трасс федерального и регионального назначения [22].

Для моделирования транспортного сектора региональной экономики проанализируем зависимость пассажирооборота, выполненного автомобильным транспортом (y), в млн пассажиро-километрах, от совокупности следующих показателей:

x_1 – наличие автобусов, ед.;

x_2 – наличие легковых автомобилей в собственности граждан, ед.;

x_3 – перевезено пассажиров автомобильным транспортом, тыс. пассажиров;

x_4 – число дорожно-транспортных происшествий.

В естественном виде уравнение регрессии принимает вид:

$$\hat{y}_x = -1281,34 + 0,02x_2 + 0,01x_3$$

$$t\text{-критерий } (12,177) (41,628)$$

$$(R^2 = 0,999; F(2,7) = 2493,5).$$

Коэффициент детерминации модели показывает, что 99,9 % вариации пассажирооборота, выполненного автомобильным транспортом, объясняется вариацией наличия легковых автомобилей в собственности граждан (x_2) и количества перевезенных автомобильным транспортом пассажиров (x_3). На долю неучтенных и случайных факторов приходится только 0,1 % дисперсии результата, что доказывает высокую адекватность модели.

По значениям естественных коэффициентов видно, что при увеличении наличия легковых автомобилей в собственности граждан на единицу пассажирооборот, выполненный автомобильным транспортом, в среднем увеличится на 20 тыс. пассажиро-километров. Аналогично при росте числа перевезенных пассажиров автомобильным транспортом на 1 тыс. чел. пассажирооборот, выполненный автомобильным транспортом, в среднем увеличится на 10 тыс. пассажиро-километров. Полученные значения коэффициентов модели отражают реальную ситуацию в регионе,

определяемую тенденцией роста обеспеченности населения легковыми автомобилями и повышением независимости граждан от средств общественного транспорта при территориальных перемещениях.

В стандартизованном виде уравнение регрессии пассажирооборота, выполненного автомобильным транспортом, имеет следующий вид:

$$t_y = 0,390419t_{x_2} + 1,334669t_{x_3}.$$

Стандартизованные коэффициенты показывают, что большее влияние на изменение объемов пассажирооборота, выполненного автомобильным транспортом (в среднем на 1,33 %), оказывает изменение количества перевезенных пассажиров автомобильным транспортом, в меньшей степени (в среднем на 0,39 %) – изменение наличия легковых автомобилей в собственности граждан. Остальные проанализированные показатели не оказывают существенного влияния на изменение результата.

Построенная модель подтверждает существенное влияние фактора обеспеченности населения легковыми автомобилями на объемы пассажироперевозок Республики Марий Эл и может быть использована при составлении программ расширения и увеличения количества дорог общественного назначения при планировании бюджета региона.

Факторный анализ более отчетливо представляет элементы многомерного анализа в исследовании зависимостей. Доминирующими задачами факторного анализа являются: сокращение размерности анализируемого признакового пространства (редукция данных) и выявление структуры взаимосвязей между показателями. Одним из методов сокращения количества анализируемых факторных признаков является метод главных компонент, основанный на преобразовании исходных переменных к главным компонентам, которые являются статистически независимыми.

С целью сокращения признакового пространства по анализируемым видам сельскохозяйственной и строительной деятельности Республики Марий Эл проведен факторный анализ с применением метода главных компонент [23; 24].

Для анализа сферы сельского хозяйства региона использованы следующие показатели:

y – продукция сельского хозяйства, ед.;

x_1 – поголовье скота, голов;

x_2 – валовой сбор кормовых корнеплодов и сахарной свеклы на корм скоту, ц;

x_3 – наличие всех кормов, ц;

x_4 – приплод телят, голов;

x_5 – приплод поросят, голов;

x_6 – валовой сбор сельскохозяйственных культур, ц;

x_7 – материально-техническая база (приходится тракторов на 1000 га пашни), шт.;

x_8 – посевная площадь сельскохозяйственных культур, га.

Методика поворота осей в системе координат методом Варимакса позволила выделить из анализируемой совокупности переменных два интегральных фактора, глобально характеризующих сферу сельского хозяйства Республики Марий Эл (табл. 1).

Т а б л и ц а 1. Матрица факторных нагрузок при повороте осей в системе координат методом Варимакс

Table 1. Matrix of factor loads when the axes are rotated in the coordinate system using the varimax rotation method

Переменные / Variables	Фактор 1 / Factor 1	Фактор 2 / Factor 2
x_1	0,974538	0,014889
x_2	0,888396	-0,24598
x_3	0,583476	0,533044
x_4	0,968400	-0,06332
x_5	0,810402	-0,01647
x_6	0,039128	0,989779
x_7	0,981857	0,007751
x_8	-0,34043	0,820212
Собственное значение фактора / Factor eigenvalue	4,769959	1,987086
Полная дисперсия / Total variance	0,596245	0,248386

Полужирным шрифтом в матрице отмечены коэффициенты, определяющие наиболее важные значения факторных нагрузок, большие по абсолютной величине, чем 0,7. Согласно выделенным существенным переменным фактор 1 можно назвать фактором продукции животноводства. Таким образом, первая главная компонента наиболее тесно коррелирует с показателями: x_1 – поголовье скота, x_2 – валовой сбор кормовых корнеплодов и сахарной свеклы на корм скоту, x_4 – приплод телят, x_5 – приплод поросят, x_7 – материально-техническая база.

Фактор 2 соответственно можно назвать фактором продукции растениеводства, при этом вторая главная компонента наиболее тесно коррелирует с показателями: x_6 – валовой сбор сельскохозяйственных культур, x_8 – посевная площадь сельскохозяйственных культур.

Согласно критерию Кайзера, проведение дальнейшего анализа на базе выделенных главных компонент является методически обоснованным, поскольку их собственные значения превышают единицу. Также в совокупности данные факторы характеризуют более 70 % исходного признакового пространства (табл. 2).

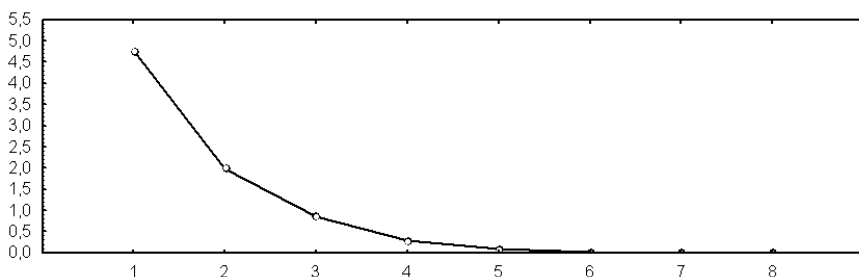

Т а б л и ц а 2. Характеристики главных компонент

Table 2. Characteristics of the main components

Номер фактора / Number of the factor	Собственные значения / Eigenvalues	Процент полной дисперсии / Percent of total variance	Накопленные значения / Cumulative values	Процент накопленной дисперсии / Percent of cumulative variance
1	4,770	59,624	4,770	59,624
2	1,987	24,839	6,757	84,463

Обоснованность использования в дальнейшем анализе двух первых главных компонент подтверждается также на графике «каменистой осыпи», демонстрирующем крутой спуск от собственного значения первого фактора до второй компоненты, после чего наблюдается полное сокращение приростов собственных значений факторов (рис. 4).

Р и с. 4. График «каменистой осыпи»

F i g. 4. Scree plot

Коэффициент информативности для первого фактора составляет

$$K_1 = \frac{a_{11}^2 + a_{21}^2 + a_{41}^2 + a_{51}^2 + a_{71}^2}{\sum a_{ij}^2} \cdot 100 \% = 90,37 \%$$

Аналогичным образом коэффициент информативности второй главной компоненты имеет величину 82,55 %. Оба рассчитанных значения превышают пороговый уровень в 50 %, что свидетельствует об их достаточно высокой значимости, следовательно, факторы сформированы корректно.

Таким образом, вместо исходной выборки из восьми анализируемых признаков, характеризующих сельскохозяйственную сферу деятельности

Республики Марий Эл, выделены две главные компоненты или два интегральных показателя – фактор продукции животноводства (f_1) и фактор продукции растениеводства (f_2).

Для определения влияния сформированных показателей на объемы продукции сельского хозяйства региона построим регрессионную модель [25; 26]. В естественном виде уравнение регрессии имеет следующий вид:

$$\widehat{y}_f = 503291,7 + 101279,2f_1$$

t -критерий (8,74)
($R^2 = 0,995$; $F(1,8) = 76,39$).

Высокая значимость модели подтверждается значением коэффициента детерминации – 90,5 %, который определяет влияние фактора продукции животноводства (f_1) на объемы выпуска сельского хозяйства региона. Оставшиеся 9,5 % вариации результата зависят от воздействия неучтенных в модели и случайных факторов.

В стандартизованном масштабе уравнение регрессии имеет вид

$$t_y = 0,951422t_{f_1}.$$

Из уравнения следует, что вариация объемов выпуска продукции сельского хозяйства Республики Марий Эл на 0,95 % определяется вариацией фактора продукции животноводства (f_1) при его изменении на 1 %. Фактор продукции растениеводства (f_2) не оказывает существенного влияния на изменение продукции сельского хозяйства региона. Полученная зависимость отражает сложившуюся ситуацию в сельскохозяйственном секторе республики, обусловленную в большей степени животноводческой направленностью сельского хозяйства региона, а также тем, что в последнее время в регионе активно развивается животноводство в хозяйствах различных типов, в том числе и в индивидуальных хозяйствах населения. Многие банки осуществляют выдачу кредитов на ведение фермерского хозяйства, которые пользуются спросом у населения [27; 28].

Для выполнения факторного анализа строительного вида деятельности Республики Марий Эл отобраны следующие показатели:

- y – объем подрядных работ, млн руб.;
- x_1 – ввод в действие жилых домов, тыс. м²;
- x_2 – ввод в действие индивидуальных жилых домов, тыс. м²;
- x_3 – ввод в действие объектов социально-культурного назначения, мест;
- x_4 – ввод в действие объектов коммунального хозяйства, км;
- x_5 – число построенных квартир, ед.;
- x_6 – строительно-монтажные работы, млн руб.;
- x_7 – кредиторская задолженность организаций, млн руб.;
- x_8 – дебиторская задолженность организаций, млн руб.;
- x_9 – инвестиции в основной капитал, млн руб.

Методика поворота осей в системе координат методом Варимакса позволила выделить из анализируемой совокупности переменных три интегральных фактора, глобально характеризующих сферу строительства Республики Марий Эл (табл. 3).

Таблица 3. Матрица факторных нагрузок при повороте осей в системе координат методом Варимакс

Table 3. Matrix of factor loads when the axes are rotated in the coordinate system using the varimax rotation method

Переменные / Variables	Фактор 1 / Factor 1	Фактор 2 / Factor 2	Фактор 3 / Factor 3
x_1	0,593429	-0,06231	0,793720
x_2	0,588286	-0,11037	0,791646
x_3	0,563142	0,785681	0,687512
x_4	0,547926	0,397902	0,636105
x_5	0,958381	-0,06782	0,221693
x_6	-0,03071	0,134155	0,984107
x_7	0,002949	0,858273	0,000242
x_8	0,97380	0,030711	0,164397
x_9	0,665783	0,019774	0,73977
Собственное значение фак- тора / Factor eigenvalue	5,419044	1,653549	1,082782
Полная дис- персия / Total variance	0,602116	0,183728	0,120309

По результатам, представленным в таблице 3, первый фактор наиболее тесно коррелирует с показателями: x_3 – число построенных квартир, x_8 – дебиторская задолженность организаций. Таким образом, первую главную компоненту можно назвать фактором ввода квартир.

Второй фактор наиболее тесно коррелирует с показателями: x_3 – ввод в действие объектов культурно-социального назначения, x_7 – кредиторская задолженность организаций. Следовательно, вторую главную компоненту можно назвать фактором строительства объектов социально-культурного назначения.

Третий фактор, который можно назвать фактором ввода жилой площади, наиболее тесно коррелирует с показателями: x_1 – ввод в действие жилых домов, x_2 – ввод в действие индивидуальных жилых домов, x_6 – строительно-монтажные работы, x_9 – инвестиции в основной капитал.

Сформированные главные компоненты объясняют более 70 % исходного признакового пространства и имеют собственные значения, превышающие единицу, что доказывает обоснованность их использования для дальнейшего анализа (табл. 4).

Т а б л и ц а 4. **Характеристики главных компонент**T a b l e 4. **Characteristics of the main components**

Номер фактора / Number of the factor	Собственные значения / Eigenvalues	Процент полной дисперсии / Percent of total variance	Накопленные значения / Cumulative values	Процент накопленной дисперсии / Percent of cumulative variance
1	5,419	60,212	5,419	60,212
2	1,654	18,373	7,073	78,584
3	1,083	12,031	8,155	90,615

Коэффициент информативности для первого фактора составляет

$$K_1 = \frac{a_{s1}^2 + a_{81}^2}{\sum a_{ij}^2} \cdot 100 \% = 56,32 \% .$$

Для второй и третьей главных компонент получаем значения коэффициентов информативности на уровнях 87,43 % и 55,30 % соответственно. Значения показателей превышают пороговый уровень в 50 %, что подтверждает их статистическую значимость, следовательно, факторы сформированы корректно.

Таким образом, вместо 9 исходных признаков, характеризующих строительную активность Республики Марий Эл, были выделены три главных компоненты или три интегральных показателя – фактор ввода квартир (f_1), фактор строительства объектов социально-культурного назначения (f_2) и фактор ввода жилой площади (f_3).

Для определения влияния полученных интегральных показателей на объем подрядных работ республики (y) был проведен регрессионный анализ.

В результате получена линейная множественная регрессионная модель. В естественном виде уравнение регрессии имеет следующий вид:

$$\widehat{y}_f = 3371,29 + 1833,56f_1 + 2110,16f_3$$

$$t\text{- критерий } (17,035) (19,604)$$

$$(R^2 = 0,995; F(2,7) = 337,27).$$

Коэффициент детерминации модели показывает, что 99 % вариации объема подрядных работ в Республике Марий Эл объясняется вариацией фактора ввода квартир (f_1) и фактора ввода жилой площади (f_3); оставшийся

1 % вариации результата определяется воздействием неучтенных в модели и случайных факторов. Результаты, полученные по модели, подтверждают выводы, сформулированные при моделировании строительного вида деятельности региона на основе исходных показателей: возведение в большей степени жилых домов по сравнению с объектами промышленно-гражданского и социально-культурного назначения.

В стандартизованном масштабе уравнение регрессии представлено следующим образом:

$$t_y = 0,652524t_{f_1} + 0,750961t_{f_2}.$$

Следовательно, в большей степени на вариацию объема подрядных работ в Республике Марий Эл (в среднем на 0,75 %) оказывает влияние фактор ввода жилой площади (f_3), в меньшей степени (в среднем на 0,65 %) – фактор ввода квартир (f_1). Фактор строительства объектов социально-культурного назначения (f_2) не оказывает существенного влияния на изменение стоимости подрядных работ в регионе, что может быть обусловлено более высокой фактической стоимостью для застройщика жилищного строительства по сравнению с объектами социально-культурного назначения. Сформулированные выводы подтверждают полученные результаты на основе моделей, построенных по исходным показателям, доказывая их статистическую устойчивость.

Обсуждение и заключение. Исследование экономической активности региона по видам экономической деятельности показало, что в 2017 г. отмечается рост индексов физического объема продукции сельского хозяйства, в том числе в сфере животноводства, по сравнению с 2016 г. В то же время для достижения пиковых значений 2011 и 2014 гг. данную тенденцию необходимо продолжать [29]. В целом функционирование сельскохозяйственного сектора Республики Марий Эл характеризуется цикличностью со средним периодом колебаний в 2 года, обусловленным тесной зависимостью продуктивности данного вида деятельности от климатических характеристик в отчетном году. При анализе на долгосрочную перспективу наблюдается возрастающая тенденция продуктивности сельского хозяйства республики, в том числе сферы животноводства.

Строительный сектор региона определяется стабильностью в своем развитии, показывая устойчивое функционирование с 2000 по 2017 г., характеризующееся отсутствием явной возрастающей или убывающей тенденции. Анализ транспортного вида деятельности выявил отчетливую тенденцию к сокращению пассажироперевозок транспортом общественного пользования, определяемую возрастающим объемом приобретения легковых автомобилей в собственность населения.

В результате моделирования экономической активности Республики Марий Эл по видам животноводческой, строительной и транспортной деятельности определены факторы, изменение которых оказывает непосредственное

влияние на функционирование данного сектора экономики. Так, результирующее поголовье стада зависит в большей степени от изменений в приплоде телят, подтверждая молочную направленность в ведении скотоводства в регионе. На объемы подрядных работ наибольшее влияние оказывает количество построенных квартир, закрепляя значительную долю строительного рынка региона за жилищным строительством. Пассажиروоборот региона зависит в большей степени от количества перевезенных пассажиров автомобильным транспортом, а также от наличия транспортных средств в собственности граждан, что подтверждает тенденцию к увеличению независимости населения от общественного транспорта при территориальных перемещениях.

В результате моделирования интегральных показателей секторов экономики Республики Марий Эл, таких как сельское хозяйство и строительство, определены совокупные факторы, характеризующие экономическую активность региона в анализируемых сферах. Полученные результаты подтверждают сложившуюся ситуацию в экономике региона: ориентацию сельскохозяйственной деятельности в большей степени на ведение животноводства по сравнению с растениеводством и направленность строительной деятельности республики в значительной степени на возведение зданий жилого назначения.

Результаты проведенного исследования могут быть полезны в практической деятельности служб экономического развития Республики Марий Эл для разработки прогнозов стабилизации и роста экономической активности в развитии региона.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Innovative Entrepreneurship: A Source of Economic Growth in the Region / E. L. Andreeva [et al.] // Экономика региона. 2016. Т. 12, вып. 3. С. 899–910. DOI: <https://doi.org/10.17059/2016-3-24>
2. Попов А. А., Калмыкова Т. Н. Факторный анализ экономики региона (на примере Ямало-Ненецкого автономного округа) // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 2. С. 414. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=12428> (дата обращения: 01.03.2019).
3. Меньшагина И. А., Падерова В. С., Багауетдинова Ф. Ф. Теоретические подходы к определению региональной хозяйственной системы // Вектор экономики. 2018. № 10 (28). С. 38. URL: <http://www.vectoreconomy.ru/index.php/number10-2018/region-economics-10-2018> (дата обращения: 02.03.2019).
4. Жахов Н. В. Основное содержание структурно-экономических преобразований региональной экономики // Региональные проблемы преобразования экономики. 2017. № 11 (85). С. 51–58. URL: http://www.rppe.ru/?page_id=40 (дата обращения: 02.03.2019).
5. Идзиев Г. И., Гордеев С. О. Анализ соотношения сельского хозяйства и промышленности в структуре экономики региона // Региональные проблемы

преобразования экономики. 2017. № 2 (76). С. 28–36. URL: http://www.rppe.ru/?page_id=40 (дата обращения: 03.03.2019).

6. Kacar B., Curic Ja., Ikc S. Lokalni ekonomski razvoj u teorijama regionalne ekonomije i ruralnih studija // *Ekonomika Poljoprivrede*. 2016. Vol. 63, № 1. S. 231–246. DOI <https://doi.org/10.5937/ekoPolj1601231K>

7. Musil P. Regional Price Levels in the Czech Republic // *Statistika: Statistics and Economy Journal*. 2017. Vol. 97, issue 2. Pp. 110–113. URL: <https://www.doaj.org/article/04a894143b0c4abb94f6ef68374819e6> (дата обращения: 13.03.2019).

8. Красильников О. Ю. Взаимосвязь структурных сдвигов и экономического развития России // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Экономика. Управление. Право*. 2017. Т. 17, № 2. С. 127–133. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2017-17-2-127-133>

9. Михеева Н. Н. Ресурсный сектор российской экономики: масштабы и межотраслевые взаимодействия // *Проблемы прогнозирования*. 2006. № 2. С. 38–54. URL: <https://ecfor.ru/publication/resursnyj-sektor-rossijskoj-ekonomiki/> (дата обращения: 01.03.2019).

10. Одинцова Т. М. Прогнозування оптимальних факторів формування заощаджень населення як основи інвестиційних ресурсів економіки регіонів // *Бізнес Інформ*. 2017. № 4. С. 95–102. URL: http://www.business-inform.net/annotated-catalogue/?year=2017&abstract=2017_04_0&lang=ru&stqa=13 (дата обращения: 13.03.2019).

11. Ionescu R-V. The Impact of the Regional Policy on the European Economy // *EuroEconomica*. 2016. Vol. 35, no. 1. Pp. 26–35. URL: <http://journals.univ-danubius.ro/index.php/euroeconomica/article/view/3257/3365> (дата обращения: 13.03.2019).

12. Neagu O., Dima S. Impact of Globalisation on Economic Growth in Romania: An Empirical Analysis of Its Economic, Social and Political Dimensions // *Studia Universitatis Vasile Goldis Arad, Seria Stiinte Economice*. 2017. Vol. 27, issue 1. Pp. 29–40. DOI: <https://doi.org/10.1515/sues-2017-0003>

13. Костюк Е. П. Современные тенденции мирового экономического развития и особенности процессов регионализации инвестиционной политики в странах с рыночной экономикой // *Економічний вісник університету*. 2017. № 32/1. С. 156–168. URL: <https://economic-bulletin.com/index.php/journal/article/view/310> (дата обращения: 13.03.2019).

14. Simion A. Ten Years After the Global Crises – Exports Recovery at Regional Level in Romania // *Challenges of the Knowledge Society*. 2018. Vol. 12. Pp. 922–930. URL: <https://www.doaj.org/article/00f3b199dfdd4b6f9b1605e13640d9f0> (дата обращения: 11.03.2019).

15. A Framework for Spatiotemporal Analysis of Regional Economic Agglomeration Patterns / R. Jin [et al.] // *Sustainability*. 2018. Vol. 10, issue 8. DOI: <https://doi.org/10.3390/su10082800>

16. Багров Н. М., Плотников В. А. Состояние и развитие российской промышленности // *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. 2016. № 6 (102). С. 170–177. URL: <https://unecon.ru/izdaniya/zhurnal-izvestiya/arhiv-nomerov> (дата обращения: 01.03.2019).

17. Оборин М. С. Структурные проблемы сельскохозяйственного производства и направления их решения // Вестник Забайкальского государственного университета. 2018. Т. 24, № 4. С. 24–32. DOI: <https://doi.org/10.21209/2227-9245-2018-24-4-24-32>

18. Игнашева Т. А. Исследование развития сферы животноводства Республики Марий Эл // Вестник Поволжского государственного технологического университета. Сер.: Экономика и управление. 2017. № 3 (35). С. 26–39. DOI: 10.15350/2306-2800.2017.3.26

19. Бурмистрова О. Н., Пильник Ю. Н. Математическая модель использования максимальной грузоподъемности транспортных средств // Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика. 2016. Т. 4, № 5-3 (25-3). С. 206–211. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27309826> (дата обращения: 02.03.2019).

20. Скульчес Д. В., Лещев М. А., Лещева М. Г. Анализ состояния и тенденций развития аграрной сферы экономики на уровне мезо-региона // Научные труды Кубанского государственного технологического университета. 2015. № 14. С. 184–189. URL: <https://ntk.kubstu.ru/tocs/21> (дата обращения: 03.03.2019).

21. Сергиенко О. А., Гулая А. С. Оцінювання ефективності кредитування АПК за регіонами як визначального сектора міжнародної торгівлі // Проблеми економіки. 2018. № 2 (36). С. 426–439. URL: <https://www.doaj.org/article/0c-7fa410f77c4b32a3d3a007134664be> (дата обращения: 13.03.2019).

22. Алексеева О. А. Развитие транспортного сектора экономики региона: структурно-динамический анализ // Вестник Института дружбы народов Кавказа. Теория экономики и управления народным хозяйством. 2012. № 4 (24). С. 158–164. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18863490> (дата обращения: 03.03.2019).

23. Вахилевич Н. В. Исследование необходимых предпосылок региональной активности экономической среды // Инженерный вестник Дона. 2011. № 3 (17). С. 279–284. URL: <http://www.ivdon.ru/ru/magazine/archive/n3y2011/490> (дата обращения: 03.03.2019).

24. Боярская О. В. Анализ потенциала пространственного развития экономики региона // Друковский вестник. 2015. № 2 (6). С. 30–38. URL: <http://drucker.npi-tu.ru/ru/archive/2015/vyipusk-2/o.v.-boyarskaya> (дата обращения: 03.03.2019).

25. Коростышевская Е. М., Плотников В. А. Теоретические аспекты формирования целей в российской региональной политике // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер.: Экономика. Социология. Менеджмент. 2014. № 1. С. 62–71. URL: https://swsu.ru/izvestiya/serieconom/serieconom_issue_archive.php (дата обращения: 03.03.2019).

26. Щербик Е. Е. Структурно-экономические сдвиги региональной экономической системы: миф или реальность? // Вестник Омского университета. Сер.: Экономика. 2014. № 2. С. 153–159. URL: http://journal.omeco.ru/ru/archive/n_2014_02.html (дата обращения: 03.03.2019).

27. Михайлов А. В., Лапаев Д. Н. Оценка и анализ уровня развития экономики региона // Актуальные проблемы экономической теории и региональной экономики. 2013. № 1 (9). С. 74–81. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23441575> (дата обращения: 03.03.2019).

28. Султанов Г. С. Анализ основных индикаторов оценки стратегического развития экономики региона // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 3: Общественные науки. 2016. Т. 31, № 3. С. 59–64. DOI: <https://doi.org/10.21779/2500-1930-2016-31-3-59-64>

29. Сафуанов Р. М., Байрушина Ф. Ф. Теоретические аспекты стратегического регионального анализа // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Сер.: Экономика. 2016. № 2 (16). С. 14–19. URL: <http://www.ugues.ru/page/vse-nomera-1> (дата обращения: 03.03.2019).

Поступила 09.04.2019; принята к публикации 22.05.2019; опубликована онлайн 30.09.2019.

Об авторе:

Игнашева Татьяна Андреевна, доцент кафедры информационных систем в экономике ФГБОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет» (424000, Россия, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 3), доцент кафедры прикладной статистики и информатики ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет» (424000, Россия, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1), кандидат экономических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9667-5058>, Researcher ID: F-2935-2014, Scopus ID: 56712944500, samofeeva@mail.ru

Для цитирования:

Игнашева Т. А. Моделирование региональной активности по видам экономической деятельности // Регионология. 2019. Т. 27, № 3. С. 461–488. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.107.027.201903.461-488>

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Andreeva E.L., Simon H., Karkh D.A., Glukhikh P.L. Innovative Entrepreneurship: A Source of Economic Growth in the Region. *Ehkonomika regiona* = Economy of Region. 2016; 12(3):899-910. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.17059/2016-3-24>

2. Popov A.A., Kalmykova T.N. Factor Analysis of the Economy of the Region (on the Example of the Yamal-Nenets Region). *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* = Modern Problems of Science and Education. 2014; (2):414. Available at: <https://science-education.ru/article/view?id=12428> (accessed 01.03.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

3. Menshagina I.A., Paderova V.S., Bagauetdinova F.F. Theoretical Approaches to the Determination of the Regional Economic System. *Vektor ehkonomiki* = Vector of Economy. 2018; (10):38. Available at: <http://www.vectoreconomy.ru/index.php/number10-2018/region-economics-10-2018> (accessed 02.03.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

4. Zhakhov N.V. The Main Substance of Structural-Economic Transformations of the Regional Economics. *Regionalnye problemy preobrazovaniya ehkonomiki* =

Regional Problems of Transforming the Economy. 2017; (11):51-58. Available at: http://www.rppe.ru/?page_id=40 (accessed 02.03.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

5. Idziev G.I., Gordeev S.O. Analysis of the Correlation of Agriculture and Industry in the Structure of the Economy of the Region. *Regionalnye problemy preobrazovaniya ehkonomiki* = Regional Problems of Transforming the Economy. 2017; (2):28-36. Available at: http://www.rppe.ru/?page_id=40 (accessed 03.03.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

6. Kacar B., Curic Ja., Ikic S. Local Economic Development in Theories of Regional Economies and Rural Studies. *Ekonomika Poljoprivrede*. 2016; 63(1):231-246. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.5937/ekoPolj1601231K>

7. Musil P. Regional Price Levels in the Czech Republic. *Statistika: Statistics and Economy Journal*. 2017; 97(2):110-113. Available at: <https://www.doaj.org/article/04a894143b0c4abb94f6ef68374819e6> (accessed 13.03.2019). (In Eng.)

8. Krasilnikov O.Yu. The Relationship between Structural Changes and Economic Development of Russia. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ehkonomika. Upravlenie. Pravo* = Izvestiya of Saratov University. New Series. Series Economics. Management. Law. 2017; 17(2):127-133. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2017-17-2-127-133>

9. Mikheeva N.N. The Russian Economy Resource Sector: Its Scale and Inter-industry Interactions. *Problemy prognozirovaniya* = Studies on Russian Economic Development. 2006; (2):38-54. Available at: <https://ecfor.ru/publication/resursnyj-sektor-rossijskoj-ekonomiki/> (accessed 01.03.2019). (In Russ.)

10. Odintsova T.M. Forecasting the Optimal Factors of Formation of the Population Savings as the Basis for Investment Resources of the Regional Economy. *Biznes Inform* = Business Inform. 2017; (4):95-102. Available at: http://www.business-inform.net/annotated-catalogue/?year=2017&abstract=2017_04_0&lang=ru&stqa=13 (accessed 13.03.2019). (In Ukrainian, abstract in Eng.)

11. Ionescu R.-V. The Impact of the Regional Policy on the European Economy. *EuroEconomica*. 2016; 35(1):26-35. Available at: <http://journals.univ-danubius.ro/index.php/euroeconomica/article/view/3257/3365> (accessed 13.03.2019). (In Eng.)

12. Neagu O., Dima S. Impact of Globalisation on Economic Growth in Romania: An Empirical Analysis of Its Economic, Social and Political Dimensions. *Studia Universitatis Vasile Goldis Arad, Seria Stiinte Economice*. 2017; 27(1):29-40. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1515/sues-2017-0003>

13. Kostyk Ye.P. Current Trends of Global Economic Development and Features of the Regionalization Processes of Investment Policy in the Countries with Market Economy. *Ekonomichnij visnik universitetu* = University Economic Bulletin. 2017; (32/1):156-168. Available at: <https://economic-bulletin.com/index.php/journal/article/view/310> (accessed 13.03.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

14. Simion A. Ten Years after the Global Crises – Exports Recovery at Regional Level in Romania. *Challenges of the Knowledge Society*. 2018; 12:922-930. Available at: <https://www.doaj.org/article/00f3b199dfdd4b6f9b1605e13640d9f0> (accessed 11.03.2019). (In Eng.)

15. Jin R., Gong Ji., Deng M., Wan Yi., Yang X. A Framework for Spatiotemporal Analysis of Regional Economic Agglomeration Patterns. *Sustainability*. 2018; 10(8):2800. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.3390/su10082800>

16. Bagrov N.M., Plotnikov V.A. State and Development of the Russian Industry (Statistical Review). *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* = Proceedings of the St. Petersburg State University of Economics. 2016; (6):170-177. Available at: <https://unecon.ru/izdaniya/zhurnal-izvestiya/arhiv-nerov> (accessed 01.03.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

17. Oborin M.S. Structural Problems of Agricultural Manufacture and Directions of their Solutions. *Vestnik Zabajkalskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Transbaikal State University. 2018; 24(4):24-32. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.21209/2227-9245-2018-24-4-24-32>

18. Ignasheva T.A. Research of the Live-Stock Sector Development in Mari El Republic. *Vestnik Povolzhskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta. Seriya: Ehkonomika i upravlenie* = Vestnik of Volga State University of Technology. Series: Economy and Management. 2017; (3):26-39. (In Russ.) DOI: <http://dx.doi.org/10.15350/2306-2800.2017.3.26>

19. Burmistrova O.N., Pilnik Yu.N. [Mathematical Model of Using the Maximum Capacity of Vehicles]. *Aktualnye napravleniya nauchnykh issledovaniy XXI veka: teoriya i praktika* = Relevant Directions of Scientific Research in the 21st Century: Theory and Practice. 2016; 4(5-3):206-211. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27309826> (accessed 02.03.2019). (In Russ.)

20. Skulches D.V., Leshchev M.A., Leshcheva M.G. The Analysis of the Status and Trends of Agrarian Sphere of Economy at the Level of Meso-Region. *Nauchnye trudy Kubanskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta* = Scientific Works of Kuban State Technological University. 2015; (14):184-189. Available at: <https://ntk.kubstu.ru/tocs/21> (accessed 03.03.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

21. Sergienko O.A., Gulaya A.S. Assessing the Effectiveness of the Crediting of the Agro-Industrial Complex, as the Determining Sector of International Trade, by Region. *Problemi ekonomiki* = Issues of Economics. 2018; (2):426-439. Available at: <https://www.doaj.org/article/0c7fa410f77c4b32a3d3a007134664be> (accessed 13.03.2019). (In Ukrainian, abstract in Eng.)

22. Alekseeva O.A. [Development of the Transport Sector of the Regional Economy: Structural and Dynamic Analysis]. *Vestnik Instituta druzhby narodov Kavkaza. Teoriya ekonomiki i upravleniya narodnym khozyajstvom* = Bulletin of the Institute of Friendship of the Peoples of the Caucasus. Theory of Economics and National Economy Management. 2012; (4):158-164. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18863490> (accessed 03.03.2019). (In Russ.)

23. Vakhilevich N.V. [Studying the Necessary Prerequisites of the Regional Activity of the Economic Environment]. *Inzhenernyj vestnik Dona* = Engineering Journal of Don. 2011; (3):279-284. Available at: <http://www.ivdon.ru/ru/magazine/archive/n3y2011/490> (accessed 03.03.2019). (In Russ.)

24. Boyarskaya O.V. Spatial Analysis of Potential Economic Development Region. *Drukerovskij vestnik* = The Drucker Bulletin. 2015; (2):30-38. Available at: <http://drucker.npi-tu.ru/ru/archive/2015/vyipusk-2/o.v.-boyarskaya> (accessed 03.03.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

25. Korostyshevskaya E.M., Plotnikov V.A. Theoretical Aspects of Goals in the Russian Regional Policy. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta*.

Seriya: Ehkonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of South-West State University. Series Economics. Sociology. Management. 2014; (1):62-71. Available at: https://swsu.ru/izvestiya/serieseconom/serieseconom_issue_archive.php (accessed 03.03.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

26. Shcherbik E.E. Structural-Economic Improvements of Regional Economic System: Myth or Reality? *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Ehkonomika* = Herald of Omsk University. Series: Economics. 2014; (2):153-159. Available at: http://journal.omco.ru/ru/archive/n_2014_02.html (accessed 03.03.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

27. Mikhaylov A.V., Lapaev D.N. [Assessment and Analysis of the Level of Development of the Regional Economy]. *Aktualnye problemy ehkonomicheskoy teorii i regionalnoj ehkonomiki* = Relevant Issues of the Economic Theory and Regional Economy. 2013; (1):74-81. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23441575> (accessed 03.03.2019). (In Russ.)

28. Sultanov G.S. The Analysis of Main Assessment Indicators of the Regional Economy Strategic Development. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Obshhestvennye nauki* = Herald of Dagestan State University. Series 3. Social Sciences. 2016; 31(3):59-64. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.21779/2500-1930-2016-31-3-59-64>

29. Safuanov R.M., Bayrushina F.F. Theoretical Aspects of Strategic Regional Analysis. *Vestnik UGNTU. Nauka, obrazovanie, ehkonomika. Seriya: Ehkonomika* = Bulletin USPTU. Science, Education, Economy. Series Economy. 2016; (2):14-19. Available at: <http://www.ugues.ru/page/vse-nomera-1> (accessed 03.03.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

Submitted 09.04.2019; accepted for publication 22.05.2019; published online 30.09.2019.

About the author:

Tatyana A. Ignasheva, Associate Professor, Department of Information Systems in Economy, Volga State University of Technology (3 Lenin Sq., Yoshkar-Ola 424000, Republic of Mari El, Russia), Associate Professor, Department of Applied Statistics and Informatics, Mari State University (1 Lenin Sq., Yoshkar-Ola 424000, Republic of Mari El, Russia), Ph. D. (Economics), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9667-5058>, Researcher ID: F-2935-2014, Scopus ID: 56712944500, samofeeva@mail.ru

For citation:

Ignasheva T.A. Modeling Regional Performance according to the Types of Economic Activities. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2019; 27(3):461-488. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.107.027.201903.461-488>

The author has read and approved the final version of the manuscript.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ / SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

УДК 316.354:271.22

<http://regionsar.ru>

ISSN 2587-8549 (Print)

DOI: 10.15507/2413-1407.107.027.201903.489-512

ISSN 2413-1407 (Online)

Деятельность социально ориентированных организаций Русской православной церкви: региональные аспекты

О. А. Богатова^{1*}Е. И. Долгаева¹А. В. Митрофанова^{2,3}

¹ ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия),
* bogatovaoo@gmail.com

² Институт социологии ФГБУН «Федеральный научно-исследовательский
социологический центр Российской академии наук» (г. Москва, Россия)

³ ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации» (г. Москва, Россия)

Введение. В статье анализируются результаты социологических исследований, предпринятых авторами в 2018 г. в рамках научно-исследовательского проекта «Социальные проекты Русской Православной Церкви». Целью эмпирического исследования было выявление социальных функций, реализуемых в процессе разработки и осуществления социальных проектов организациями, входящими в структуру Русской православной церкви – Московского патриархата, а также мирянскими организациями, созданными и возглавляемыми прихожанами Русской православной церкви.

Материалы и методы. В исследовании использовались качественные методы сбора и анализа социологических данных: наблюдение, глубинные интервью с участниками социальной деятельности в рамках православных проектов и членами групп, являющихся объектами их воздействия. В качественном исследовании применялись теоретическая выборка и метод отбора типичных случаев,

© Богатова О. А., Долгаева Е. И., Митрофанова А. В., 2019

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

позволяющий описать и проанализировать в регионах с разной ресурсной обеспеченностью социальные технологии и последствия православной социальной деятельности по различным направлениям воздействия на общество.

Результаты исследования. В процессе исследования на основе анализа данных опросов были выявлены цели православных социальных проектов и их иерархия, а также особенности мотивации деятельности участников изучаемых православных социальных проектов, особенности форм организации социальной помощи в Москве, Республике Мордовия и Ивановской области. Изучены социальные технологии прямого и непрямого воздействия православных социальных проектов в аспекте воспитательной деятельности. Предпринята попытка оценить трансформационные последствия реализации обследованных православных социальных проектов на уровне личности, социальных институтов и групп.

Обсуждение и заключение. Исследование показало, что православные социальные инициативы способствуют освоению их участниками навыков фандрайзинга, взаимодействия с обществом, государственными органами и коммерческими структурами, таким образом превращаясь в важный сегмент гражданского общества. Выявлены основные трудности, с которыми сталкиваются православные социальные проекты: слабая системность и зависимость от личности руководителя, зависимость от грантов. Научные результаты исследования могут быть использованы при разработке стратегии и реализации социальной политики с участием православных некоммерческих общественных организаций посредством комплексного анализа методов и социальных технологий.

Ключевые слова: социальный проект, социальная деятельность религиозных организаций, православные некоммерческие организации, социальные технологии, социальное служение, социальные изменения

Финансирование. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-011-00598 «Социальные проекты Русской Православной Церкви».

Activities of the Socially Oriented Organizations of the Russian Orthodox Church: The Regional Aspects

O. A. Bogatova^a, E. I. Dolgaeva^a, A. V. Mitrofanova^{b, c}

^a National Research Mordovia State University (Saransk, Russia),
* bogatovaoa@gmail.com

^b Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

^c Financial University under the Government of the
Russian Federation (Moscow, Russia)

Introduction. The article analyzes the results of the sociological research undertaken by the authors in 2018 within the framework of the research project “Social Projects of the Russian Orthodox Church” in terms of comparing motivation, social technologies and social consequences of implementing Orthodox social projects in the capital and other regions of Russia in order to identify factors contributing to and hindering their successful implementation at the regional level. The purpose of the empirical research was to identify the social functions fulfilled in the process of developing

and implementing social projects by organizations within the structure of the Russian Orthodox Church (Moscow Patriarchate), as well as by lay organizations created and headed by parishioners of the Russian Orthodox Church.

Materials and Methods. The study used qualitative methods of collecting and analyzing sociological data such as observation, in-depth interviews with people participating in social activities of the Orthodox projects and with the members of their target groups. The qualitative study used theoretical sampling and the method of selecting typical cases, which made it possible to describe and analyze social technologies and the consequences of the Orthodox social activities in different areas of impact on the society, including helping the poor and the socially deprived strata of the population, rehabilitation of the disabled, 'pro-life' movements, as well as educational activities.

Results. In the process of research, based on the analysis of the survey data, the goals of the Orthodox social projects and their hierarchy have been identified, as well as the peculiarities of motivation of the activities of the participants of the Orthodox social projects studied and the specifics of the forms of organizing social assistance in Moscow, the Republic of Mordovia, and the Ivanovo Region. The social technologies of direct and indirect influence of the Orthodox social projects in terms of educational activities have been studied. The authors sought to assess the transformational consequences of implementation of the Orthodox social projects studied at the levels of the individual, social institutions, and groups.

Discussion and Conclusion. The study has revealed that the Orthodox social initiatives help their participants master such skills as fundraising, interaction with the society, government bodies and commercial entities, thus becoming an important segment of civil society. The main difficulties the Orthodox social projects encounter have been revealed: poor systemic work and dependence on the personality of the leader, dependence on grants. The scientific results of the study can be used when developing strategies and implementing social policies with the participation of Orthodox non-profit organizations through a comprehensive analysis of methods and social technologies.

Keywords: social project, social activities of religious organizations, Orthodox non-profit organizations, social technologies, social service, social change

Funding. The research for this article was done with the financial support from the Russian Foundation for Basic Research, project No. 18-011-00598 "Social Projects of the Russian Orthodox Church."

Введение. Цель статьи заключается в анализе и обобщении результатов научных исследований по проекту «Социальные проекты Русской Православной Церкви» (грант РФФИ 18-011-00598) в аспекте сравнения мотивации, социальных технологий и социальных последствий реализации православных социальных проектов в столичном регионе, с одной стороны, и в Ивановской области и Республике Мордовия как относительно низко-ресурсных регионах с большим количеством нуждающихся в социальной поддержке и относительно низким уровнем гражданской активности – с другой, а также сравнения потенциала приходских и не приходских форм православной социальной деятельности и выявления факторов, способствующих и препятствующих их успешной реализации на региональном уровне.

Основная цель исследовательского проекта – выявление социальных функций, реализуемых в процессе разработки и осуществления социальных проектов организациями, входящими в структуру Русской православной церкви – Московского патриархата, а также мирянскими организациями, созданными и возглавляемыми прихожанами Русской православной церкви.

Задачи проекта заключаются в следующем: 1) изучить социальную мотивацию представителей духовенства и православных верующих, участвующих в процессе разработки и осуществления социальных проектов Русской православной церкви; 2) определить основные социальные технологии воздействия на общество в процессе реализации социальных проектов, а также в оценке социальных последствий их реализации в сравнении с заявленными целями проектов на уровне изменения социальных групп, социальных институтов в региональном социуме, а также личности активистов, участвующих в реализации проектов, и членов групп, являющихся объектами их социальной деятельности; 3) на основе сравнения социальных эффектов реализации социальных проектов Русской православной церкви выявить факторы, способствующие и препятствующие их успешной реализации.

Актуальность проблемы активизации социальной деятельности Русской православной церкви в форме разработки и реализации социальных проектов социально ориентированными православными организациями в России, как и в других развитых странах, обусловлена глобальной неоконсервативной тенденцией в реформировании институтов социального государства в направлении разгосударствления государственных социальных служб и частичной передачи их функций в области социальной помощи, образования и здравоохранения негосударственным и частным партнерским организациям, включая некоммерческие социально ориентированные конфессиональные организации, в порядке аутсорсинга. Результатом таких реформ может стать практически полная функциональная замена государственных социальных служб конфессиональными организациями.

Обзор литературы. Изучение социальной работы религиозных организаций актуально в связи с кризисом как западного государства благосостояния, так и социалистического социального государства. По наблюдениям Г. Кларк, «как в развитых, так и в развивающихся странах религиозно ориентированные организации расширились или умножились в результате экономического неолиберализма, по мере того как верующие откликнулись на рост бедности, неравенства и социальной эксклюзии» [1, с. 837]. Это касается как чужаков – беженцев, мигрантов, так и полноправных граждан, оказавшихся на дне общества – бездомных, дискриминируемых меньшинств и т. д.¹ [2–9]. В развитых странах,

как показывают отечественные (И. Э. Петрова, З. Х. Саралиева [10]) и зарубежные (Э. Куин [11]) исследователи, часть социальных функций переходит к религиозным организациям, теперь и на контрактной основе.

В научной литературе можно выделить прежде всего исследование социальной деятельности так называемых конгрегаций. Имеются в виду структурированные и организованные сообщества людей, объединенных религиозной верой и регулярным исполнением практик; другое наименование конгрегации – «церковь» в широком смысле, включая нехристианские конгрегации. Д. Кертис и Р. Кнаан выделяют три основных типа конгрегаций: приходские, храмовые и «нишевые» [12, с. 16–17]. К приходской конгрегации принадлежат все обитатели определенного географического ареала; в храмовой модели верующие посещают храм в случае возникновения личной потребности (совершить ритуал, обратиться к божеству), но не образуют устоявшегося сообщества. Нишевые конгрегации, по определению Н. Аммерман, «выходят за пределы непосредственной территориальной близости, создавая идентичность, относительно независимую от контекста» [13, с. 130–131]. Таким образом, к нишевым конгрегациям можно отнести любые нетерриториальные, но устоявшиеся сообщества. Большинство публикаций посвящено разным формам конгрегационной социальной работы [14–17]. Приходская модель конгрегаций в настоящее время теряет позиции во всем мире, что нашло отражение в российской научной литературе, где под приходами понимаются обычно храмовые или нишевые конгрегации².

Современные российские исследователи, методологически основываясь на теориях социальных сетей М. Грановеттера и социального капитала Р. Патнэма и А. Портеса, исходят из нормативной модели, согласно которой именно на священника и приходских социальных работников должны быть возложены задачи аккумулировать социальный капитал местного сообщества, обеспечивая его этическое использование, и решать таким образом проблемы социального благополучия его членов. Эта модель предполагает в идеале полное разгосударствление системы социальной защиты и культурно-просветительской деятельности на муниципальном уровне и перекладывание соответствующих функций на местное население под руководством настоятелей храмов. Так, П. В. Батанова и соавторы в качестве образца успешно организованной приходской социальной работы в современной России приводят социальное служение на приходе благочинного отца Феодора в одной из

¹ Лункин Р. Н. Роль христианских церквей Европы в разрешении социально-политических кризисов: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 2018. 44 с.

² «Партнерский приход»: Сотрудничество священников и мирян в развитии социальной деятельности в приходах РПЦ в начале XXI века / П. В. Батанова [и др.]. М.: Изд-во ПСТГУ, 2018. 320 с.

областей Приволжского федерального округа, который сумел за счет пожертвований не только восстановить сельский храм и построить на его территории воскресную школу и трапезную, но и организовать благотворительные мероприятия (паломнические поездки, адресную денежную и другую материальную помощь нуждающимся), просветительский лекторий и ежегодные тематические культурные и общественные мероприятия сельского и районного масштаба, включая «фестивали, концерты, конкурсы (и не только по церковным праздникам), выпускные вечера и рождественские елки, 9 мая и проч.»³.

В последнее десятилетие растет количество публикаций о социальной работе, которая осуществляется не конгрегациями, а религиозно ориентированными неправительственными организациями (FBO, faith-based organizations или religiously affiliated organizations – религиозно аффилированные организации), целью которых не является исповедание веры и осуществление религиозных практик. Интерес к этим организациям первоначально был вызван их растущей долей в оказании гуманитарной помощи бедным странам [1; 18], однако постепенно исследователи обратились к их роли в решении кризисных ситуаций в целом, включая развитые страны Запада, как отмечают Э. Крипп и Б. Ньюмен [19; 20]. В России научная литература по социальной деятельности таких организаций пока незначительна [21; 22].

Отечественные и зарубежные исследователи приходят к выводу, что способность религиозных организаций осуществлять успешную социальную деятельность обусловлена не столько верованиями и ценностями, сколько наличием у религиозных организаций социальных сетей, позволяющих привлекать волонтеров, включая неверующих [23–26]. Эти выводы позволяют мировому исследовательскому сообществу перейти от анализа особенностей отдельных социальных проектов или организаций к более широкой и общественно значимой тематике – роли, которую социальная деятельность конгрегаций и религиозно ориентированных организаций играет в укреплении общественной солидарности и преодолении последствий распада социальных связей.

Материалы и методы. Методика исследования предполагает использование качественных методов сбора и анализа социологических данных: наблюдения, глубинных интервью с участниками социальной деятельности в рамках православных проектов и членами групп, являющихся объектами их воздействия. В качественном исследовании использовались теоретическая выборка и метод отбора типичных случаев, позволяющий описать и проанализировать социальные технологии и последствия православной социальной деятельности по различным на-

³ Там же. С. 120.

правлениям воздействия на общество, развивающимся в регионах с разной ресурсной обеспеченностью, включая помощь бедным и социально уязвимым категориям населения (группа помощи бездомным «Даниловцы», приходская социальная помощь в Мордовии), реабилитацию инвалидов (поселение для сопровождаемого проживания инвалидов «Благодать»), пролайферское движение «Женщины за жизнь» и воспитательную работу (церковный проект «Милосердие» в детской больнице г. Москвы, православный детский лагерь «Солнечная Мордовия»). В процессе анализа данных включенного наблюдения и интервью применялись методы насыщенного описания и конденсации смысла, сравнительный метод.

В течение 2018 г. участниками проекта в Москве проведено 10 глубоких интервью с волонтерами, клиентами и сотрудниками религиозно аффилированных организаций и движений (движений «Даниловцы» и «Женщины за жизнь»), церковного проекта «Милосердие» (занятия с детьми в больнице, помощь родителям), 3 интервью с экспертами, а также включенное наблюдение в группе помощи бездомным движения «Даниловцы»). В Ивановской области осуществлялись интервью с волонтерами и сотрудниками, а также включенное наблюдение в поселении для сопровождаемого проживания инвалидов «Благодать». В Республике Мордовия проведены полевые социологические исследования реализации социальных проектов Русской православной церкви в АНО «Солнечная Мордовия» (включенное наблюдение, 10 глубоких интервью с сотрудниками и 9 полуструктурированных интервью с клиентами лагеря из числа родителей воспитанников), а также групповое интервью с благочинным, его помощниками и партнерами из числа работников социальных служб и образования Ичалковского района (всего 5 участников) в церкви Рождества Пресвятой Богородицы с. Кемля Ичалковского района Республики Мордовия. Данные включенного наблюдения и интервью анализировались методами насыщенного описания и конденсации смысла. В процессе исследования на основе анализа данных опросов были выявлены цели православных социальных проектов и их иерархия, а также особенности мотивации деятельности участников изучаемых православных социальных проектов, включая ценностные ориентации и социальные установки.

Результаты исследования. В процессе исследования на основе анализа данных опросов были выявлены цели православных социальных проектов и их иерархия, а также особенности мотивации деятельности участников изучаемых православных социальных проектов, включая ценностные ориентации и социальные установки. Конкретизированы особенности динамики социальной структуры групп, реализующих православные социальные проекты. Параллельно были выявлены системные недостатки приходской социальной работы, в частности, ее ориентация на узкий набор проблем, невозможность участия работающих людей и др.

Таким образом, данный исследовательский проект вышел на более общую проблему устройства церковной жизни в современной России и позволяет поставить вопрос о сочетании приходской и не приходской общинной жизни.

Исследование позволило заключить, что православные социальные проекты либо не ставят перед собой миссионерских целей, либо такие цели не являются главными по сравнению с социальной помощью и нравственным воспитанием клиентов и участников социальных проектов. В группе помощи бездомным движения «Даниловцы» запрещены разговоры между волонтерами на религиозные темы; опрошенные волонтеры подчеркивают светский характер движения. Это подтвердили и интервью с сотрудником проекта «Женщины за жизнь», которая утверждает, что пришла в проект атеисткой, и информация от сотрудника церковного (созданного в рамках Синодального отдела) проекта «Милосердие». Особняком стоит только поселение «Благодать», основанное харизматическим лидером-иеромонахом (здесь клиенты обязаны жить церковной жизнью), но оно носит наименее системный характер из всех изученных проектов, так как зависит целиком от личности основателя.

Можно сказать, что системность и светскость предполагают друг друга, даже если проект возник и развивается под прямым патронажем Церкви. Здесь же следует отметить, что современные социальные проекты, даже если они открыто позиционируют себя как православные, склонны к принципиальному отказу от прямого осуждения личности и жесткой критики образа жизни клиентов, несмотря на его асоциальный или безнравственный (с точки зрения религиозной морали) образ жизни. Даже в проекте «Благодать», где больше всего признаков церковности, принято снисходительное отношение к поведению людей, в той или иной мере являющихся клиентами проекта – например, не осуждается образ жизни пьющей матери-одиночки.

В православном детском лагере АНО «Солнечная Мордовия» наставление в основах православной веры и обрядности входит в официально декларированные цели в качестве одной из основных, наряду с организацией полноценного отдыха детей и нравственного воспитания. Однако в условиях необходимости учитывать интересы различных категорий клиентов, включая невоцерковленные или неправославные семьи (в том числе атеистов и мусульман), религиозные компоненты воспитательной работы в лагере содержат не столько обучение религиозным практикам и индоктринацию, которые некоторые дети могут игнорировать, сколько религиозное и культурно-историческое информирование (знакомство детей с «азами православия», по выражению директора лагеря) и воспитание религиозной толерантности.

Исследование мотивации активистов проектов позволило прийти к выводу, что ими движет прежде всего не желание распространять знания о религии, а стремление укрепить общественную солидарность, именно в этом смысле они истолковывают собственное расплывчатое стремление «помогать людям». Хотя многие опрошенные связывают это стремление с обретением религиозной веры, из интервью можно понять, что желание помогать было им присуще до воцерковления или независимо от него. Современное общество активисты воспринимают как ненормальное и нуждающееся в исправлении посредством восстановления связей между людьми, отсюда повторяющиеся реминисценции в сторону советского опыта общественной солидарности (от готовности «пойти в разведку» до прямой апелляции к референту, неизвестному волонтеру – ни на практике, ни в теории – тимуровскому движению). Некоторые активисты свидетельствовали, что оставили некую высокооплачиваемую работу, потому что она не давала достаточно возможностей для развития солидарных отношений. Исключением вновь является проект «Благодать», где сотрудники говорят также о привлечшей их харизматической личности иеромонаха Мелитона.

Интервью с участниками православных социальных проектов из числа священников в Мордовии показывают, что мотивация воцерковления людей и групп населения, являющихся объектом социальной помощи, у них подчинена основной мотивации заботы об их нуждах как условия укрепления общего социального доверия и доверия к Русской православной церкви, уровень которых в социально депривированных слоях населения они оценивают как низкий.

Деятельность кадрового ядра православного детского лагеря «Солнечная Мордовия» в процессе работы с детьми из «социальной смены», находящимися в трудных жизненных ситуациях, и добровольческая деятельность активистов православных социальных и социально ориентированных организаций, изучавшаяся на примере Ичалковского благочиния в Республике Мордовия, включают осознанную демонстрацию образцов просоциального поведения, противостоящего установкам «культуры недоверия», в качестве альтернативы социальной аномии, вербальной агрессии, семейному насилию и другим распространенным в обществе девиациям: «Нести добро. И вселять в детей, особенно в таких, не из простых семей, хоть какую-то каплю надежды, теплоту, то, что в мире есть добро. ...Показать детям то, что может быть по-другому, они могут жить по-другому. То, что люди могут обращаться по-другому» (старшая вожатая лагеря «Солнечная Мордовия»).

Укрепление общественной солидарности лишь в небольшой степени реализуется через выполнение непосредственных, декларируемых задач проектов. Можно сказать, что проекты призваны выполнять не всегда

осознанную, но первоочередную задачу – укреплять солидарность самих волонтеров и сотрудников, превращая проект в подобие общины. В интервью отмечается, что эти общины построены прежде всего на общих жизненных и нравственных принципах, концентрирующихся на идеях солидарности, взаимопомощи, альтруизма и др. Некоторые информанты определяли эти принципы как православные, другие – нет.

Необходимо сделать вывод, что ценности солидарности для активистов первичны, а их религиозные интерпретации вторичны, хотя нельзя обесценивать субъективную важность религиозных мотивов для информантов. В определенных случаях работа в проекте самими опрошенными оценивается ниже, чем удовлетворение их собственных потребностей в солидарных отношениях. Такое же впечатление возникает в ходе участия в кормлении бездомных прежде всего потому, что большинство пришедших вообще не являлись бездомными, а возможно и малоимущими. Куратор группы признает, что для реальной помощи бездомным полезнее профессиональная социальная работа, а не деятельность волонтеров. Исключение представляет поселение «Благодать», поскольку в нем община является и целью проекта, и средством ее достижения.

В процессе исследования конкретизированы особенности динамики социальной структуры групп, реализующих православные социальные проекты. Можно сделать вывод, что проектная деятельность служит формированию солидарности как вне Русской православной церкви, так и внутри нее, среди духовенства и мирян. Общинный характер социальных проектов превращает их в конкурентов приходских общин, что прослеживалось в некоторых интервью (за исключением проектов, которые непосредственно базируются на местной религиозной организации, например, поселения «Благодать», которое само является приходом, детского православного лагеря «Солнечная Мордовия», учредителем которого является Иоанно-Богословский мужской епархиальный монастырь, или общественных инициатив Ичалковского благочиния в Республике Мордовия). Параллельно были выявлены системные недостатки приходской социальной работы, в частности, ее ориентация на узкий набор проблем, невозможность участия работающих людей и др.

Таким образом, данный исследовательский проект вышел на более общую проблему устройства церковной жизни в современной России, и позволяет поставить вопрос о сочетании приходской и неприходской общинной жизни. Сравнение потенциала приходской и неприходской социально ориентированной деятельности православных организаций в исследовании продемонстрировало наличие определенных ограничений, связанных с возможностью применения для объяснения процессов в постсоветском обществе разработанной Р. Патнэмом объяснительной модели накопления социального капитала через функционирование исторически

сложившихся «норм взаимности» и сетей гражданской вовлеченности, в свою очередь, поощряющих нормы взаимности⁴.

Исследование показывает, что в условиях глубокого социального неравенства ослабление государства и его частичный отказ от функций перераспределения социальных благ не способствует созданию сильного гражданского общества. В низкоресурсном регионе местное сообщество сельского района не может самостоятельно аккумулировать ресурсы, выходящие за пределы паллиативной помощи нуждающимся, удовлетворения наиболее неотложных и краткосрочных запросов, а хроническая бедность и социальная депривация получателей такой помощи способствуют скорее социальной пассивности и клиентелизму:

Помощник благотворителя: Нет работы. Они бы рады работать. Найдите нам работу – говорят. Даже если надо переехать. Нет работы! Мы в основном крупы, масло им привозим. И вещи какие-то...

Благотворитель: Конечно, идут и те, кто раньше получал, и ссорятся иногда. ...Мы раздали эти наборы до Пасхи, а они все съели сразу, и на Пасху есть нечего. А что ты их будешь осуждать за это, если им есть нечего?

Интервьюер: Получается, что люди уже привыкают к тому, что вы их не оставите?

Работник соцзащиты: Да. Но там есть и те, которых надо по-другому учить. Некоторые балуются, работать не хотят.

В Республике Мордовия социальная структура выявленных в исследовании православных социальных проектов форм организации социальной помощи отличается от приходских структур, уже описанных отечественными исследователями. Можно заключить, что особенности низкоресурсного региона, которым является Мордовия, способствуют формированию православными религиозными организациями сетей доверия, сотрудничества и социальной помощи (в тех местных сообществах, где они вообще имеются), выходящих за пределы отдельного прихода и объединяющих жертвователей и волонтеров на уровне муниципального района, региона и даже пересекающих административные границы региона.

Сходная картина наблюдается в Ивановской области, где поселение «Благодать» стало точкой притяжения как для неимущих из окрестных деревень (и даже из других регионов России), так и для людей, которые могут и хотят помогать. Помимо домов сопровождаемого проживания иеромонах Мелитон открыл также богадельню, т. е. частный дом престарелых для одиноких пожилых женщин из соседних деревень, который размещается в одном здании с храмом, где он проводит богослужения.

⁴ Патнэм Р. Чтобы демократия сработала: Гражданские традиции в современной Италии. М.: Ad Manrinen, 1996. С. 215.

Имеется также помещение, где принимают нуждающихся в помощи лиц без определенного места жительства. В качестве помощников выступают местные бизнесмены (например, один из них бесплатно изготовил мебель для поселения, регулярно возит инвалидов на внедорожнике из поселения в храм), представители районной администрации, а также периодически приезжающие волонтеры из Москвы. Интересно, что подопечные проектов иеромонаха Мелитона стараются, как могут, отплатить своим благотворителям посильным добром: например, пожилая женщина из обрезков меха шьет красивые шапки и дарит их. Речь, таким образом, идет не о новых формах социального иждивенчества, а о попытках создать – на ограниченной территории – своеобразную зону солидарности.

В своей благотворительной деятельности православные общественные инициативы либо отдельные священники, настоятели храмов, пользующиеся авторитетом у прихожан, используют для организации общественных мероприятий технологии краудфандинга, включая сбор денежных и натуральных пожертвований в пользу нуждающихся, безвозмездное предоставление услуг волонтерами из числа подростков и молодежи («тимуровцами») и другими неравнодушными гражданами, спонсорскую помощь, сотрудничество с государственно-муниципальными структурами или собственные средства. Православные активисты, принимающие участие в добровольческой деятельности при организации благотворительных мероприятий, воздействуют на окружающих личным примером, демонстрируя своей деятельностью ролевую модель активного и ответственного социального поведения, заключающегося в помощи тем, кто в ней нуждается.

Социальная деятельность Ичалковского благочиния во главе с настоятелем Храма Рождества Пресвятой Богородицы в с. Кемля может рассматриваться в качестве социального проекта постольку, поскольку ее руководитель связывает ее цели с трансформацией личности самих участников этой деятельности, «производством желающих помогать» [27, с. 359], позитивным изменением их ценностных ориентаций и установок в отношении Русской православной церкви и общества. Участие в благотворительной деятельности в форме сбора денежных средств, пожертвований в натуральной форме, оказания услуг на безвозмездной основе с целью помощи нуждающимся в Ичалковском районе Мордовии, как и модель православного духовно-нравственного воспитания в детском православном лагере «Солнечная Мордовия», способствует формированию личностных установок на доверие, сотрудничество, заботу об окружающих и общем благе, а также создает условия для применения этих установок.

Заслуживает также упоминания высказанное сотрудниками и активистами православных организаций Мордовии мнение о наличии корреляции между более низким, по сравнению со среднеобеспеченными семьями,

уровнем социального доверия и низкой степенью воцерковленности в семьях с низкими доходами. Эта тенденция проявляется в распространении социальных установок «культуры недоверия»⁵ на все институты, включая институт церкви и ее представителей. Данную точку зрения на уровне описания повседневных практик взаимодействия с подростками из сельских семей высказывают сами опрошенные священники, отмечая, что внушить доверие к священнику детям из таких семей очень сложно, для этого необходима искренняя забота и помощь: «Не надо заигрывать с ними. С ними надо честно жить, любить, заботиться. Дружить просто! И не тянуть, не принуждать. Невольник – не богомольник, понимаете? Придет время, призовет Господь, и они пойдут. Не надо сразу. Надо программно-минимум: не плюют в сторону священника – уже хорошо. Считают священника нормальным полноценным человеком, таким же, как они, – уже хорошо, слава Богу!» (благочинный).

Эта ситуация существует в республике уже длительное время. Так, на основании данных исследований социального капитала субъектов РФ Фонда «Общественное мнение» в 2007–2008 гг. в рамках мониторинга гражданского общества «ГеоРейтинг» Мордовия по параметрам доверия, солидарности и ответственности населения была отнесена к региону с наиболее низким социальным капиталом: «изолированному» кластеру с преобладающим влиянием соответствующего социотипа индивидов («социальное гетто»)⁶, которое можно объяснить регулярным оттоком социально активного населения за пределы республики – на заработки или на постоянное место жительства.

Исследование позволило заключить, что основным постоянным источником финансовых средств на социальную работу являются пожертвования жителей района – прихожан и равнодушных граждан: «В первый год, когда начинали, я сама обходила все организации. Давали объявления: пожертвуйте, сколько можете – пять рублей, десять. Мы все это собирали в ящик для пожертвований. Потом эти средства могли потратить, например, на обувь для нуждающихся» (помощник благочинного). Размер пожертвований соответствует уровню жизни в сельских районах Мордовии, которая в период начала исследования занимала 79 место по размерам заработной платы из 85 регионов России с медианной зарплатой в 17,7 тыс. руб.⁷ (в сельской местности медианный уровень зарплаты еще ниже). Очевидно,

⁵ Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / пер. с польск. С. М. Червонной. М.: Логос, 2005. С. 329.

⁶ Российский ГеоРейтинг: «социальный капитал» субъектов РФ: По материалам исследований ФОМа в 2007–2008 годах. URL: <http://bd.fom.ru/report/cat/socium/rosssgeoreyt081208> (дата обращения: 12.07.2018).

⁷ Уровень и распределение зарплат в регионах России – 2017 // РИА-рейтинг. URL: <http://riarating.ru/infografika/20171207/630078217.html> (дата обращения: 12.07.2018).

что семьи с такими доходами не располагают значительными средствами для оказания помощи нуждающимся. Поэтому часть пожертвованных или безвозмездных услуг поступает в благочиние от благотворителей из других регионов, ознакомившихся с информацией на его сайте.

Характеризуя условия жизни получателей приходской социальной помощи в районе, участники благотворительной деятельности в Ичалковском благочинии в своем групповом интервью привели целый ряд примеров семей, которые в условиях сплошной газификации села не в состоянии оплатить услуги республиканских газораспределительной и энергосбытовой компаний в сельском районе, где значительная часть населения не имеют ни рабочих мест, ни официального статуса безработных:

Помощник благочинного: Мы еще забыли про то, как газ отключают.

Благочинный: А, да. Вы понимаете, мать-одиночка. Зимой. В мороз. Приходят и отрезают газ. Это что за геноцид, скажите?

Помощник благочинного: Одна, помните, батюшка, плакала. Говорит, ребенок с температурой лежит, бутылками с горячей водой обложенный. Отрезали газ!

Благочинный: 6 тысяч долг. И камины привозили, подключали, помнишь, замерзали дети? Коляска рядом с газовой плитой – там угар, дышать нечем. Младенец у них, а они замерзают!

Помощник благочинного: Мы и газовую плиту покупали. И камины покупали, и чего только не покупали этим семьям.

Благочинный: Берем деньги, платим. А они нам – еще за подключение дайте. Я говорю: не стыдно? Вы чего творите? С этим, конечно, надо бороться. Я считаю, это геноцид! Это страшное преступление, когда так делают.

Помощник благочинного: Электроэнергию тоже отключают. Я сама даже иду, деньги плачу, а чек им отдаю.

Благочинный: Вот вы спрашиваете, какой результат? Вот это – хоть какой-то результат. А то ведь от уныния с ума можно сойти! Брошенные люди. Дети замерзают – это как? Летом отключи, но не зимой. Отопительный сезон закончился – отключи. Пусть человек зарабатывает, гасит долг. Но не посреди зимы в мороз. Это недопустимо!

Интервьюер: И часто у вас такие случаи бывают?

Помощник благочинного: Бывают каждую зиму. И даже очень много. Одним отключили перед Новым годом. Она говорит, и чего же? Впереди праздники – кто придет нам подключать? И мы тогда спешно собрали сумму и проплатили. Так вот бывает...

Большая часть денежных средств на социальную помощь нуждающимся в благочинии собирается посредством краудфандинга, в котором эпизодически принимают участие отдельные состоятельные члены местного сообщества, что позволяет жертвователям не доминировать над получателями социальной помощи. Главным условием постоянного притока денег на нужды благотворительности и натуральной помощи

в этой ситуации является сама личность священника, его организаторские качества, включая способность собирать информацию, мобилизовывать ресурс свободного времени у тех, кто им располагает (например, подростков, молодежь), для оказания безвозмездных услуг, распределять имеющиеся средства и ресурсы среди тех, кто в них нуждается в первую очередь, внушать доверие жертвователям и добровольным помощникам:

Интервьюер: А участники «тимуровской помощи» ходят в храм? Они воцерковленные?

Благочинный: Есть, кто и ходит, да. Есть такие, но не так много. Но хотя бы в сторону священника эти дети уже не плюют. Подходят, благословение берут... Мы просто работаем вместе, выезжаем вместе. Детям что нужно? Внимание. Они же не дурачки и видят: используют их или с любовью относятся, бескорыстно. Они же это чувствуют, у них такой индикатор стоит – максимализм юношеский.

Следовательно, принимая участие в добровольческой деятельности при организации благотворительных мероприятий, оказывая помощь приходу, православные активисты накапливают как «закрытый», так и «открытый» социальный капитал местного сообщества, что способствует формированию доверия к церкви и общего социального доверия. Инициатива такой деятельности может исходить как от сплоченной группы при местной религиозной организации, так и от отдельных лиц. Примеров первого типа в республике крайне мало: даже опрошенные православные активисты из числа сотрудников «Солнечной Мордовии» затруднялись привести какие-либо примеры благотворительности, исключая акции тех организаций, с которыми они сами сотрудничают – Союз православной молодежи и приход Свято-Феодоровского кафедрального собора в центре г. Саранска.

Аналогичной деятельностью занимается у себя на приходе духовник лагеря, являющийся также настоятелем сельского храма, организуя соседскую взаимопомощь и паломнические поездки за счет их участников, при необходимости оплачивая стоимость невыкупленных мест в транспорте и не получая на это никакой спонсорской помощи:

Духовник лагеря «Солнечная Мордовия»: У меня больше склонность к организации паломнических поездок. Чтобы больше людям рассказывать о наших местах, привозить их куда-то... Объявляется поездка и собирается какая-то сумма. Сумма зависит от того, сколько за аренду автобуса попросят.

Интервьюер: Скажите, а Вы на этих поездках как-то зарабатываете?

Духовник: Да нет, что вы, все в убыток!

Интервьюер: Значит, это у Вас практически волонтерская деятельность...

Духовник: Все в убыток. Народ занят своими домами сельскими и иногда... Вот в Дивеево всем понятно, зачем туда едут. Понятен маршрут и понятно, что это немного займет времени. В прошлом году 60 человек у нас поехало – я даже не ожидал! Пришлось два автобуса арендовать. А в этом

году я организовал большую такую поездку на два дня в Воронеж, Задонск и Оптину. Естественно, из возможного количества человек в 40 набралось только 20. Аренда автобуса встала в 60–70 тысяч, и мне пришлось где-то 20 тысяч еще доплачивать. И каждая паломническая поездка примерно так. ...Я больше сам заинтересован посещать такие места и пытаюсь к этому интересу приобщить людей.

Социальные последствия этой благотворительной деятельности в низкоресурсном регионе – Республике Мордовия – на уровне местных сообществ заключаются в ослаблении социальной напряженности, выживании наиболее уязвимых категорий населения, приобретении опыта совместной деятельности наиболее социально активными членами местного сообщества, демонстрации моделей социального поведения, альтернативных «культуре недоверия», доминирующей в социально депривированных средах. Однако в силу ограниченности ресурсов местного сообщества она не устраняет экстремальных социальных ситуаций, обусловленных бедностью, безработицей, региональным неравенством и другими структурными факторами, и, по оценке самих участников проекта, не может рассматриваться в качестве средства решения социально-экономических проблем региона и полноценной замены системы государственной социальной помощи.

Так, организаторы православной благотворительной деятельности в Мордовии – регионе с низким уровнем жизни и высоким миграционным оттоком, особенно в сельской местности, – не стремятся возложить на себя функции социального обеспечения, потому что считают государство ответственным за их реализацию, понимая роль церкви как «сотрудничество, сотрудничество»:

Благочинный: Социальная работа – это потребность верующего человека. Он это делает, даже не замечая. Помните, в Евангелии, люди говорят: да когда же мы Тебя напоили и накормили? Они так поступали естественным образом, им это свойственно уже было. Делал и не думал, что это добро. Это было естественным состоянием его души, движением его сердца. Дай Бог, чтобы так занимались социальной работой все. По любви к ближнему.

Интервьюер: Как Вы считаете, приходская социальная работа может заменить государственную социальную помощь?

Благочинный: Нет. Это должно быть сотрудничество, сотрудничество.

Интервьюер: Вообще, можно ли вменить социальную работу Церкви в обязанность?

Благочинный: Я же говорю, это движение сердца человеческого. Насильно мил не будешь. Невозможно заставить любить!

В связи с этим логично, что оценивая существующую в настоящее время общественную систему как дисфункциональную и аномичную, описывая ее в терминах социальной дезорганизации, а положение сель-

ского населения – как катастрофическую ситуацию, не пытаясь взять на себя ответственность за ее устранение или стабилизацию.

Исследование показало, что клиенты православных социальных проектов также считают нормой их государственную поддержку. В частности, мерой такой поддержки явилась передача «Солнечной Мордовии» на конкурсной основе субсидии на отдых «социальной смены» – детей из многодетных и малообеспеченных семей, находившихся в лагере в период исследования, в августе 2018 г. Родители детей из «социальной смены» также высказывали сожаление о недостаточной государственной поддержке лагеря, который вынужден сдавать часть объектов в аренду республиканской Федерации танцевального спорта, чтобы покрыть расходы, связанные с основной деятельностью: «Некоторые [дети] начинают говорить: смотрите, мы ходим, а у них там музыка... Вот это, конечно, мне немного не понравилось... Очень плохо, что наше государство не поддерживает такие прекрасные места: где-то помочь, что-то подремонтировать, больше каких-то выездов организовать. Это прискорбно, конечно» (интервью с родителями, мать).

Обсуждение и заключение. На данном этапе исследования была предпринята попытка оценить трансформационные последствия реализации обследованных православных социальных проектов на уровне личности, социальных институтов и групп (регион, местное сообщество). В ходе исследования было выявлено, что, помимо естественного формирования социальных связей между активистами социальных проектов, социальные инициативы иногда становятся своеобразными школами гражданской активности, поскольку их участники постепенно осваивают навыки фандрайзинга, взаимодействия с обществом, с государственными органами и коммерческими структурами. Практическая значимость полученных результатов заключается в том, что исследование дает возможность выявить сферы социальной деятельности, в которой социальные проекты Русской православной церкви реализуются с наибольшим социальным и трансформационным эффектом, а также оценить ресурсный потенциал, необходимый для их осуществления, на основе сравнения различных регионов России.

Можно сделать вывод, что православные и православно ориентированные социальные инициативы образуют существенный сегмент гражданского общества России. Они могут выступать в качестве агентов социальных изменений, хотя на субъективном уровне многие активисты скептически высказывались о возможности влиять на общество в целом, поскольку волонтеров численно немного. Однако изменения, о которых идет речь, могут осуществляться через так называемый эффект ряби, где каждый проект выступает в роли небольшого камушка, брошенного в пруд, от которого тем не менее идут круги по всей поверхности воды.

Можно сделать вывод, что активисты не рассматривают государство как противника, осознавая наличие «серых зон», куда государство со своей системой социальной поддержки просто не доходит. Православные священники – участники социальных проектов в Мордовии – считают желательным такую форму государственно-церковного партнерства, при котором государство занимается социальными и политическими проблемами, но опасаются сращивания церкви с государством, стремясь сохранить ее автономию в вопросах нравственности и просвещения. Мы считаем целесообразным продолжать отслеживать тему отношений православных проектов с государством.

В итоге сделаем некоторые выводы о трудностях, с которыми сталкиваются православные социальные проекты (помимо общеизвестных, таких как недостаток финансирования). Во-первых, это слабая системность и зависимость от личности (от полной зависимости в поселении «Благодать» до частичной, как в более системных «Даниловцах» и «Милосердии»). Работа часто построена на энтузиазме и плохо организована. Во-вторых, серьезную проблему представляет зависимость от грантов, в результате чего проекты иногда существуют только в период наличия гранта и закрываются с его прекращением.

В заключение можно выделить в качестве наиболее актуальных из рассмотренных в статье социальных проблем вопрос о формах и адекватных механизмах сотрудничества государственных и муниципальных учреждений социальной защиты с православными волонтерами, которые пользуются доверием клиентов социальных служб и готовы взять на себя наиболее трудные аспекты взаимодействия с ними, а также проблемы финансовой поддержки православных некоммерческих организаций и добровольческих групп с участием государства и частных благотворителей. Дальнейшее изучение и обсуждение этих вопросов, с нашей точки зрения, будет интересно представителям органов государственной власти и местного самоуправления, экспертам в области социальной политики

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Clarke G. Faith Matters: Faith-Based Organizations, Civil Society and International Development // Journal of International Development. 2006. Vol. 18, no. 6. Pp. 835–848. DOI: <https://doi.org/10.1002/jid.1317>
2. Manuel P.Ch., Glatzer M. Faith-Based Organizations and Social Welfare: Associational Life and Religion in Contemporary Western Europe. London: Palgrave Macmillan, 2019. 232 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-77297-4>
3. Papouras P. Faith Through Deeds: Case Studies of a Faith-Based Humanitarian Organization // The Review of Faith and International Affairs. 2016. Vol. 14, issue 1. Pp. 51–57. DOI: <https://doi.org/10.1080/15570274.2016.1145477>

4. Milofsky C., Green B. Re-Building Coal Country: A Church / University Partnership // *Religions*. 2016. Vol. 7, issue 6. P. 75. DOI: <https://doi.org/10.3390/rel7060075>
5. Makris G., Bekridakis D. The Greek Orthodox Church and the Economic Crisis Since 2009 // *International Journal for the Study of the Christian Church*. 2013. Vol. 13, issue 2. Pp. 111–132. DOI: <https://doi.org/10.1080/1474225X.2013.793055>
6. Appleby J. K. The Role of The Catholic Church in Immigrant Integration // *The Review of Faith and International Affairs*. 2011. Vol. 9, issue 1. Pp. 67–70. DOI: <https://doi.org/10.1080/15570274.2011.543621>
7. Yang J. A Christian Perspective on Immigrant Integration // *The Review of Faith and International Affairs*. 2011. Vol. 9, issue 1. Pp. 77–83. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/15570274.2011.543623>
8. Kemper R. V., Adkins J. The World as it Should be: Faith-Based Community Development in America // *Community Building in the Twenty-First Century*. Edited by Stanley E. Hyland. Santa Fe, N.M.: School of American Research Press, 2005. Pp. 71–100. URL: <https://www.amazon.com/Community-Building-Twenty-First-Advanced-Research/dp/193061862X> (дата обращения: 15.04.2019).
9. Adkins J., Occhipinti L., Hefferan T. Not by Faith Alone: Social Services, Social Justice, and Faith-Based Organizations in the United States. Lanham, MD: Lexington Books, 2010. 274 p. URL: <https://www.amazon.com/Not-Faith-Alone-Faith-Based-Organizations/dp/0739146580> (дата обращения: 15.04.2019).
10. Queen E. History, Hysteria, and Hype: Government Contracting with Faith-Based Social Service Agencies // *Religions*. 2017. Vol. 8, issue 2. P. 22. DOI: <https://doi.org/10.3390/rel8020022>
11. Петрова И. Э., Саралиева З. Х. Пожилые в российской негосударственной социальной работе // *Журнал исследований социальной политики*. 2018. Т. 16, № 1. С. 95–108. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2018-16-1-95-108>
12. Snaan R. A., Curtis D. W. Religious Congregations as Voluntary Associations: An Overview // *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. 2012. Vol. 42, issue 1. Pp. 7–33. DOI: <https://doi.org/10.1177/0899764012460730>
13. Ammerman N. *Congregation and Community*. New Brunswick, New Jersey: Rutgers University Press, 1996. 769 p. URL: <https://www.amazon.com/Congregation-Community-Nancy-Ammerman/dp/0813523354> (дата обращения: 15.04.2019).
14. Лункин Р. Н. Русское православие перед лицом социальных вызовов: волонтерство и христианская реабилитация групп риска // *Вестник Пермского университета. Политология*. 2018. № 2. С. 156–171. DOI: <http://dx.doi.org/10.17072/2218-1067-2018-2-156-171>
15. Казьмина О. Е. Служа Богу, помогая ближнему, сотрудничая с государством. Социальная работа христианских организаций США среди беженцев // *Сибирские исторические исследования*. 2017. № 4. С. 149–178. DOI: <http://dx.doi.org/10.17223/2312461X/18/10>
16. Garland D. R., Yancey G. I. *Congregational Social Work: Christian Perspectives*. Botsford, CT: North American Association of Christians in Social Work, 2014. 319 p. URL: <https://www.amazon.com/Congregational-Social-Work-Christian-Perspectives/dp/0971531889> (дата обращения: 15.04.2019).

17. Zigon J. “HIV is God’s Blessing”: Rehabilitating Morality in Neoliberal Russia. Oakland, California: University of California Press, 2010. 280 p. URL: <https://www.jstor.org/stable/10.1525/j.ctt1ppm44> (дата обращения: 15.04.2019).

18. Olarinmoye O. O. Faith-Based Organizations and Development: Prospects and Constraints // *Transformation: An International Journal of Holistic Mission Studies*. 2012. Vol. 29, issue 1. Pp. 1–14. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/0265378811427985>

19. Снаан R. A., Newman E. The Safety Net and Faith-Based Services // *Journal of Religion and Spirituality in Social Work: Social Thought*. 2010. Vol. 29, issue 4. Pp. 321–336. DOI: <https://doi.org/10.1080/15426432.2010.518871>

20. Crisp B. R. *Social Work and Faith-Based Organizations*. London: Routledge, 2014. 186 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315793955>

21. Митрофанова А. В. Социальная работа православных некоммерческих организаций: направления, цели, типология // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2013. № 1. С. 32–43. URL: <http://www.fa.ru/org/div/edition/jgn/Pages/arhiv.aspx> (дата обращения: 15.04.2019).

22. Богатова О. А. Православные некоммерческие организации как механизм трансляции духовно-нравственных ценностей и конфессиональной работы с молодежью (на примере клуба исторической реконструкции и фехтования «Владычный полк») // *Интеграция образования*. 2012. № 4. С. 98–101. URL: <http://edumag.mrsu.ru/index.php/ru/articles> (дата обращения: 15.04.2019).

23. Volunteering in Religious Congregations and Faith-Based Associations / R. A. Snaan [et al.] // *The Palgrave Handbook of Volunteering, Civic Participation, and Nonprofit Associations* / Edited by D. S. Horton, R. A. Stebbins, J. Grotz. London: Palgrave Macmillan, 2016. Pp. 472–494. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-137-26317-9_23

24. Забаев И. В., Орешина Д. А., Пруцкова Е. В. Социальный капитал русского православия в начале XXI в.: исследование с помощью методов социально-сетевых анализа // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2014. № 1. С. 40–66. URL: <http://www.religion.ranepa.ru/ru/node/584> (дата обращения: 15.04.2019).

25. Забаев И. В., Пруцкова Е. В. Социальная сеть православной приходской общины: возможности применения анализа социальных сетей в социологии религии // *Вестник ПСТГУ: Богословие. Философия*. 2013. Вып. 4. С. 120–134. URL: <http://periodical.pstgu.ru/ru/series/issue/1/48/article/2178> (дата обращения: 15.04.2019).

26. Merino S. M. Religious Social Networks and Volunteering: Examining Recruitment via Close Ties // *Review of Religious Research*. 2013. Vol. 55, issue 3. Pp. 509–527. DOI: <https://doi.org/10.1007/s13644-013-0113-6>

27. Забаев И. В., Орешина Д. А., Пруцкова Е. В. Специфика социальной работы на приходах Русской православной церкви: проблема концептуализации // *Журнал исследований социальной политики*. 2013. Т. 11, № 3. С. 355–368. URL: <https://jsps.hse.ru/article/view/3425> (дата обращения: 15.04.2019).

Поступила 14.05.2019; принята к публикации 28.06.2019; опубликована онлайн 30.09.2019.

Об авторах:

Богатова Ольга Анатольевна, профессор кафедры социологии ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), доктор социологических наук, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5877-7910>, bogatovaoa@gmail.com

Долгаева Евгения Ивановна, доцент кафедры социологии ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), кандидат социологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1256-7384>, ewgiv@mail.ru

Митрофанова Анастасия Владимировна, ведущий научный сотрудник Центра политологии и политической социологии Института социологии ФГБУН «Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук» (117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5), профессор Департамента политологии и массовых коммуникаций ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (125993, Россия, г. Москва, Ленинградский просп., д. 49), доктор политических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4123-0550>, avmitrofanova@fa.ru

Заявленный вклад авторов:

Богатова Ольга Анатольевна – сбор, обработка и анализ информации; подготовка и критический анализ текста статьи.

Долгаева Евгения Ивановна – сбор, обработка и анализ информации.

Митрофанова Анастасия Владимировна – сбор, обработка и анализ информации; подготовка и критический анализ текста статьи.

Для цитирования:

Богатова О. А., Долгаева Е. И., Митрофанова А. В. Деятельность социально ориентированных организаций Русской православной церкви: региональные аспекты // Регионология. 2019. Т. 27, № 3. С. 489–512. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.107.027.201903.489-512>

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Clarke G. Faith Matters: Faith-Based Organizations, Civil Society and International Development. *Journal of International Development*. 2006; 18(6):835-848. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1002/jid.1317>

2. Manuel P.Ch., Glatzer M., eds. Faith-Based Organizations and Social Welfare: Associational Life and Religion in Contemporary Western Europe. London: Palgrave Macmillan; 2019. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-77297-4>

3. Papouras P. Faith through Deeds: Case Studies of a Faith-Based Humanitarian Organization. *The Review of Faith and International Affairs*. 2016; 14(1):51-57. (In Eng.) DOI: 10.1080/15570274.2016.1145477

4. Milofsky C., Green B. Re-Building Coal Country: A Church / University Partnership. *Religions*. 2016; 7(6):75. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.3390/rel7060075>
5. Makris G., Bekridakis D. The Greek Orthodox Church and the Economic Crisis Since 2009. *International Journal for the Study of the Christian Church*. 2013; 13(2):111-132. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1080/1474225X.2013.793055>
6. Appleby J.K. The Role of the Catholic Church in Immigrant Integration. *The Review of Faith and International Affairs*. 2011; 9(1):67-70. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1080/15570274.2011.543621>
7. Yang J. A Christian Perspective on Immigrant Integration. *The Review of Faith and International Affairs*. 2011; 9(1):77-83. (In Eng.) DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/15570274.2011.543623>
8. Kemper R.V., Adkins J. The World as It Should Be: Faith-Based Community Development in America. In: *Community Building in the Twenty-First Century*. Edited by S. E. Hyland. Santa Fe, N.M.: School of American Research Press; 2005. p. 71-100. Available at: <https://www.amazon.com/Community-Building-Twenty-First-Advanced-Research/dp/193061862X> (accessed 15.04.2019). (In Eng.)
9. Adkins J., Occhipinti L., Hefferan T., eds. Not by Faith Alone: Social Services, Social Justice, and Faith-Based Organizations in the United States. Lanham, MD: Lexington Books; 2010. Available at: <https://www.amazon.com/Not-Faith-Alone-Faith-Based-Organizations/dp/0739146580> (accessed 15.04.2019). (In Eng.)
10. Queen E. History, Hysteria, and Hype: Government Contracting with Faith-Based Social Service Agencies. *Religions*. 2017; 8(2):22. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.3390/rel8020022>
11. Petrova I.E., Saraliev Z.Kh. The Elderly in the Modern Russian System of Social Work. *Zhurnal issledovanij sotsialnoj politiki* = The Journal of Social Policy Studies. 2018; 16(1):95-108. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2018-16-1-95-108>
12. Cnaan R.A., Curtis D.W. Religious Congregations as Voluntary Associations: An Overview. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. 2012; 42(1):7-33. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1177/0899764012460730>
13. Ammerman N. *Congregation and Community*. New Brunswick, New Jersey: Rutgers University Press; 1996. Available at: <https://www.amazon.com/Congregation-Community-Nancy-Ammerman/dp/0813523354> (accessed 15.04.2019). (In Eng.)
14. Lunkin R.N. Russian Orthodoxy Facing Social Challenges: Volunteering and Christian Rehabilitation of Risk Groups. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya* = Review of Political Science. 2018; (2):156-171. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <http://dx.doi.org/10.17072/2218-1067-2018-2-156-171>
15. Kazmina O.E. Serving God, Helping a Neighbour, and Cooperating with the State. US Christian Organisations' Social Work Among Refugees. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* = Siberian Historical Research. 2017; (4):149-178. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.17223/2312461X/18/10>
16. Garland D.R., Yancey G.I. *Congregational Social Work: Christian Perspectives*. Botsford, CT: North American Association of Christians in Social Work; 2014. Available at: <https://www.amazon.com/Congregational-Social-Work-Christian-Perspectives/dp/0971531889> (accessed 15.04.2019). (In Eng.)

17. Zigon J. "HIV is God's Blessing": Rehabilitating Morality in Neoliberal Russia. Oakland, California: University of California Press; 2010. Available at: <https://www.jstor.org/stable/10.1525/j.ctt1ppm44> (accessed 15.04.2019). (In Eng.)

18. Olarinmoye O.O. Faith-Based Organizations and Development: Prospects and Constraints. *Transformation: An International Journal of Holistic Mission Studies*. 2012; 29(1):1-14. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1177/0265378811427985>

19. Cnaan R.A., Newman E. The Safety Net and Faith-Based Services. *Journal of Religion and Spirituality in Social Work: Social Thought*. 2010; 29(4):321-336. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1080/15426432.2010.518871>

20. Crisp B.R. Social Work and Faith-based Organizations. London: Routledge; 2014. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315793955>

21. Mitrofanova A.V. Social Work of the Orthodox Non-Commercial Organizations: Areas, Goals, Typology. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. Moskva* = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University. 2013; (1):32-43. Available at: <http://www.fa.ru/org/div/edition/jgn/Pages/arhiv.aspx> (accessed 15.04.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

22. Bogatova O.A. Orthohodox Christian Non-profit Organisations as a Mechanism for Translating Spiritual and Moral Values and Confessional Work with Youth (Based on Activities of the Club of Historical Reconstruction and Fencing 'Vladychnyi Polk'). *Integratsiya obrazovaniya* = Integration of Education. 2012; (4):98-101. Available at: <http://edumag.mrsu.ru/index.php/ru/articles> (accessed 15.04.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

23. Cnaan R.A., et al. Volunteering in Religious Congregations and Faith-Based Associations. In: *The Palgrave Handbook of Volunteering, Civic Participation, and Nonprofit Associations*. Edited by D.S. Horton, R.A. Stebbins, J. Grotz. London: Palgrave Macmillan; 2016. p. 472-494. (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-137-26317-9_23

24. Zabaev I.V., Oreshina D.A., Prutskova E.V. Social Capital of the Russian Orthodox Christianity in the Early 21st Century: Applying Social Network Analysis. *Gosudarstvo, religiya, tserkov v Rossii i za rubezhom* = State, Religion and Church in Russia and Worldwide. 2014; (1):40-66. Available at: <http://www.religion.ranepa.ru/ru/node/584> (accessed 15.04.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

25. Zabaev I.V., Prutskova E.V. The Social Network of the Orthodox Parish Community: Possibilities For Applying the Analysis of Social Networks to the Sociology of Religion. *Vestnik PSTGU: Bogoslovie. Filosofiya* = St. Tikhon's University Review. Theology. Philosophy. Religious Studies. 2013; (4):120-134. Available at: <http://periodical.pstgu.ru/ru/series/issue/1/48/article/2178> (accessed 15.04.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

26. Merino S.M. Religious Social Networks and Volunteering: Examining Recruitment via Close Ties. *Review of Religious Research*. 2013; 55(3):509-527. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1007/s13644-013-0113-6>

27. Zabaev I.V., Oreshina D.A., Prutskova E.V. Peculiarities of Social Work at the Russian Orthodox Church Parishes: An Issue of Conceptualization. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoj politiki* = The Journal of Social Policy Studies. 2013; 11(3):355-368. Available at: <https://jsps.hse.ru/article/view/3425> (accessed 15.04.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

Submitted 14.05.2019; accepted for publication 28.06.2019; published online 30.09.2019.

About the authors:

Olga A. Bogatova, Professor, Department of Sociology, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russia), Dr. Sci. (Sociology), ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5877-7910>, bogatovaoa@gmail.com

Evgenia I. Dolgaeva, Associate Professor, Department of Sociology, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russia), Ph. D. (Sociology), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1256-7384>, ewgiv@mail.ru

Anastasia V. Mitrofanova, Leading Researcher, Institute of Sociology Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Bldg. 5, 24/35 Krzhizhanovskogo St., Moscow 117218, Russia), Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation (49 Leninsky Prospekt, Moscow 125993, Russia), Dr. Sci. (Political Science), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4123-0550>, avmitrofanova@fa.ru

Contribution of the authors:

Olga A. Bogatova – collection, processing and analysis of information; writing and critical analysis of the text of the article.

Evgenia I. Dolgaeva – collection, processing and analysis of information.

Anastasia V. Mitrofanova – collection, processing and analysis of information; writing and critical analysis of the text of the article.

For citation:

Bogatova O.A., Dolgaeva E.I., Mitrofanova A.V. Activities of the Socially Oriented Organizations of the Russian Orthodox Church: The Regional Aspects. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2019; 27(3):489-512. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.107.027.201903.489-512>

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Универсалии и уникалии обрядовой культуры: природо- и человекообразность традиционного

Г. С. Попова

*ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет
им. М. К. Аммосова» (г. Якутск, Россия),
gs.popova@mail.ru*

Введение. В статье рассматривается состояние сохранности универсальных и уникальных компонентов в структуре традиционной обрядовой культуры якутов по самоназванию саха (sakha), что актуально в современном социуме, функционирующем в условиях прогрессирующих процессов урбанизации и глобализации. Целью статьи выступает изучение обрядовой традиции саха с точки зрения принципа человекообразности культуры и структурирование этого пласта этнической культуры в соответствии с тремя субстанциями духа, души и соматики человека.

Материалы и методы. Работа выполнена на основе культурологической методологии с использованием методов включенного наблюдения, сопоставительного анализа и обобщения результатов прикладных исследований и полевых материалов автора.

Результаты исследования. Автором установлены и отструктурированы элементы целостной девятичерной системы универсалий обрядовой культуры якутов (саха). Выявлено, что данные элементы традиционной культуры в целом сохранены и в разной степени активности функционируют в современном этносоциуме. Подтверждено, что в зависимости от внутренних и внешних факторов культурогенеза эти компоненты в разное историческое время могут активизироваться либо уходить в тень, отчуждаться от народа, но то, что единожды создано в культуре, никогда не исчезает, а сохраняется в культурной памяти народа. Доказано, что последнее произошло и с обрядовыми традициями саха, когда в постсоветское время стало возможным в открытую совершать как праздничные, так и повседневные обряды и по внутренней потребности естественным образом соблюдать обычаи предков.

Обсуждение и заключение. Обряды исторически сформированы этническими сообществами в целях природосообразного существования и благополучной жизнедеятельности на данном культурном ландшафте, а также как необходимые компоненты внутренней культуры личности. Работа практически значима для проведения структурно-функционального анализа и диахронно-синхронного изучения современного бытования обрядовой культуры любого этноса.

Ключевые слова: универсалии, уникалии, культурогенез, функции культуры, этническая культура, традиционные обряды саха

© Попова Г. С., 2019

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Universals and Particulars of Ceremonial Culture: Natural and Human Congruity of the Traditional

G. S. Popova

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University (Yakutsk, Russia)
gs.popova@mail.ru

Introduction. The article discusses the state of preservation of universal and unique components in the structure of the traditional ceremonial culture of the Yakuts (who call themselves the Sakha), which is relevant in the modern society operating in the context of progressing processes of urbanization and globalization. The purpose of the research is to study the ceremonial traditions of the Sakha from the point of view of the principle of human congruity of culture and to structure this stratum of ethnic culture in accordance with the three substances of the spirit, soul and somatics of man.

Materials and Methods. The work was carried out on the basis of cultural methodology using the methods of included observation, comparative analysis and generalization of the results of applied research and the author's field materials.

Results. The author has established and structured the elements of an integral no-venary system of universals of the ceremonial culture of the Yakuts (Sakha). It has been revealed that these elements of traditional culture are generally preserved and function in a modern ethno-society to different extents of activity. It has been corroborated that, depending on the internal and external factors of cultural genesis, these components can be activated or pushed into the shadows, alienated from the people at different historical times; but something once created in a culture never disappears but remains in the cultural memory of the people. It has been proved that the latter happened to the ceremonial traditions of the Sakha, when in the post-Soviet time it became possible to openly perform both festive and daily rites and naturally follow the traditions of the ancestors when a person feels the need to do so.

Discussion and Conclusion. Rites are historically shaped by ethnic communities for the purpose of naturally congruent existence and prosperous life in a given cultural landscape, as well as necessary components of the inner culture of the individual. The work is of practical significance for the structural and functional analysis as well as diachronic-synchronous study of the modern existence of the ceremonial culture of any ethnic group.

Keywords: universals, particulars, cultural genesis, functions of culture, ethnic culture, traditional rites of the Sakha

Введение. Компоненты обрядовой культуры рассматриваются в данной статье в делении их на универсальные и уникальные: первые – для всех этносов мира, вторые – для каждого отдельного этноса. Например, бесписьменная безавторская обрядовая культура народа саха (sakha), пройдя через тысячелетия, донесена народом до наших дней и в определенной степени функционирует в современном якутском этносоциуме, который неуклонно и быстрыми темпами разделяется на городское и сельское население. Последняя социальная группа носит название *tya sirin d'ono-sergete*, что определяет место их поселения как

лесное, таежное. Данная группа заметно стремится в город, в деревнях остается жить старое поколение. Молодые семьи неохотно селятся в улусах и избегают содержать домашний скот. Известно, что обрядовая культура основана и развивается народом ради природосообразной жизнедеятельности и труда, что в городских условиях благоустроенности теряет свою первостепенность – городской житель даже не знает с какой стороны горизонта поднимается солнце, а жители сел и деревень до сих пор по утрам поворачиваются лицом на восток и поклоняются солнцу. Это объясняется не только их близостью к природе, а тем глубинным актуальным для них знанием зависимости их жизненного благополучия от природных стихийных сил. Выполняя обрядовое действие, человек программирует себя на правильное по отношению к природе поведение. Как отмечают А. И. Архипова и Г. Н. Варавина, «древние культы Матери-природы, солнца, огня, безусловно, имеют древнейшие корни и до сих пор оказывают существенное влияние на духовную и материальную культуру коренных народов Севера» [1, с. 165].

Универсальность обрядовой культуры мира выступает той точкой соприкосновения человека и природы, которая подводит исследователя к пониманию механизмов сохранения всей культуры, изначально природосообразной. Уникальность этой традиционной культуры раскрывает многообразие локальных культур, возникших на определенном природном, кормящем ландшафте региона и обогащающих мировую культуру. Это удивительное сочетание двух противоположностей – универсальности и уникальности – делает обрядовую культуру народов интереснейшим предметом научных изысканий. Данное исследование продиктовано актуальностью практического сохранения традиционной культуры малочисленных народов северных регионов. Утеря обрядовой культуры выступает верным симптомом необратимых трансформаций в традиционной культуре. Необходимо изучение состояния сохранности и перспектив дальнейшего функционирования универсальных и уникальных компонентов в структуре традиционной обрядовой культуры.

Новизной научного решения проблемы изучения и сохранения обрядовой культуры является структурирование универсальных обрядов согласно триединой сути человека в привязке к самому человеку – это позволяет видеть в обрядах не только природосообразность, но и человекообразность. Последнее вдвойне усиливает аргументированность необходимости сохранения обрядовой части культуры. Два начала культуры – природное и человеческое – отражаются и в этой составляющей культуры. Следовательно, данная работа будет полезна как в теоретическом, так и в практическом аспектах не только культурологам, этнографам, но и педагогам, социологам, психологам, т. е. всем, кто занимается человековедческими науками.

В процессе исследования рассмотрены труды современных исследователей северного региона (А. И. Архиповой, Г. Н. Варавиной, А. Н. Варламова, Р. Г. Марусевой, А. Н. Фроловой и др.), но в них можно найти описание и некоторую степень классификации обрядов по тем или иным внешним признакам, мы же вводим в научный оборот использование классификации обрядовой культуры согласно якутскому натурфилософскому учению о трех субстанциях человека под названием *kut*, соответствующих духу, душе и соматике человека. Таким образом, к известной в науке природосообразности обрядовой культуры мы в качестве углубления ее смысла присовокупляем еще один существенный принцип, признак и основание для научной классификации – это человекообразность обрядов. Осознание этого основания позволяет на практике более эффективно осуществлять процесс ревитализации исчезающей обрядовой культуры – к общеизвестным призывам сохранить мать-природу прибавляется призыв к самосохранению, сохранению человека разумного (*Homo sapiens*).

Работа выполнена на примере этнокультуры саха, но вполне может служить материалом для изучения любых других культур больших и малых народов мира. Целью работы выступает актуализация и структурирование универсалий и уникалий обрядовой традиции в соответствии с принципами человеко- и природосообразности культуры и рассмотрение ее современного бытования на примере этноса саха.

Обзор литературы. Общее в культурах народов мира было обнаружено в разное время в исследованиях И. Канта, И. Гердера, Э. Тэйлора, Т. де Шардена, К. Ясперса, А. Тойнби, К. Леви-Стросса, что затем легло в основу науки культурологии. Позднее явление общего в культурах мира приобрело большую актуальность и было изучено в России В. С. Соловьевым, Н. А. Бердяевым, П. А. Сорокиным, М. С. Каганом и др. Аспекты культурных универсалий рассмотрены А. С. Карминым, П. С. Гуревичем, В. С. Поликарповым, Е. В. Мареевой и др. Не будет преувеличением сказать, что только благодаря существованию культурных универсалий возможно теоретическое изучение объективных закономерностей развития культуры.

В. С. Степин говорит о так называемых культурных, мировоззренческих универсалиях, систематизирующих и аккумулирующих человеческий опыт. Культурные универсалии являются онтологическими и экзистенциальными константами человеческого существования [2, с. 9]. Универсалии культуры есть априорное наследие культурной памяти, проективно определяющей работу механизмов духовного преемства [3, с. 237]. А. В. Павловская исходит из идеи единства развития человечества на определенных исторических этапах развития, а также возможности возникновения единых базовых традиций независимо друг от друга в разных регионах, под

влиянием особенностей схожей хозяйственной деятельности, во многом определившей и мировосприятие [4, с. 64]. Методология культурологии в отечественной науке после долгих споров находит свое русло, и здесь можно определить вполне серьезное обоснование для культурологических исследований [5; 6].

Ю. Н. Триль рассмотрела наиболее значительные теоретические выводы об обрядах, традициях, обычаях и ритуалах зарубежных философов разных эпох и российских исследователей, сделала обзор по всей обозримой истории науки в целом, охватывая длительный период с древности до нашего времени [7]. В Новое время об указываемом предмете писали Т. Гоббс, К. А. Гельвеций, Г. Гегель, Г. Гердер, далее – философы эпохи Просвещения Ж.-Ж. Руссо, Д. Дидро, позднее – последователи мифологической школы. В. Маннхардт, Дж. Дж. Фрэзер, В. Вундт в свое время создали господствующую концепцию культурно-исторического познания «духа» различных этнокультурных общностей. В. Робертсон-Смит связывал обряд с мифом. Ритуалы и обряды чаще всего рассматриваются как категории поведения в «далеких» культурах (прежде всего архаических и традиционных), определяются как «форма коллективного сознания первобытного человека», а также как «правила поведения, которые предписывают, как человек должен себя вести в присутствии священных объектов»: смысл обряда надо искать не в нем самом, а в порождающем его обществе (Э. Дюркгейм); считается, что в них закреплены «дологические “коллективные представления” о картине мира» (Л. Леви-Брюль); определяются как «религиозная практика» (У. Робертсон-Смит), как «средство общения с духовными существами или воздействия на них» (Э. Б. Тайлор).

Структуралист А. Р. Радклифф-Браун сформулировал поиск истоков обряда в отношениях человека к природе и в структуре общества. А. ван Геннеп рассматривал обряды как сопровождение перехода от одного к другому, его взгляды легли в основу теории функционализма Б. К. Малиновского, который объяснял каждый обряд логически. Структуралисты в лице К. Леви-Стросса искали в обряде выражение универсальных логических законов, относя его к сфере мышления, а не эмоций. Его последователи Э. Линч, В. Тернер, Т. Парсонс углубили понимание обряда эстетико-информационной и функциональной нагрузкой. Таким образом, обрядовая культура выступает неотъемлемым компонентом системы общественных отношений, обеспечивающим ее устойчивость. Это своего рода тигль, сценарий будущего успешного действия, в чем и коренится универсальность обрядовой культуры.

В наши дни об обрядовой культуре народов мира и о теории ритуала пишут многие авторы (А. Карри, Б. Р. Уорник, Н. Буавен, К.-Ч. Нам, Ч. Йо, М. Ли и др.), но никто с этой стороны не затрагивает народы

России, тем более народы Севера. А. Карри в целом раскрывает истоки ритуала [8, с. 278–280].

Новые аспекты исследования традиции в России появились лишь в конце XX в. в трудах С. Н. Артановского, С. А. Арутюнова, Н. С. Злобина, В. А. Малинина и др. Культурологи, этнографы, фольклористы, искусствоведы обратились к изучению празднично-обрядовой культуры (М. М. Бахтин, Т. А. Бернштам, В. Е. Гусев, А. С. Каргин, А. Ф. Некрылова и др.). Также во всех этнических культурах авторы обращают особое внимание на изучение корневых традиций одного конкретного народа. Так, С. Н. Скоринов изучал историю обрядовой культуры нивхов, Г. А. Корнишина – структуру, субъекты, основные компоненты традиционно-обрядовой культуры в системе мордовского этноса, Н. Б. Дашиева – календарь и календарную обрядность в традиционной культуре бурят, А. С. Московкина, О. Я. Жирова – традиционную празднично-обрядовую культуру русских на примере Белгородчины в современной социокультурной среде региона, С. А. Попова – мансийские календарные праздники и обряды, Н. Р. Азизова – традиционно-обрядовую культуру локальных этнических групп в современной России на примере юртовских татар, А. А. Клопыжникова – локус обрядовой культуры Древней Руси.

Е. Л. Головлева определяет обрядовую культуру как «совокупность знания обрядов и их значения и практики обрядовых действий, а также их включенность в повседневную жизнь. Она содержит вербальную и невербальную составляющие, которые выражаются в обрядовом поведении, обрядовых жестах, обрядовом фольклоре (вербальные тексты, пение, музыка, танцы), материальных компонентах обряда» [9].

Известно, что все созданное природой двоично/дуально в естественной бинарной оппозиционности¹. На основании изучения народной культуры можем утверждать, что целостность в культуре в отличие от природы неизменно девятерична, и объяснение этого явления коренится в естестве вещей – все, что создано человеком, тринарно, оттого в целости своей девятерично. Человек по сути своей собран из трех субстанций (называемых у саха словом *kut*), которые при жизни содержатся соответственно в его духе, душе и теле и в таком единстве обеспечивают их жизненность. Духовное, нравственное и соматическое в человеке в свою очередь также тройственно, отсюда человек в целостности своей природы девятеричен. В своем исследовании триединства в духовной культуре этноса мы показали трижды девять подобных структур на примере саха, а также различили дуальность в природе и тринарность в культуре [10]. Если взять в качестве предмета исследования обрядовые

¹ Леви-Стросс К. Мифологии: Сырое и приготовленное. 2006. М.: Флюид, 399 с.

традиции быта, то и здесь можно обнаружить девятёричность, притом универсальную. Л. В. Узунова указывает девять культурных универсалий в обрядово-праздничной традиции мира, которые называет компонентами в конструкции данных традиций, ограничиваясь их перечислением и описанием [11].

В ходе многолетних наблюдений и специального исследования обрядовой традиции саха можем заметить, что исторически еще не оформлена так называемая высокая традиция, присущая городскому населению². Это происходит в силу того, что города в Якутии возникли только в XVIII в., и городская субкультура в области народного верования еще не оформилась до указанного типа. Народная обрядовая традиция саха сохранила свою автономность и может быть охарактеризована как низкая, несмотря на более чем трехвековое соседство с православным христианством. В научной среде издано много трудов по этнографии обрядов (А. И. Гоголев, А. Е. Кулаковский, Г. В. Ксенофонов, С. И. Николаев, А. А. Саввин и др.), однако в якутской науке на наличие универсалий в обрядовой традиции не обращено еще должного внимания. Большинство авторов при малейшем обнаружении сходных элементов культуры односторонне склоняются к гипотетическому утверждению о южном происхождении и не более того.

Материалы и методы. Как указывает У. Джеймс, «религиозный опыт достигается с помощью внутреннего освобождения, обряд вторичен по отношению к религиозному опыту, который в свою очередь единообразен у представителей различных религий»³. На основе междисциплинарного гуманитарного методологического подхода с использованием включенного наблюдения, сопоставительного анализа и обобщения результатов прикладных культурологических исследований с применением структурно-функционального, синхронного и диахронного анализов изучено состояние сохранности, степень функционирования универсальных компонентов обрядовой культуры саха. Широко использован проектно-программный метод и опыт многолетней практической деятельности автора по воссозданию, ревитализации традиционной духовной культуры в наслегах и улусах Республики Саха (Якутия) Российской Федерации – Момском, Абыйском, Мегино-Кангаласском, Чурапчинском, Намском и др., где под научным руководством автора реализовываются инновационные программы по воссозданию природосообразной жизнедеятельности социума согласно годичному циклу традиций народа как естественной среды выращивания творческой личности человека (sakha aiyyu kisite). Объектом исследования выделена обрядовая культура, а предметом –

² Арутюнов С. А., Рыжакова С. И. Культурная антропология. М.: Весь мир, 2004. С. 17–18.

³ Джеймс У. Воля к вере. Пер. с англ. М.: Республика, 1997. 431 с.

структурирование универсальных и уникальных компонентов обрядовой традиции, в данное время функционирующих в этнической культуре саха.

Результаты исследования. С целью установления внутренней взаимосвязи обрядовой культуры произведено структурирование ее универсальных компонентов и указана их функциональная направленность. Культурология отличается от всех гуманитарных наук тем, что выявляет воздействие тех или иных феноменов культуры на самого человека, в этом состоит ее прагматичность. «Традиции, обряды, обычаи предков – это те корни, без которых человек теряет духовную опору в жизни, а ведь не секрет, что сила рода, этноса, нации – источник жизни человека и поэтому сохранение древних обычаев и традиций до настоящего времени – это основа воспитания, стойкости этноса, умения выжить при любых жизненных обстоятельствах» [12]. Указанные Л. В. Узуновой девять компонентов обрядовой культуры упорядочены нами в соответствии с триединой субстанциональной сущностью человека (*kut*), в результате чего получена следующая содержательная последовательность:

1. Календарные и этнометеорологические компоненты
2. Мантика и космогенезис
3. Мифология и мифологические персонажи
4. Символика, семиотика и народное искусство
5. Фольклорные компоненты
6. Народные истоки этикета
7. Поверья и обычаи семейной жизни
8. Национальная кухня и обрядовая пища
9. Обрядовые игры и народные потехи.

Полученная последовательность доказывает верность составляемой классификации обрядовых универсалий, присущих любому народу. Остановим внимание на объективном факте процесса культурогенеза, заключающемся в том, что во всех культурах мира удивительным образом существуют универсальные процессы, явления и предметы, т. е. знаки. Данные универсалии отнюдь не говорят ни о всемирном переселении народов, ни о перенятии их друг у друга. Мы считаем культуру саха исконно северного типа уникальной культурой.

Итак, первые три указанных выше универсальных компонента обрядовой традиции направлены на удовлетворение потребностей интеллектуально-духовной сути человека (саха называют эту субстанциональную суть *Ije Kut*) и функционально воздействуют на нее следующим образом:

- направляют и регулируют жизнедеятельность человека согласно ходу солнца, луны, звезд в космосе и метеорологическим изменениям на Земле;
- согласовывают интеллектуально-духовную жизнь человека с космогоническими знаниями народа и норматируют ее по законам Творения / божественным нормам истины;

– дают человеку доступ к истинам мифологии и идентифицируют Ije Kut человека с соответствующими архетипами мифологии.

Поистине Дух, что приходит к человеку Свыше от Белого света, направлен к его духу и разуму. Это убеждение человека религиозного (*Homo religiosus*) живо и поныне в каждом, подтверждаясь заново его религиозным опытом.

Следующие три универсальных компонента обрядовой культуры направлены к нравственно-этической сфере человека, к его душе – *Salgyn Kut*, что доказывается их специфическим функциональным воздействием:

- способствуют межпоколенной трансляции, использованию и соблюдению символики и семиотики народного искусства;
- вызывают эстетическую потребность в народном пении-сказании и тем самым создают обрядовый фольклор;
- питают и создают народные истоки этикета, вызывают у человека добровольное соблюдение этических норм и получение удовольствия от последнего.

Последняя тройка из приведенных девяти компонентов целостной структуры традиционной обрядовой культуры удовлетворяет материальные, физиологические, чисто житейские потребности человека, что направлено к его соматической сущности *Vuog Kut*:

- вызывают у человека потребность соблюдать поверья и обычаи семейной жизни, что обеспечивает самосохранение как человека, так и человеческого рода;
- национальная кухня и обрядовая пища пробуждают у человека непреходящее желание периодически вкушать родную натуральную пищу, испить родниковую воду, тем самым обеспечивают человеку физическое здоровье, очищение тела и духа;
- обрядовые игры и народные потехи направлены на общее оздоровление, закаливание тела, облегчение/осветление духа человека.

Действительно, как отмечает Н. Буавен, «в определенные моменты времени и материальная культура, и определенные ритуальные действия, ориентированные на опыт, могут изменить мышление и понимание человека, непосредственно связав его с опытом материального мира, окружающей среды, тела и эмоций человека» [13, с. 266–287]. Понятно, что автор в первую очередь имеет в виду соматику человека (*Vuog Kut*).

Исходя из сказанного, отметим практическую необходимость сохранения целостности структурных элементов и функциональной целостности традиционной обрядовой составляющей каждой этнической культуры.

Далее приведем анализ сохранности универсальных компонентов обрядовой культуры саха. При этом воспользуемся собственными теоретическими и практическими знаниями, синхронным и диахронным

анализами предмета исследования, а также многолетним опытом прикладного изучения и программно-проектного воссоздания/реконструкции традиционной духовной культуры родного народа [14; 15].

1. Календарная обрядовая культура саха в годичном цикле жизнедеятельности народа описана достаточно полно и в целом функционирует жизнеспособно⁴. Однако в данном случае наблюдается то же самое, что отмечено у Дж. Фрэзера, – языческие календарные праздники, обрядовые даты заменены и вытеснены православными христианскими⁵. Как указывают А. Е. Кулаковский, С. И. Николаев-Сомоготто, это происходило в целях массовой христианизации местного населения и постепенно вошло в быт коренных народов якутского края⁶. На самом же деле традиционные календарные обряды соответствуют местным природным особенностям и подчинены годичному ходу северного полушария планеты и северного полушария звездного неба. Новый год у саха начинается с 22 мая, когда домашний рогатый скот переходит на подножный корм, из вечной мерзлоты проклевывается первая зелень и соответственно становится возможным выпас скота – *Kiuekhkhe iuk-tenii*. Сенокос начинается 12 июля – *Okko kiirii*, поскольку в это время травостой созревает для заготовки на зиму. 14 сентября якутская семья переезжает в зимник – *Kustykka kiirii*, потому что земля начинает замерзать на долгую северную зиму. 1, 12 и 24 февраля отмечаются дни, связанные с рогами мифологического быка зимы, – *Tumnuu ogusun tuosa*. 22 марта конные якуты переселяются в весенние стоянки кобылиц *Saasyug* присматривать за процессом появления на свет нового приплода конного скота. Естественно, каждый из этих жизненно важных случаев сопровождается исполнением специальных языческих обрядов поклонения духам местности, плодородия, божествам *Aiyyu*, которые за их важностью для жизнеобеспечения сохранены народом в целостности. Между указанными календарными обрядами существует множество других бытовых, но названия большинства утеряно. Поскольку *Aiylyuu* (Сотворение) и *Arylyuu* (Откровение) выступают стержневыми моментами в любой религии, восстановление самоназвания феноменов этнокультуры, несомненно, поможет восстановлению сакрального смысла обрядов.

⁴ Гоголев А. И. Календарный обрядовый цикл у якутов // История XX века: Якутия в контексте всемирной истории. Якутск, 2001. С. 85–100; Попова Г. С. Этнический календарь в образовательной деятельности // Этнокультурное образование в Дальневосточном федеральном округе Российской Федерации: коллектив. моногр. Якутск: Медиа-холдинг «Якутия», 2015. С. 330–338.

⁵ Фрэзер Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. Пер. с англ. М.: Политиздат, 1980. 831 с.

⁶ Кулаковский А. Е. Научные труды. Академия наук СССР. Сибирское отделение. Якутский филиал Ин-та языка, литературы и истории. Якутск: Якутское книжное изд-во, 1976. 482 с.; Николаев-Сомоготто С. И. Два язычества саха. Якутск: Якутский край, 2007. 60 с.

Последнее же имеет не только духовно-сакральное, но и утилитарное, здоровьесберегающее значение.

2. У саха бытуют свои гадания – Tangkha, которые ежегодно в урочное время (в январе) становятся весьма популярны и сохранены со времен их описания в первых научных трудах представителей самих саха⁷. Также большую востребованность в современном социуме имеет восточный гороскоп. Причиной этого социального явления выступают обывательский интерес народных масс к таковой информации и пропагандистские цели мировых религий. Традиционные знания саха по мантике и космогенезису практически не используются современными представителями этноса. Гадания Tangkha проводятся как в быту, так и централизованно во вновь созданных центрах духовной культуры под названиями Archy D'iete, Aiyy D'iete, Sakha balagana, которые построены и функционируют за счет бюджетных средств. Наряду с государственными имеются и частные постройки по типу якутской юрты, стилизованной под храм и оснащенной современными удобствами, где энтузиасты из народа совершают языческие ритуально-обрядовые действия.

3. Интерес якутов к мифологии и мифологическим персонажам традиционно высок, но и здесь достаточно много перенятого у других культур. Персонажи от домового, лешего, Бабы Яги до еретиков и Азраилов проникли даже в тексты эпоса olongkho. Однако охотники и рыбаки-промысловики, скотоводы продолжают верить в духов Ichchi четырех природных стихий: огня, воды, земли и камня/железа. Так, в быту на слуху дух охотничьих угодий Baianai, дух водных стихий Ebe ichchite, дух хозяйки местности Sir-doidu ichchite, духи гор Khaia ichchilere (горы местные жители северных улусов называют камнями taas) и др. Дух домашнего очага Uot ichchite никогда не отчуждался от якутов: как были якуты огнепоклонниками, так и продолжают оставаться ими – без огня в Якутии не прожить и дня как зимой, так и летом. Культуру обращения к духам ichchi стремятся воссоздать современные последователи религиозного учения народа саха – Aiyy iuerege⁸.

4. Символика и семиотика народного искусства воскресли в памяти народа в первые постсоветские годы. Однако со временем здесь начинает проявляться самодельность со стороны народных мастеров – у них часто наблюдается желание сочинять узоры и орнаменты, а также чрезмерное увлечение витиеватостью линий. В сфере религиозности стали возникать ранее не существовавшие знаки и символы, нарушения канонов традиционной семиотики⁹. Также наблюдается изображение

⁷ Кулаковский А. Е. Научные труды.

⁸ Афанасьев-Тэрис Л. А. Иччилэр = Духи. Якутск: Бичик, 2013. 96 с. (на якут. яз.)

⁹ Неустров Б. Ф. Мандар Уус. Узоры и орнаменты саха. Якутск: Бичик, 2010. С. 114; 132. (на якут. яз.)

объектов живой природы в натуральном виде, что в традиции считалось недопустимым – их якуты как и все северные народы изображали только символически. Удивляет нескритичность специалистов – искусствоведов, культурологов, которых подобное нарушение традиции почему-то умиляет¹⁰. Видимо, в этом направлении и появятся авторские изобретения, со временем способные превратиться в «высокую» традицию, считаемую искусством. Однако, как справедливо отмечают казахские исследователи, изучающие символику празднично-обрядовой культуры, «они напоминают разрозненно собранные драгоценности, назначение которых неизвестно собирателю. Они приобрели ценность констатации бытия, а не осознанным осмыслением происходящего явления. Потеря факта “узнавания” ритуальных действий в обрядах и праздниках привела к обрыву нити “культурной памяти“, а отсюда и ее преемственности» [16, с. 259]. Подобное наблюдается и у якутов.

5. Обрядовый фольклор саха имеет свой строгий канон, который в народе широко известен и исполняется строго к месту и ко времени. Также имеется обрядовый канон, сопровождающий обязательные песенные монологи эпического текста *olongkho*. Последний назван А. П. Решетниковой «эпической обрядностью»¹¹ [17, с. 29]. В исполнении песенных благословений (*algyus*) также наблюдается активное сочинительство и путание их функциональных назначений. Даже специалисты-фольклористы пытаются создавать свои мотивы *algyus*. Эти «сочинения» при внимательном изучении часто оказываются заимствованиями у других народов, чаще всего тунгусо-маньчжурских этнических сообществ, бурятов и монголов. Естественно, не всякому удастся сочинить действительно новое. В обрядовом фольклоре саха проводится достаточно много серьезных научных исследований, и соблюдение традиций в данном страте культуры вполне доступно и достижимо¹².

6. Народные истоки этикета якутов имеют строгую логичность и четко отструктурированы, что достаточно полно отражено в монографическом исследовании профессора Б. Н. Попова¹³. Даже в памяти нашего поколения народный этикет строжайше соблюдался. Однако с переходом на рыночные отношения этот норматив культуры также на удивление быстро претерпевает нежелательные изменения [18]. Первое, что беспокоит, это негативное изменение отношения человека к природе; второе – это разрушение гендерного аспекта в культуре. Раньше, если мужчина смотрел

¹⁰ Чусовская В. Знак Солнечного племени Айыы // Полярная звезда. Литературно-художественный, общественно-политический журнал Правительства РС(Я). 2018. № 1. С. 89–91.

¹¹ Решетникова А. П. Фонд сюжетных мотивов и музыка олонхо в этнографическом контексте. Якутск: Бичик, 2005. С. 68–72.

¹² Обрядовая поэзия саха (якутов). Новосибирск: Наука, 2003. 512 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 24.)

¹³ Попов Б. Н. Изменение семьи у народов Якутии. Якутск, 1994. 138 с.

вверх, то женщина смотрела вниз – это было необходимо для гармонии, для того, чтобы смотреть в оба, а не из-за неравноправия женщины и мужчины, как считалось до недавнего времени. Великие Бабушки (Uluu Ebeler), Святые Дедушки (Ytyk Eseler), Мать Земля (Ije Sir), Отец Небо (Aga Khallaan) – по уважительному отношению к этим Величествам воспитывалась высокая нравственность подрастающего поколения. Эту функцию естественным образом выполняла утрачиваемая обрядовая культура, а современное сугубо словесное воспитание и совершенно нерелигиозное по своей сути поведение не в силах это восполнить.

7. Поверья и обычаи семейной жизни также до недавнего времени активно бытовали в якутском социуме. Казалось бы, с возрождением обычая ставить коновязь (serge) на свадьбы, строить традиционное жилище (balagan) дверью на восток, оснащать внутреннее убранство жилья традиционным интерьером традиции вернутся в культуру повседневности саха. Однако у большинства городского населения наблюдается тенденция содержать все это в качестве экзотики, бездуховного вещицзма. Те же, кто стремится вернуться назад к природе, понимают глубокий смысл семейных обрядов и отправляют их действительно аутентично, помогая другим погружаться в эти формы и испытывать иерофанию [15]. «Бытовые обрядовые традиции не смогли уничтожить ни запреты, ни урбанизация, ни растущий уровень информатизации общества. Адаптивные свойства национальной культуры, являющейся духовным опытом жизни, оказались сильнее, чем можно было предположить. Например, возрожденные в недавние годы народные праздники, ныне ежегодно проводимые в различных регионах Сибири и Дальнего Востока, структурно мало чем-либо отличаются от древних праздников»¹⁴. Надо помнить, что время и общество оставляют свой отпечаток на всем. Согласимся со словами А. Н. Фроловой: «Существует прямая зависимость между сохранением праздничных традиций, исполнением ритуалов, танцев, игр и единством народа. Утрата национальных основ делает праздник беззащитным перед натиском коммерциализации, что приводит к бездуховности, потере интереса к культурным традициям» [19, с. 369].

8. Национальная кухня и обрядовая пища якутов достаточно глубоко изучены¹⁵ [20; 21]. О значении обрядовой пищи в целом справедливо отмечают зарубежные авторы: «Успех в понимании культуры других

¹⁴ Варламов А. Н. Обрядовая культура народов Севера: традиции и современность [Электронный ресурс]. URL: http://scjournal.ru/articles/issn_1993-5552_2009_12-2_07.pdf (дата обращения: 24.05.2019).

¹⁵ Саввин А. А. Пища якутов до развития земледелия (опыт историко-этнографической монографии). Кумыс: производство, технология изготовления и хранения: (переиздание отрывков из глав) / сост. А. Е. Захарова. Якутск, 2016. 60 с.; Николаев С. И. Пища якутов: (в свете соседних культур). Якутск: Якутский край, 2010. 168 с.

стран или этнических групп заключается в понимании их ритуалов в обычаях потребления продуктов питания» [22]. У якутов к обрядовой пище в первую очередь относится кумыс и другие молочные блюда, называемые «белой» пищей. Из мясных продуктов особо ценится жеребьячье, кобылье мясо, сердце, печень – «черная» обрядовая пища. Многие в данное время возрождаются, превозносятся, ценятся и дорого продается, но национальный напиток кумыс из кобыльего молока еще никак не может вытеснить занявший его место алкоголь. Есть лишь немногие начинания, слабо поддерживаемые государством: например, под нашим научным руководством в Детском туберкулезном санатории № 1 г. Якутска больным детям с 2010 г. назначают народную кумысотерапию, что одобрено на всероссийском уровне. Традиционное скотоводство и земледелие способны возродиться при сопровождении обрядовых праздников национальной кухней. Способы преподношения угощения духам скотоводства, охоты, духам местности, духу огня – *n'umaat*, *mann'a* – широко и повсеместно используются и ныне. Перевод на русский язык этих способов этнографами как «кормление» не соответствует смыслу совершаемых обрядов. Кормят собак и скот, а духов *ichchi* коленапреклонно угощают. Смысл угощения в зависимости от ситуации может заключаться либо в благодарении за содеянное (*n'umaat*), либо в предварительном возмещении несомых затрат (*mann'a*).

9. Обрядовые игры и народные потехи призваны закреплять полученное традиционное религиозное обучение. Игровая культура саха изобилует обрядовыми видами игр¹⁶ [23]. Это *D'oluo tardar* (Притягивание удачи), *Aiyysyt tardar* (Притягивание божества деторождения), *Iejekhsiti ergiter* (Обращение к божеству благоденствия), *Aiyysyty taarytar* (Приглашение божества деторождения), *Seerkeen Sesengnge kyttyssynnarar* (Приобщение к духу мудрости) – игры, которые помогают приобщить детей и молодежь к технологии благополучного жизнеустройства, благоденствия на лоне родной природы. Также многие игры в данное время используются в качестве физических упражнений и состязаний во время обрядовых действий: *Baianai tardar* (Притягивание внимания духа охоты), *D'esegei ogotun iutiugiunnerer* (Подражание конному скоту), многие игры произошли от трудовой деятельности и в современном социуме заменяют физический труд [23; 24, с. 25–31]. Эти игры распределены помесячно по ходу годового цикла природы, а их творческое начало соответствует идеям божеств *Aiyu*, ежемесячно по очереди приближающих свое воздействие к жизненному пространству саха. Народные игры спасают современных детей от увлечения азартными видами игровой

¹⁶ Карасева Г. И. Национальная игра как фактор формирования этнокультурной идентичности коренных народов Республики Саха (Якутия): автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2012.

деятельности, в том числе компьютерными играми. Дети любят играть в народные игры вместе со взрослыми членами своей семьи – в этом также проявляется традиционность обрядовой культуры.

Как утверждает современный знаток и носитель культуры эвенков и патриот своего народа А. Н. Варламов, «естественным основополагающим фактором степени сохранности традиционного мировоззрения и связанного с ним комплекса ритуальных действий является среда, в которой существует этнос. Обряды коренных народов Севера тесно связаны с мировоззрением, являясь способом организации жизненного процесса. Обусловленное верованиями поведение было всегда осмысленным для человека, живущего в тесном контакте с природой»¹⁷. Б. Уарник считает, что ритуалы «служат для предотвращения сомнений в ценностях, которые передает эмоциональность культуры» [25, р. 57–74]. Также и Е. А. Татаринцева выражает надежду на возвращение в жизнь празднично-обрядовой культуры в современных условиях [26]. Подобного рода оптимистичные и одновременно обоснованные утверждения и собственный опыт работы вселяют уверенность и надежду на результативность научно-практических путей решения обсуждаемых здесь проблем.

Обсуждение и заключение. Наше структурирование согласно принципу человекообразности выявило необходимость дальнейшего использования универсальных компонентов обрядности, обнажив их прямую направленность на удовлетворение триединых потребностей человеческой сути. Мы считаем убедительным фактом, что обрядовая культура выполняет для человека жизненно необходимые функции с помощью своих универсальных и одновременно уникальных компонентов. Этот аспект результатов исследования выступает как новизной, так и дополнением наших ранних исследований в этом направлении. Последнее также касается и разработок других авторов относительно этнокультуры саха.

Целесообразность и полезность обрядовой культуры зависит от понимания смысла ее функций. Это утверждение вполне можно переносить и к другим элементам культуры. В данном случае следует различать два момента: 1) понимание универсалий как основы для сохранения и практического использования тех или иных элементов культуры; 2) понимание уникальности каждой универсалии в конкретике практической реализации в зависимости от местных природных особенностей. В последнем случае важно не копировать уникальное иных культур, а вступать в культурный диалог. Только в результате диалога этнические культуры могут взаимно обогащать друг друга. Однако, как показывает

¹⁷ Варламов А. Н. Обрядовая культура народов Севера: традиции и современность [Электронный ресурс]. URL: http://scjournal.ru/articles/issn_1993-5552_2009_12-2_07.pdf (дата обращения: 24.05.2019).

жизнь, это не все понимают. Возможно, это непонимание и усугубляет негативные проявления глобализации.

В процессе культурогенеза закон единства многообразия противостоит процессу глобализации. Этот закон основан на одновременном существовании универсального и уникального в культуре. В этом простота и величие бытия культуры.

В заключение подчеркнем равную значимость как универсалий, так и уникалий обрядовой культуры: они созданы для процветания данного народа на своем природном кормящем культурном ландшафте в качестве природосообразных и человекообразных средств существования. Для саха этот ландшафт называется *alaas*, а обрядовая культура – *sieg-tuom*. Данная работа дополняет основные изыскания автора, убеждая в правильности выбранной исследовательской и преобразующей стратегии¹⁸ [15; 23]. Возможно, в данном предметном исследовании не вполне удалось использовать умение «видеть глазами другого» свою культуру, но работа над темой ждет продолжения в практическом аспекте, что способно приумножить ее полезность и для других этнических культур. Автор планирует создать при кафедре культурологии лабораторию по апробации модели воссоздания аласной культуры, где будет изучаться и процесс ревитализации обрядовой составляющей этой самобытной культурной системы. Изучив ситуацию и механизмы приспособления и адаптации традиционной обрядности к современным условиям, выявив закономерности этого процесса, можно прогнозировать и определенные моменты дальнейшего развития этноса. Результаты исследования представляют значимость для всех интересующихся как сугубо обрядовой культурой, так и всей системой жизнедеятельности этнических сообществ в современных условиях их бытования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Архипова А. И., Варавина Г. Н. Празднично-обрядовый комплекс коренных народов Севера как ресурс для развития событийного туризма в Республике Саха (Якутия): к постановке проблемы // Теория и практика общественного развития. 2015. № 10. С. 164–167. URL: <http://teoria-practica.ru/vipusk-10-2015/> (дата обращения: 24.05.2019).

2. Степин В. С. Философский анализ мировоззренческих универсалий культуры // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2011. № 1. С. 8–15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofskiy-analiz-mirovozzrencheskih-universalij-kultury> (дата обращения: 24.05.2019).

¹⁸ Попова Г. С. Этнический календарь в образовательной деятельности.

3. Быканова А. С. Универсалии культуры // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2014. Т. 2, № 10. С. 237–238. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22549201> (дата обращения: 13.06.2019).

4. Павловская А. В. Единство в многообразии: типология праздничной и обрядовой культуры народов мира от неолита до наших дней // Вестник Московского университета. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 1. С. 63–79. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37084863> (дата обращения: 16.06.2019).

5. Четвертакова Ж. В. Культурологические подходы к методологии изучения традиций [Электронный ресурс] // Аналитика культурологии: электронное научное издание. 2010. № 1 (16). URL: http://analiculturolog.ru/journal/archive/item/253-article_14-8.html (дата обращения: 13.06.2019).

6. Апухтина Н. Г., Сафонова Н. А. Традиционная обрядовая культура в контексте культурологических исследований: обзор подходов // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2012. № 3 (31). С. 57–63. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17955165> (дата обращения: 13.06.2019).

7. Триль Ю. Н. Теоретико-методологические аспекты исследования традиционной обрядности в зарубежной литературе // Новые технологии. 2007. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/teoretiko-metodologicheskie-aspekty-issledovaniya-traditsionnoy-obryadnosti-v-zarubezhnoy-literature> (дата обращения: 13.06.2019).

8. Curry A. Seeking the Roots of Ritual // Science. 2008. Vol. 319, issue 5861. Pp. 278–280. DOI: <https://doi.org/10.1126/science.319.5861.278>

9. Головлева Е. Л. Обрядовая культура как источник формирования странового имиджа // Знание. Понимание. Умение. Культурология. 2009. № 4. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/4/Golovleva/> (дата обращения: 25.05.2019).

10. Попова Г. С. Человек: Дуальность природы и триединство культуры // Этносциум и межнациональная культура. 2015. № 12 (90). С. 112–117. URL: <http://etnosocium.ru/etnosocium-%E2%84%9612-90-2015> (дата обращения: 25.05.2019).

11. Узунова Л. В. Культурные универсалии в обрядово-праздничной традиции // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Сер.: Философия. Социология. 2008. Том 21, № 1. С. 284–296. URL: <http://kn.lib-i.ru/27kulturologiya/57255-1-uchenie-zapiski-tavrisheskogo-nacionalnogo-universiteta-vernadskogo-seriya-filosofiya.php> (дата обращения: 04.01.2019).

12. Марусева П. Г. Традиционная обрядовая культура народов Севера: духовно-нравственные аспекты [Электронный ресурс] // Меридиан. 2016. Вып. № 3 (3). URL: <http://meridian-journal.ru/site/article?id=263> (дата обращения: 24.05.2019).

13. Boivin N. Grasping the Elusive and Unknowable: Material Culture in Ritual Practice // Material Religion. The Journal of Objects, Art and Belief. 2009. Vol. 5, issue 3. Pp. 266–287. DOI: <https://doi.org/10.2752/175183409X12550007729860>

14. Попова Г. С. О некоторых константных структурах в религиозных воззрениях саха // Общество. Среда. Развитие. 2010. № 4 (17). С. 197–200. URL: <http://www.terrahumana.ru/index.html> (дата обращения: 24.05.2019).

15. Попова Г. С., Никифорова С. В., Дьячковская Е. А. Проблемы воссоздания аласной культуры саха в современных условиях // *Культура и цивилизация*. 2017. Т. 7, № 3А. С. 496–517. URL: <http://publishing-vak.ru/archive-2017/culture-3.htm> (дата обращения: 04.01.2019).
16. О символике празднично-обрядовой культуры казахов / Н. К. Камалова [и др.] // *Международный журнал экспериментального образования*. 2013. № 11-3. С. 259–260. URL: <http://expeducation.ru/ru/article/view?id=4385> (дата обращения: 13.06.2019).
17. Решетникова А. П. Сюжетные параллели якутского и германо-скандинавского эпосов // *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова*. Сер.: Эпосоведение. 2016. № 2 (02). С. 29–34. DOI: <https://doi.org/10.25587/SVFU.2016.2.10875>
18. Попова Л. Н. Семья как носитель традиций и инноваций: опыт социологического исследования в Якутии // *Современные исследования социальных проблем*. 2012. № 11 (19). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18763954> (дата обращения: 04.01.2019).
19. Фролова А. Н. Празднично-обрядовая культура коренных малочисленных народов Северо-Востока России // *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*. 2013. Т. 3. С. 366–370. URL: <http://e-koncept.ru/2013/53075.htm> (дата обращения: 24.05.2019).
20. Николаева Т. Н. Пища «белая» и «черная» в якутской лингвокультуре // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2016. № 7, Ч. 2. С. 151–152. URL: <http://www.gramota.net/materials/2/2016/7-2/42.html> (дата обращения: 25.05.2019).
21. Сулейманов А. А. «Ресурсы холода» в системе питания якутов: традиции и современность // *Научный диалог*. 2018. № 2. С. 263–274. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-2-263-274>
22. Nam K.-Ch., Jo Ch., Lee M. Meat Products and Consumption Culture in the East // *Meat Science*. 2010. Vol. 86, issue 1. Pp. 95–102. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.meatsci.2010.04.026>
23. Попова Г. С. Педагогическая культура традиционного социума // *Теория и практика общественного развития*. 2012. № 7. С. 158–163. URL: <http://teoria-practica.ru/vipusk-7-2012/> (дата обращения: 13.05.2019).
24. Кочнев В. П. Физические упражнения, игры и состязания коренных народов Якутии // *Теория и практика физической культуры*. 2012. № 10. С. 25–31. URL: <http://naukarus.com/fizicheskie-uprazhneniya-igry-i-sostyazaniya-korenyh-narodov-yakutii> (дата обращения: 13.06.2019).
25. Warnick B. R. Ritual, Imitation and Education in R. S. Peters // *Journal of Philosophy of Education*. 2009. Vol. 43, issue s1. Pp. 57–74. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9752.2009.00735.x>
26. Татаринцева Е. А. Восстановление празднично-обрядовой культуры в современных условиях [Электронный ресурс] // *Аналитика культурологии*. 2012. Вып. 3. URL: <http://analculturolog.ru/journal/archive/item/882-15-2.html> (дата обращения: 15.06.2019).

Поступила 03.04.2019; принята к публикации 02.06.2019; опубликована онлайн 30.09.2019.

Об авторе:

Попова Галина Семеновна, профессор кафедры культурологии ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова» (677007, Россия, г. Якутск, ул. Кулаковского, д. 42), кандидат педагогических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4452-4012>, gs.popova@mail.ru

Для цитирования:

Попова Г. С. Универсалии и уникалии обрядовой культуры: природо- и человекообразность традиционного // Регионология. 2019. Т. 27, № 3. С. 513–533. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.107.027.201903.513-533>

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Arkhipova A.I., Varavina G.N. Festive and Ceremonial Complex of Indigenous People of the North as a Resource for Development of Event Tourism in the Republic of Sakha (Yakutia): Problem Statement. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* = Theory and Practice of Social Development. 2015; (10):164-167. Available at: <http://teoria-practica.ru/vipusk-10-2015/> (accessed 24.05.2019). (In Russ., abstract in Eng.)
2. Stepin V.S. Philosophical Analysis of Cultures' Weltanschauung Universals. *Gumanitarnye nauki* = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University. 2011; (1):8-15. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofskiy-analiz-mirovozzrencheskih-universalij-kulturny> (accessed 24.05.2019). (In Russ., abstract in Eng.)
3. Bykanova A.S. [Universals of Culture]. *Aktualnye problemy aviatsii i kosmonavтики. Razdel Kultura. Kulturologiya*. = Topical Issues of Aviation and Cosmonautics. Section Culture. Cultural Studies. 2014; 2(10):237-238. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22549201> (accessed 13.06.2019). (In Russ.)
4. Pavlovskaya A.V. Unity in Diversity: Typology of National Festive and Ritual Cultures. Prehistoric Time. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya* = Bulletin of Moscow University. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication. 2019; (1):63-79. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37084863> (accessed 16.06.2019). (In Russ., abstract in Eng.)
5. Chetvertakova Zh.V. [Cultural Approaches to the Methodology of the Study of Traditions]. *Analitika kulturologii: ehlektronnoe nauchnoe izdanie* = Analytics of Cultural Studies: Electronic Scientific Publication. 2010; (1). Available at: http://analiculturolog.ru/journal/archive/item/253-article_14-8.html (accessed 13.06.2019). (In Russ.)
6. Apukhtina N.G., Safonova N.A. Traditional Ceremonial Culture in Context of Culturological Researches: Survey of Approaches. *Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kulturny i iskusstv* = Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. 2012; (3):57-63. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17955165> (accessed 16.06.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

7. Tril Yu.N. [Theoretical and Methodological Aspects of Studying Traditional Rites in Foreign Literature]. *Novye tekhnologii* = New Technologies. 2007. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/teoretiko-metodologicheskie-aspekty-issledovaniya-traditsionnoy-obryadnosti-v-zarubezhnoy-literature> (accessed 13.06.2019). (In Russ.)
8. Curry A. Seeking the Roots of Ritual. *Science*. 2008; 319(5861):278-280. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1126/science.319.5861.278>
9. Golovleva E.L. Ritual Culture as the Source of Country Image Formation. *Znanie. Ponimanie. Umenie. Kulturologiya* = Knowledge. Understanding. Skill. 2009; (4). Available at: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/4/Golovleva/> (accessed 25.05.2019). (In Russ., abstract in Eng.)
10. Popova G.S. Duality in Nature and Triple Unity in Culture. *Ehtnosotsium i mezhnatsionalnaya kultura* = Ethno-Society and Interethnic Culture. 2015; (12):112-117. Available at: <http://etnosocium.ru/etnosotsium-%E2%84%9612-90-2015> (accessed 25.05.2019). (In Russ., abstract in Eng.)
11. Uzunova L.V. [Cultural Universals in the Ceremonial and Festive Tradition]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsionalnogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya* = Scientific Notes of V. I. Vernadsky Taurida National University. Series: Philosophy. Sociology. 2008; 21(1):284-296. Available at: <http://kn.lib-i.ru/27kulturologiya/57255-1-uchenie-zapiski-tavricheskogo-natsionalnogo-universiteta-vernadskogo-seriya-filosofiya.php> (accessed 04.01.2019). (In Russ.)
12. Maruseva R.G. [Traditional Ceremonial Culture of the Peoples of the North: Spiritual and Moral Aspects]. *Nauchnyj ehlektronnyj zhurnal "Meridian"* = Meridian Scientific Electronic Journal. 2016; (3). Available at: <http://meridian-journal.ru/site/article?id=263> (accessed 24.05.2019). (In Russ.)
13. Boivin N. Grasping the Elusive and Unknowable: Material Culture in Ritual Practice. *Material Religion. The Journal of Objects, Art and Belief*. 2009; 5(3):266-287. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.2752/175183409X12550007729860>
14. Popova G.S. [On Some Constant Structures in the Religious Views of the Sakha]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie* = Society. Environment. Development. 2010; (4):197-200. Available at: <http://www.terrahumana.ru/index.html> (accessed 24.05.2019). (In Russ.)
15. Popova G.S., Nikiforova S.V., Dyachkovskaya E.A. The Problems of Recreation of Sakha Alaas Culture in Modern Conditions. *Kultura i tsivilizatsiya* = Culture and Civilization. 2017; 7(3A):499-521. Available at: <http://publishing-vak.ru/archive-2017/culture-3.htm> (accessed 04.01.2019). (In Russ., abstract in Eng.)
16. Kamalova N.K., Zhumabai L.Zh., Turdaliyeva Sh.Zh., Erepbaev N.O. [On the Symbolism of Festive and Ceremonial Culture of the Kazakhs]. *Mezhdunarodnyj zhurnal ehksperimentalnogo obrazovaniya* = International Journal of Experimental Education. 2013; (11-3):259-260. Available at: <http://expeducation.ru/article/view?id=4385> (accessed 13.06.2019). (In Russ.)
17. Reshetnikova A.P. Narrative Parallels of Yakut and German-Scandinavian Epos. *Vestnik Severo-Vostochnogo federalnogo universiteta im. M. K. Ammosova. Seriya: Ehposovedenie* = Vestnik of North-Eastern Federal University. Series "Epic studies". 2016; (2):29-34. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.25587/SVFU.2016.2.10875>
18. Popova L.N. Family as the Bearer of Tradition and Innovation: The Experience of Social Research in Yakutia. *Sovremennye issledovaniya sotsialnykh problem* =

Russian Journal of Education and Psychology. 2012; (11). Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18763954> (accessed 04.01.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

19. Frolova A.N. [Festive and Ceremonial Culture of Indigenous Peoples of the North-East of Russia]. *Nauchno-metodicheskij ehlektronnyj zhurnal "Kontsept"* = 'Concept' Scientific and Methodical Electronic Journal. 2013; 3:366-370. Available at: <http://e-koncept.ru/2013/53075.htm> (accessed 24.05.2019). (In Russ.)

20. Nikolaeva T.N. "White" and "Black" Food in the Yakut Linguoculture. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* = Philological Sciences. Issues of Theory and Practice. 2016; (7-2):151-152. Available at: <http://www.gramota.net/materials/2/2016/7-2/42.html> (accessed 25.05.2019). (In Russ.)

21. Suleymanov A.A. "Cold Resources" in Food System of Yakuts: Traditions and Present Day. *Nauchnyj dialog* = Scientific Dialogue. 2018; (2):263-274. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-2-263-274>

22. Nam K.-Ch., Jo Ch., Lee M. Meat Products and Consumption Culture in the East. *Meat Science*. 2000; 86(1):95-102. (In Eng.) DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.meatsci.2010.04.026>

23. Popova G.S. Educational Culture of the Traditional Society. *Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya* = Theory and Practice of Social Development. 2012; (7):158-163. Available at: <http://teoria-practica.ru/vipusk-7-2012/> (accessed 13.05.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

24. Kochnev V.P. Physical Exercises, Games and Contests of Indigenous Peoples of Yakutia. *Teoriya i praktika fizicheskoy kultury* = Theory and Practice of Physical Culture. 2012; (10):25-31. Available at: <http://naukarus.com/fizicheskie-uprazhneniya-igr-y-i-sostyazaniya-korenyh-narodov-yakutii> (accessed 13.06.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

25. Warnick B.R. Ritual, Imitation and Education in R. S. Peters. *Journal of Philosophy of Education*. 2009; 43(s1):57-74. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9752.2009.00735.x>

26. Tatarintseva E.A. [Reconstruction of the Festive and Ceremonial Culture in Modern Conditions]. *Analitika kulturologii. Ehlektronnoe nauchnoe izdanie* = Cultural Studies Analytics. Electronic Scientific Edition. 2012; (3). Available at: <http://analculturolog.ru/journal/archive/item/882-15-2.html> (accessed 15.06.2019). (In Russ.)

Submitted 03.04.2019; accepted for publication 02.06.2019; published online 30.09.2019.

About the author:

Galina S. Popova, Professor, Department of Cultural Studies, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University (42 Kulakovskogo St., Yakutsk 677007, Russia), Ph. D. (Pedagogy), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4452-4012>, gs.popova@mail.ru

For citation:

Popova G.S. Universals and Particulars of Ceremonial Culture: Natural and Human Congruity of the Traditional. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2019; 27(3):513-533. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.107.027.201903.513-533>

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Финансовое поведение жителей Республики Калмыкия: экономико-статистический анализ

Д. В. Моисеева¹

Н. В. Дулина^{2*}

¹ ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный технический университет»
(г. Волгоград, Россия)

² ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»
(г. Волгоград, Россия),

* nv-dulina@volsu.ru

Введение. Масштабная работа по повышению финансовой грамотности населения, инициированная в 2011 г. руководством страны, актуализирует разработки, направленные на изучение особенностей финансового поведения населения отдельных регионов. Цель исследования – разрешение противоречия между иррациональностью финансового поведения жителей Республики Калмыкия, описываемой учеными и журналистами, и результатами всероссийского социологического исследования, согласно которому Калмыкия была отнесена к регионам с высоким уровнем финансовой грамотности.

Материалы и методы. Информационной базой проведенного исследования стали результаты всероссийского социологического исследования «Рейтинг финансовой грамотности регионов России 2018» и официальные статистические данные, размещенные на сайтах Росстата и Банка России. Методически использован инструментальный анализ рядов динамики.

Результаты исследования. Выполнен подробный анализ статистических данных, характеризующих финансовое поведение населения Республики Калмыкия, а именно: среднедушевые доходы населения, объем кредитов, предоставленных физическим лицам, доля просроченной задолженности по кредитам, объем вкладов (депозитов), размещенных физическими лицами. Зафиксировано негативное соотношение величины кредитов, предоставленных физическим лицам в регионе, и объемов вкладов (депозитов), размещенных ими. Сделан вывод

© Моисеева Д. В., Дулина Н. В., 2019

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

о необходимости изучения причин столь нерационального финансового поведения населения республики и выработки эффективных мер по повышению финансовой грамотности.

Обсуждение и заключение. Нерациональность финансового поведения жителей Республики Калмыкия объективно подтверждается динамикой статистических показателей, характеризующих уровень кредитной задолженности и сбережений. При этом анализ результатов рейтинга финансовой грамотности показал, что высокий рейтинг Республика Калмыкия получила благодаря более высокому уровню пользования интернет-банком и пластиковыми картами, однако также подтверждается низкий уровень сберегательной активности и высокий уровень доверия банкам жителей республики. Полученные результаты могут быть использованы при разработке программ финансового просвещения жителей различных регионов, имеющих сходные проблемы.

Ключевые слова: финансовое поведение, финансовая грамотность, доходы населения, кредит, сбережения, население, финансовая культура, финансовые навыки

Financial Behavior of the Population of the Republic of Kalmykia: An Economic and Statistical Analysis

D. V. Moiseeva^a, N. V. Dulina^{b*}

^a *Volgograd State Technical University (Volgograd, Russia),*

^b *Volgograd State University (Volgograd, Russia)*

* *nv-dulina@volsu.ru*

Introduction. The large-scale work to improve the financial literacy of the population of Russia, initiated by the leadership of the country in 2011, has enhanced the developments aimed at studying the peculiarities of the financial behavior of the population of individual regions. The purpose of the study is to resolve the contradiction between the irrational financial behavior of people living in the Republic of Kalmykia, described by scientists and journalists, and the results of a nationwide sociological study, according to which Kalmykia is among the regions with a high level of financial literacy.

Materials and Methods. The results of the nationwide sociological study 'Financial Literacy Ranking of the Regions of Russia 2018' and the official statistics from the websites of the Russian Federal State Statistics Service (Rosstat) and the Bank of Russia formed the information base of the conducted study. In terms of methods, tools for time series analysis were used.

Results. A detailed analysis of the statistical data describing the financial behavior of the population of the Republic of Kalmykia has been performed, namely: per capita income of the population, the volume of loans granted to individuals, the share of overdue loans and the volume of deposits made by individuals. A negative ratio has been revealed between the value of loans provided to individuals in the region and the volume of deposits made by them. A conclusion has been drawn that it is necessary to study the reasons for such irrational financial behavior of the population of the Republic of Kalmykia and to develop effective measures to improve financial literacy.

Discussion and Conclusion. The irrationality of the financial behavior of the population of the Republic of Kalmykia has been objectively confirmed by the dynamics of statistical indicators characterizing the levels of the loan debts and savings. At the same time, an analysis of financial literacy ranking results has shown that the Republic of Kalmykia received a high ranking due to a higher level of use of the Internet banking services and plastic cards, however, a low level of savings activity and a high level of trust in banks in the Republic of Kalmykia have also been confirmed. The results obtained can be used in the development of financial education programs for residents of various regions with similar problems.

Keywords: financial behavior, financial literacy, incomes of the population, loan, savings, population, financial culture, financial skills

Введение. В условиях динамичного развития финансовой сферы финансовая грамотность становится необходимым навыком для успешной реализации жизненных потребностей каждой личности. В 2011 г. в России был запущен проект «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в Российской Федерации», а в 2017 г. принята «Стратегия повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017–2023 годы». Различные мероприятия реализуются практически в каждом регионе. Кроме того, было организовано социологическое сопровождение проекта. На сегодняшний день выполнен ряд масштабных социологических исследований, направленных на изучение финансового поведения населения страны. Уже на первых этапах обозначенных исследований стали фиксироваться региональные особенности финансового поведения населения¹. Авторы статьи уже выносили на обсуждение данную проблематику [1], но летом 2018 г. было проведено новое масштабное исследование уровня финансовой грамотности взрослого населения, которое затронуло все 85 субъектов Российской Федерации. Результаты исследования приводятся в «Рейтинге финансовой грамотности регионов России 2018» (<https://karta.vashifinancy.ru>), представляют большой интерес для исследователей и дают возможность описать особенности финансового поведения населения отдельных регионов России.

Целью данной работы является экономико-статистический анализ финансового поведения жителей Республики Калмыкия. Этот субъект РФ не случайно стал объектом нашего внимания: согласно рейтингу финансовой грамотности регионов России, Калмыкия попала в группу регионов с наиболее высокими показателями финансовой грамотности, однако исследователями активно обсуждается проблема высокой за-

¹ Результаты базового исследования уровня финансовой грамотности россиян: Консорциум компаний ЗАО «Демоскоп» и ЗАО «Прогностические решения». URL: http://www.opes.ru/data/2014/10/28/1233966216/BF-OK-%2023_10_2014.pdf (дата обращения: 24.09.2018).

кредитованности населения республики². На протяжении последних лет в регионе активно реализуются различные мероприятия, направленные на повышение финансовой грамотности населения³. В рамках данной работы мы постарались разобраться в обозначенном противоречии.

Обзор литературы. Финансовое поведение активно изучается как в России, так и за рубежом. Среди российских авторов можно выделить работу Т. Ю. Богомоловой, В. С. Тапилиной, которые одними из первых подняли эту проблематику. Определение понятия «финансовое поведение», которое они предложили, широко используется в практике российских исследований: «под финансовым поведением в широком смысле понимается поведение домохозяйств или индивидов, связанное с получением и расходованием денежных средств <...> сбережение, инвестирование, кредитование, страхование» [2, с. 58–59].

Различные аспекты финансового поведения представлены в работах И. А. Алиевой [3], О. А. Александровой, А. В. Ярашевой [4], Г. В. Белеховой [5; 6], Д. Х. Ибрагимовой [7], П. М. Козыревой [8], А. В. Каравай [9; 10], Л. И. Ниворожкиной [11], М. С. Щербаль [12]. В статье Д. Х. Ибрагимовой представлена классификация домохозяйств по типу финансового поведения, при этом в основу типологии положено сочетание кредитных и сберегательных практик [7]. Г. В. Белехова использует разные источники информации при изучении финансового поведения: и результаты социологических опросов, и данные Росстата; результаты регрессионного анализа, выполненного исследователем, позволяют по-

² Закредитованность населения регионов Российской Федерации (2017 г., г. Элиста). Международная научно-практическая конференция «Закредитованность населения регионов Российской Федерации», 17 мая 2017 г.: материалы / ред. кол.: Л. Ц. Бадмахагаев [и др.]. Элиста, 2017. 105 с. URL: kalmusu.ru/files/2017/135/sbornik.doc; Калмыкия возглавила рейтинг самых закредитованных регионов [Электронный ресурс]. URL: http://www.elista.org/socium/kalmykiya_vozglavila_rejting_samyh_zakreditovannyh_regionov; Закредитованность населения Республики Калмыкия: проблемы и перспективы развития / Д. В. Манджиева [и др.] // Бюджетно-налоговая политика: проблемы и перспективы развития: материалы регион. науч.-практ. конф., проводимой в рамках мероприятий Международной научно-практической сессии. Элиста, 2017. С. 64–66. URL: http://www.kalmusu.ru/files/2017/137/boldireva_sbornik_nalpolit.pdf (дата обращения: 20.03.2019).

³ Итоги реализации проекта «Повышение правовой грамотности населения Республики Калмыкия» обсудили участники круглого стола [Электронный ресурс]. URL: http://www.kalmusu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=9798:2018-12-29-12-06-33&catid=1:news&Itemid=333; Калмыцкий госуниверситет повышает финансовую грамотность жителей республики [Электронный ресурс]. URL: <http://riakalm.ru/news/education/17307-kalmytskij-gosuniversitet-povyshaet-finansovuyu-gramotnost-zhitelej-respubliki>; Мельников Р. Финотряд пришел в школу: В Калмыкии детей учат составлять семейный бюджет [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2019/02/14/reg-ufo/v-kalmykii-shkolnikov-stali-uchit-sostavliat-semejnyj-biudzet.html>; Проект «Повышение финансовой и правовой грамотности населения Республики Калмыкия» [Электронный ресурс]. URL: <http://fgrk.online/index.php/o-joomla>; Рабочая встреча по разработке Программы повышения финансовой грамотности населения Республики Калмыкия [Электронный ресурс]. URL: <http://flagshipuniversity.ntf.ru/news/1788> (дата обращения: 20.03.2019).

нять, какие макроэкономические факторы оказывают значимое влияние на финансовое поведение населения [5; 6]. П. К. Козырева при анализе особенностей финансового поведения россиян обратила внимание на необходимость изучения данной проблематики в свете различных социальных групп и слоев в условиях экономического кризиса и пришла к выводу о том, что финансовое поведение населения формируется под влиянием процессов социально-экономической адаптации [8]. Развитие идей, сформулированных П. К. Козыревой, продолжила А. В. Каравай, сконцентрировавшая свой исследовательский интерес на финансовых установках и практиках одной из многочисленных социальных групп – рабочих [9].

Зарубежные исследования более многочисленны, разнообразны по содержанию и используемым методам. Анализ наиболее цитируемых работ, размещенных в международной базе данных Scopus, позволил определить особо востребованные тематики: изучение взаимосвязи финансовой грамотности, финансового образования и финансового поведения [13; 14], гендерные различия финансового поведения [15–17], финансовое консультирование [18], финансовое поведение отдельных социальных групп [19–24].

Анализ публикаций современных российских и зарубежных авторов, освещающих различные аспекты финансового поведения, позволяет заключить, что прикладные исследования преобладают над теоретическими разработками. Практика опережает теорию и выявляет массу новых исследовательских вопросов, которые требуют системного осмысления. Одним из таких вопросов является наличие региональной дифференциации финансовых практик населения, которую фиксируют исследователи из разных стран мира: Италии [25], США [26], Португалии [27], Республики Беларусь⁴. В 2011 г. американские ученые Г. А. Панос и Л. Клэппер представили описание различий финансового поведения городского и сельского населения России [28]. Россия в качестве объекта анализа была выбрана ими как страна с относительно старым и быстро стареющим населением, большими региональными диспропорциями, но и быстро развивающимся финансовым рынком. Ученые, опираясь на данные эмпирического исследования (анкетный опрос, выполненный методом face-to-face, 2009 г., n = 1400), показывают, что жители сельских районов в гораздо большей степени зависят от государственного пенсионного обеспечения и вкладывают меньше средств в частные пенсионные фонды и организации. Среди работ российских авторов, изучающих финансовое поведение жителей отдельных регионов

⁴ Кройтор С., Ображей О., Подвальская В. Финансовая грамотность населения Республики Беларусь: факты и выводы [Электронный ресурс]. URL: <http://fingramota.by/fil/es/2016/5/17/635991043252830344.pdf> (дата обращения: 23.11.2018).

нашей страны, можно выделить публикации Г. В. Белеховой (Вологодская область) [5], А. И. Фатихова (Уфа)⁵, Н. В. Бадмаевой (Калмыкия) [29].

Исследователи редко обращаются к обсуждению финансового поведения населения Республики Калмыкия. В работе Н. В. Бадмаевой раскрыты некоторые аспекты финансового поведения, выделена проблема закредитованности жителей региона, в качестве перспективного направления формирования ответственного финансового поведения обоснована необходимость разработки и реализации региональной программы повышения финансовой грамотности населения Республики Калмыкия [29]. С. Б. Болдырева, Д. Б. Батырева, В. В. Серетырова рассмотрели динамику ипотечного кредитования Республики Калмыкия и предложили механизмы по его совершенствованию [30].

Таким образом, несмотря на разработанность проблематики финансового поведения в целом, существует ряд нерешенных вопросов. Одним из них стал вопрос о наличии региональной специфики финансового поведения, что особенно актуально в такой большой и многообразной по уровню социально экономического развития отдельных регионов стране, как Россия. В рамках разворачивающейся работы по повышению финансовой грамотности населения важно понимать, каковы особенности финансового поведения населения каждого региона, в том числе таких, где проблемы финансового характера стоят особенно остро. В качестве примера приведем Республику Калмыкия, в которой на фоне низких доходов населения наблюдается высокий уровень закредитованности.

Материалы и методы. Объект и предмет исследования обосновали необходимость использования в качестве методологической базы принципов социокультурного подхода, который предполагает изучение развития социального поведения в контексте той территориальной общности, где оно реализуется, с учетом культурных особенностей населения. Методическим инструментарием стал метод анализа рядов динамики.

Целью нашей работы стало изучение финансового поведения населения Республики Калмыкия посредством сопоставления данных социологического исследования и статистических показателей. В июле 2018 г. Национальным агентством финансовых исследований по заказу Минфина России было проведено социологическое исследование уровня финансовой грамотности взрослого населения каждого из 85 субъектов Российской Федерации. Опрос проводился методом личного формализованного интервью по месту жительства респондента. Объем каждой региональной выборки взрослого населения составляет 1 000 респондентов. Тип выборки – территориальная, стратифицированная, маршрутная.

⁵ Фатихов А. И. Финансовое поведение социальных групп населения крупного города в современном российском обществе: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Уфа, 2011. 20 с.

Максимальная статистическая погрешность при доверительном уровне 0,95 составляет $\pm 3,1$ %.

Информационной базой для построения динамических рядов статистических показателей и их анализа стали официальные статистические данные, размещенные в открытом доступе. Для характеристики общей ситуации в регионе использованы социально-экономические показатели (валовой региональный продукт на душу населения, оборот розничной торговли на душу населения, среднедушевые доходы населения), представленные в статистическом сборнике «Регионы России. Социально-экономические показатели»⁶. Изучение динамики статистических показателей финансового поведения (объем банковских вкладов (депозитов) физических лиц в целом и на душу населения, объем кредитования в целом и на душу населения, доля просроченной задолженности) построено на сведениях о размещенных и привлеченных средствах Банка России⁷.

Результаты исследования. Как уже отмечалось выше, исследователи фиксируют высокую закредитованность населения Калмыкии, но при этом констатируется и другое. В рейтинге финансовой грамотности регионов России читаем: «Республика Калмыкия вошла в группу с наиболее высокими показателями финансовой грамотности в проведенном в первый раз Всероссийском рейтинге регионов по уровню финансовой грамотности населения»⁸. Рейтинг построен на основе расчета индекса финансовой грамотности, который отражает способность человека к рациональному управлению личными финансами. Индекс рассчитывается на основе данных социологического опроса населения региона. Индекс финансовой грамотности принимает значения в диапазоне от 1 до 21 балла и рассчитывается как сумма значений трех частных индексов: индекс финансовых знаний, индекс финансовых навыков, индекс финансовых установок. Регионы разбиваются на пять групп, где каждой присваивается буквенный код: «Группа а – высокий» (ранги с 1 по 16), «Группа b – выше среднего» (ранги с 17 по 33), «Группа с – средний» (ранги с 34 по 52), «Группа d – ниже среднего» (ранги с 53 по 69), «Группа e – низкий» (ранги с 70 по 85). Согласно расчетам, Республика Калмыкия относится к группе «а» по установкам и общему индексу, к группе «b» – по знаниям и навыкам. Ее ближайшими соседями по рейтингу являются: Калининградская, Ивановская, Кировская, Костром-

⁶ Регионы России. Социально-экономические показатели / Стат. сб. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_14p/Main.htm (дата обращения: 20.03.2019).

⁷ Сведения о размещенных и привлеченных средствах [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cbr.ru/statistics/pdiko/sors/> (дата обращения: 20.03.2019).

⁸ Рейтинг финансовой грамотности регионов России [Электронный ресурс]. URL: <https://karta.vashifinancy.ru/> (дата обращения: 20.03.2019).

ская, Курская, Магаданская, Новгородская области, Приморский край, республики Карелия, Марий Эл и Коми.

Интересны значения и других показателей по Республике Калмыкия:

1) продолжительность сохранения семьей привычного уровня жизни в случае потери основного источника дохода: 34 % опрошенных ответили, что если семья потеряет основной источник дохода, не меньше месяца сможет оплачивать все необходимые расходы, не занимая денег (значение показателя по России в целом 42 %);

2) финансово грамотное поведение, предполагающее регулярное пополнение сберегательной «подушки безопасности» в соответствии с принципом «сначала отложить, оставшееся потратить»: 16 % опрошенных (17 % по России);

3) ориентация человека на формирование сбережений в виде банковских вкладов, различных инвестиционных инструментов: 24 % респондентов ответили, что за последние 12 месяцев сохранили деньги на сберегательном счете, вкладе в банке и/или при покупке инвестиционных финансовых продуктов (25 % по России);

4) уровень использования банковских карт различных типов, включая дебетовые, кредитные и виртуальные платежные карты: 83 % опрошенных отметили, что лично пользовались за последний год зарплатной / дебетовой / кредитной / виртуальной платежной картой продуктов (75 % по России);

5) доля населения, предпочитающая безналичную оплату покупок в повседневной жизни, составляет 12 % (16 % по России);

6) доля населения, использующая мобильный и интернет-банк для выполнения различных финансовых операций, – 43 % (31 % по России);

7) доля населения, способная распознавать «финансовые пирамиды» – недобросовестные финансовые организации, использующие мошеннические схемы, – 27 % (26 % по России);

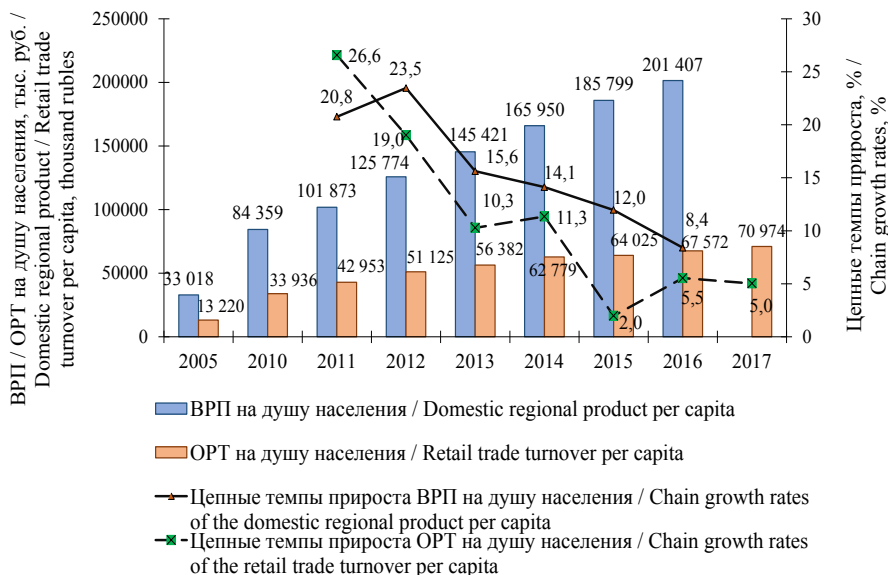
8) доля населения, демонстрирующая ответственность и грамотность при заключении договоров в отношении финансовых продуктов и услуг, – 8 % (18 % по России);

9) доля населения, доверяющая банкам, – 82 % (64 % по России).

Таким образом, налицо противоречие: высокий уровень финансовой грамотности населения, зафиксированный в ходе социологических опросов, на фоне большого числа публикаций, провозглашающих наличие проблем со своевременной выплатой по кредитам и ростом кредитной нагрузки среди жителей республики. Получается интересная исследовательская задача: изучение динамики основных статистических показателей, характеризующих финансовое поведение населения Республики Калмыкия, и соотнесение полученных результатов с выводами, сделанными при построении рейтинга финансовой грамотности регионов России.

Социально-экономическую ситуацию в Республике Калмыкия можно охарактеризовать как сложную: высокий уровень безработицы (76 место из 85 регионов России), низкий уровень оплаты труда (80 место по уровню среднемесячной номинальной заработной платы, 84 место по уровню среднедушевых доходов населения), отток населения из региона и слабое развитие как промышленности, так и сельского хозяйства [31; 32]. На рисунке 1 представлена динамика внутреннего регионального продукта (ВРП) на душу населения и оборота розничной торговли (ОРТ) на душу населения.

Р и с. 1. Динамика внутреннего регионального продукта (ВРП) на душу населения и оборота розничной торговли (ОРТ) на душу населения по Республике Калмыкия за 2005–2017 гг.

F i g. 1. Dynamics of the domestic regional product per capita and the retail trade turnover per capita in the Republic of Kalmykia, 2005–2017

Согласно рисунку 1, внутренний региональный продукт на душу населения на протяжении 2005–2017 гг. увеличивался (рост за весь период – в 6,1 раза), однако с 2013 г. наметилось и позднее развивалось замедление темпов его прироста, что говорит о слабой динамике развития промышленности и сельского хозяйства в регионе. Оборот розничной торговли за 2005–2017 гг. увеличился в 5,4 раза, темпы его прироста стали сокращаться с 2012 г., и в 2015 г. даже имела место от-

рицательная динамика, в 2016 и 2017 гг. прирост минимален. Если при этом учесть уровень официальной инфляции (см. рис. 2), то ситуация станет еще более негативной.

Одним из центральных показателей, характеризующих финансовое поведение населения, является уровень среднедушевых доходов населения региона (рис. 2).

Р и с. 2. Динамика среднедушевых доходов населения по Республике Калмыкия за 2010–2017 гг.

F i g. 2. Dynamics of the per capita income of the population in the Republic of Kalmykia, 2010–2017

На протяжении 2010–2017 гг. показатели среднедушевых доходов населения Республики Калмыкия росли (за весь период – в 1,9 раза). Изменение темпов прироста доходов в период с 2013 по 2017 г. в значительной степени совпадает с изменением уровня инфляции, работодатели индексировали заработную плату, но реального ее роста по сути не было.

Обсуждая далее статистические показатели финансового поведения населения, перейдем к рассмотрению объемов кредитов, предоставленных физическим лицам на территории республики, и объемов вкладов (депозитов), созданных ими (рис. 3).

Объем кредитов, предоставленных физическим лицам на территории Республики Калмыкия в период с 2010 по 2018 г., увеличился в 4,6 раза. Можно выделить три периода развития процессов кредитования:

Р и с. 3. Динамика объемов кредитов и вкладов физических лиц по Республике Калмыкия за 2010–2018 гг.

F i g. 3. Dynamics of the volumes of loans and deposits of individuals in the Republic of Kalmykia, 2010–2018

1) 2010–2013 гг. – замедляющийся рост (если в 2011 г. по сравнению с 2010 г. прирост был равен 65,9 %, то в 2013 г. по сравнению с 2012 г. аналогичный показатель составил 27,8 %);

2) нарастающее падение объемов кредитования (2014/2013 гг. – сокращение на 5,7 %, 2015/2014 гг. – на 32,5 %);

3) динамичный выход из кризиса и дальнейший опережающий рост объемов (2016/2015 гг. – +15,2 %, 2018/2017 гг. – +46,5 %).

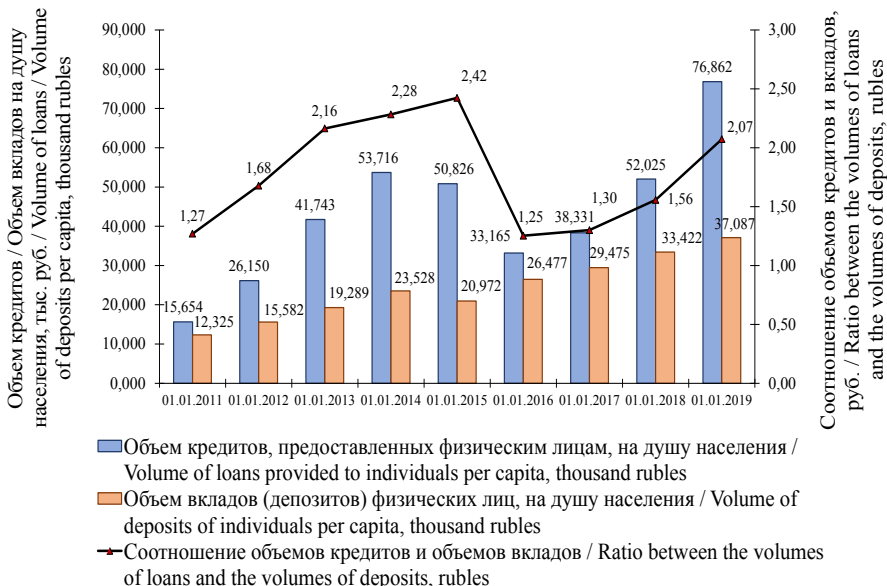
Отдельно остановимся на величине и динамике доли просроченной задолженности. В период 2009–2012 гг. она фиксировалась в пределах 2–3 %, затем последовал резкий рост с 2,0 % в 2012 г. до 8,2 % в 2016 г. на фоне экономического кризиса 2014–2015 гг. Рост объемов кредитования 2016–2018 гг. сопровождался постепенным снижением доли просроченной задолженности до 5,6 % в 2018 г.

Сберегательное поведение жителей Республики Калмыкия менее подвержено изменениям: в период с 2010 по 2018 г. объем вкладов (депозитов), созданных физическими лицами, увеличился в 2,8 раза. В период с 2010 по 2013 г. размер сбережений увеличивался в среднем на 23,1 %, в 2014 г. произошло сокращение величины сбережений на 11,2 % по сравнению с предыдущим годом, однако в 2015 г. имел место

прирост на 25,4 %, затем на протяжении 2016–2018 гг. вклады ежегодно увеличивались на 11 %. Можно отметить, что, несмотря на положительную динамику по вкладам, после кризиса 2014–2015 гг. темпы прироста сократились вдвое и не возвращаются на докризисный уровень.

Далее нами было рассчитано три условных показателя: объем кредитов и объем вкладов на душу населения и соотношение между ними (рис. 4).

Р и с. 4. Динамика объемов кредитов на душу населения и объемов вкладов (депозитов) на душу населения по Республике Калмыкия за 2010–2018 гг. и соотношение между ними

F i g. 4. Dynamics of the volumes of loans per capita and the volumes of deposits per capita in the Republic of Kalmykia during the period 2010–2018 and the ratio between them

Согласно статистическим данным (рис. 4), на протяжении всего периода (2010–2018 гг.) величина кредитов на душу населения была больше величины вкладов на душу населения. Причем на протяжении 2010–2014 гг. это соотношение неуклонно росло и достигло значения 2,42, т. е. на каждый рубль вкладов в республике приходится 2 руб. 42 коп. кредитов. Кризис внес свои коррективы, в 2015 г. это соотношение стало меньше, чем пять лет назад, но стабилизация экономической ситуации снова отозвалась его ростом, и в 2018 г. это

соотношение составило 2,07. Необходимо отметить, что такая картина наблюдается лишь в 17 регионах России, и Республика Калмыкия в числе «лидеров» по данной негативной тенденции.

Обсуждение и заключение. Представленный экономико-статистический анализ показателей, характеризующих финансовое поведение жителей Республики Калмыкия, наглядно демонстрирует наличие негативных тенденций: рост объемов кредитования на фоне замедленного роста доходов, приоритет практик кредитования перед сбережением на фоне высокого уровня доверия банкам. Интересно соотнесение проведенного анализа с результатами социологического исследования. Вопрос, каким образом республика с невысоким уровнем доходов и таким уровнем за кредитованности населения попала на верхние строчки рейтинга по финансовой грамотности, остается открытым. Выявленные проблемы подтверждают: 1) необходимость финансового просвещения жителей Калмыкии; 2) всестороннего изучения финансового поведения населения республики с целью понимания причин выявленного уровня за кредитованности и выработки эффективных мер по повышению финансовой грамотности населения.

Исследование, результаты которого изложены в данной работе, – это один из первых шагов на пути к пониманию причин, вызывающих нерациональное финансовое поведение населения региона. Полученные выводы могут быть полезны при разработке мероприятий по повышению финансовой грамотности населения, созданию программ финансового просвещения как жителей Калмыкии, так и жителей других регионов, имеющих сходные проблемы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Дулина Н. В., Моисеева Д. В. Финансовое поведение населения: выявление региональных отличий // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2018. Т. 4, № 1. С. 95–112. DOI: <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2018-4-1-95-112>

2. Богомолова Т. Ю., Тапилина В. С. Финансовое поведение домохозяйств в России в середине 90-х годов // Экономическая наука современной России. 1998. № 4. С. 58–69. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/finansovoe-povedenie-domochozaystv-v-rossii-v-seredine-90-h-godov> (дата обращения: 31.01.2019).

3. Алиева И. А. Финансовое поведение населения: теоретический аспект // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. 2016. Т. 16, № 2. С. 107–109. URL: <https://www.krsu.edu.kg/vestnik/2016/v2/index.html#s2> (дата обращения: 15.03.2019).

4. Александрова О. А., Ярашева А. В. Влияние экономических ожиданий на финансовое поведение российского населения // Вопросы статистики. 2016. № 5. С. 70–79. DOI: <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2016-0-5-70-79>

5. Белехова Г. В. Социально-демографические особенности финансового поведения населения // Проблемы развития территории. 2015. № 1 (75). С. 100–115. URL: <http://noc.isert-ran.ru/files/journal/issues/pdt-2015-1-75-96d45c044d--ru.pdf> (дата обращения: 20.03.2019).

6. Белехова Г. В., Россошанский А. И. Оценка факторов финансового поведения населения: опыт применения регрессионного анализа по панельным данным // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11, № 5. С. 198–213. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2018.5.59.13>

7. Ибрагимова Д. Х. Типы сберегательного и кредитного поведения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2009. № 2 (90). С. 156–171. URL: https://wciom.ru/books_magazines/zhurnal_monitoring/poisk_statej/search_by_param?number=90 (дата обращения: 15.03.2019).

8. Козырева П. М. Финансовое поведение в контексте социально-экономической адаптации населения (социологический анализ) // Социологические исследования. 2012. № 7. С. 54–66. URL: http://www.isras.ru/socis_2012_07.html (дата обращения: 20.03.2019).

9. Каравай А. В. Российские рабочие: финансовое поведение и установки // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 2 (125). С. 83–95. URL: https://wciom.ru/books_magazines/zhurnal_monitoring/poisk_statej/search_by_param?number=126 (дата обращения: 20.03.2019).

10. Каравай А. В., Тихонов А. А. Особенности финансовых установок и поведения российских рабочих // Terra Economicus. 2015. Т. 13, № 1. С. 89–106. URL: https://te.sfedu.ru/evjur/data/2015/terra_13.1__karavay__tichonov.pdf (дата обращения: 20.03.2019).

11. Ниворожкина Л. И. Текущие доходы и финансовое поведение домохозяйств: кто в кризис теряет больше? // Прикладная эконометрика. 2017. № 4 (48). С. 85–96. URL: http://pe.cemi.rssi.ru/pe_2017_48_085-096.pdf (дата обращения: 20.03.2019).

12. Щербаль М. С. Финансовое поведение домохозяйств в условиях кризиса // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 6 (112). С. 108–115. URL: https://wciom.ru/books_magazines/zhurnal_monitoring/poisk_statej/search_by_param?number=112 (дата обращения: 16.03.2019).

13. Fernandes D., Lynch Jr. J. G., Netemeyer R. G. Financial Literacy, Financial Education, and Downstream Financial Behaviors // Management Science. 2014. Vol. 60, issue 8. Pp. 1861–1883. DOI: <https://doi.org/10.1287/mnsc.2013.1849>

14. Perry V. G., Morris M. D. Who is in Control? The Role of Self-Perception, Knowledge, and Income in Explaining Consumer Financial Behavior // Journal of Consumer Affairs. 2005. Vol. 39, issue 2. Pp. 299–313. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1745-6606.2005.00016.x>

15. Danes S. M., Haberman H. R. Teen Financial Knowledge, Self-Efficacy, and Behavior: A Gendered View // Journal of Financial Counseling and Planning. 2007. Vol. 18, issue 2. Pp. 48–60. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2228406 (accessed 15.03.2019).

16. Powell M., Ansic D. Gender Differences in Risk Behaviour in Financial Decision-Making: An Experimental Analysis // Journal of Economic Psychology.

1997. Vol. 18, issue 6. Pp. 605–628. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0167-4870\(97\)00026-3](https://doi.org/10.1016/S0167-4870(97)00026-3)

17. Walczak D., Pienkowska-Kamieniecka S. Gender Differences in Financial Behaviours // *Engineering Economics*. 2018. Vol. 29, issue 1. Pp. 123–132. DOI: <https://doi.org/10.5755/j01.ee.29.1.16400>

18. Xiao J. J., Sorhaindo B., Garman E. T. Financial Behaviours of Consumers in Credit Counseling // *International Journal of Consumer Studies*. 2006. Vol. 30, issue 2. Pp. 108–121. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1470-6431.2005.00455.x>

19. Antoni Z. L., Rootman C., Struwig F. W. The Influence of Parental Financial Socialisation Techniques on Student Financial Behaviour // *International Journal of Economics and Finance Studies*. 2019. Vol. 11, issue 2. Pp. 72–88. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10834-013-9377-9>

20. Changing College Students' Financial Knowledge, Attitudes, and Behavior Through Seminar Participation / L. M. Borden [et al.] // *Journal of Family and Economic Issues*. 2008. Vol. 29, issue 1. Pp. 23–40. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10834-007-9087-2>

21. Chen Z., Lemieux C. M. Financial Knowledge and Behaviors of Chinese Migrant Workers: An International Perspective on a Financially Vulnerable Population // *Journal of Community Practice*. 2016. Vol. 24, issue 4. Pp. 462–486. DOI: <https://doi.org/10.1080/10705422.2016.1233475>

22. Mudzingiri C., Muteba Mwamba J. W., Keyser J. N. Financial Behavior, Confidence, Risk Preferences and Financial Literacy of University Students // *Cogent Economics and Finance*. 2018. Vol. 6, issue 1. Pp. 1–25. DOI: <https://doi.org/10.1080/23322039.2018.1512366>

23. Nano D., Mema B. The Impact of Work Experience on Students' Financial Behaviour // *ACM International Conference Proceeding Series*. 2017. Part F131933. Pp. 57–60. DOI: <https://doi.org/10.1145/3141151.3141162>

24. Robb C. A., Sharpe D. L. Effect of Personal Financial Knowledge on College Students' Credit Card Behavior // *Journal of Financial Counseling and Planning*. 2009. Vol. 20, issue 1. Pp. 25–43. Available at: https://www.researchgate.net/publication/228350914_Effect_of_Personal_Financial_Knowledge_on_College_Students%27_Credit_Card_Behavior (accessed 20.03.2019).

25. Forno E., Monticone C. Financial Literacy and Pension Plan Participation in Italy // *Journal of Pension Economics and Finance*. 2011. Vol. 10, no. 4. Pp. 547–564. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1474747211000473>

26. Bumcrot C. D., Lin J., Lusardi A. The Geography of Financial Literacy // *Numeracy*. 2013. Vol. 6, no. 2, art. 2. DOI: <https://doi.org/10.5038/1936-4660.6.2.2>

27. Financial Attitudes and Responsible Spending Behavior of Emerging Adults: Does Geographic Location Matter? / B. L. Jorgensen [et al.] // *Journal of Family and Economic Issues*. 2017. Vol. 38, no. 1. Pp. 70–83. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10834-016-9512-5>

28. Panos G. A., Klapper L. Financial Literacy and Retirement Planning: The Russian Case // *Journal of Pension Economics & Finance*. 2011. Vol. 10, issue 4. Pp. 599–618. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1474747211000503>

29. Бадмаева Н. В. Финансовая грамотность и финансовое поведение населения региона (на примере Калмыкии) // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. 2016. Т. 1, № 1 (32). С. 96–99. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28961285> (дата обращения: 20.03.2019).

30. Болдырева С. Б., Батырева Д. Б., Серетырова В. В. Развитие ипотечного кредитования в Республике Калмыкия // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2016. № 4 (48). С. 69–81. URL: <https://eee-region.ru/article/4807/> (дата обращения: 20.03.2019).

31. Влияние демографических процессов на социально-экономическое развитие Республики Калмыкия / Л. Ц. Бадмахалгаев [и др.] // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2018. № 2 (54). С. 11. URL: <https://eee-region.ru/article/5411/> (дата обращения: 20.03.2019).

32. Намруева Л. В. О социальной адаптации сельского населения Калмыкии (по итогам опросов 2016 и 2017 гг.) // Oriental Studies. 2018. № 2 (36). С. 162–170. DOI: <https://doi.org/10.22162/2075-7794-2018-36-2-162-170>

Поступила 26.04.2019; принята к публикации 11.06.2019; опубликована онлайн 30.09.2019.

Об авторах:

Моисеева Дарья Викторовна, доцент кафедры менеджмента и финансов производственных систем и технологического предпринимательства ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный технический университет» (400005, Россия, г. Волгоград, пр. им. Ленина, д. 28), кандидат социологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2044-3418>, moiseeva-d@yandex.ru

Дулина Надежда Васильевна, профессор кафедры социологии ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет» (400062, Россия, г. Волгоград, Университетский пр., д. 100), доктор социологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6471-7073>, nv-dulina@volsu.ru

Заявленный вклад авторов:

Моисеева Дарья Викторовна – сбор данных и доказательств; формализованный анализ данных; подготовка текста статьи.

Дулина Надежда Васильевна – научное руководство; критический анализ и доработка текста.

Для цитирования:

Моисеева Д. В., Дулина Н. В. Финансовое поведение жителей Республики Калмыкия: экономико-статистический анализ // Регионология. 2019. Т. 27, № 3. С. 534–553. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.107.027.201903.534-553>

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Dulina N.V., Moiseeva D.V. The Financial Behavior of the Population: Identifying the Regional Differences. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsialno-ehkonomicheskie i pravovye issledovaniya* = Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research. 2018; 4(1):95-112. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2018-4-1-95-112>
2. Bogomolova T.Yu., Tapilina V.S. Financial Behavior of Households in Russia in the Mid-90s. *Ehkonomicheskaya nauka sovremennoj Rossii* = Economics of Contemporary Russia. 1998; (4):58-69. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/finansovoe-povedenie-domohozyaystv-v-rossii-v-seredine-90-h-godov> (accessed 31.01.2019). (In Russ.)
3. Alieva I.A. Financial Behavior of the Population: Theoretical Aspect. *Vestnik Kirgyszsko-Rossijskogo slavyanskogo universiteta* = Bulletin of the Kyrgyz-Russian Slavic University. 2016; 16(2):107-109. Available at: <https://www.krsu.edu.kg/vestnik/2016/v2/index.html#s2> (accessed 15.03.2019). (In Russ., abstract in Eng.)
4. Aleksandrova O.A., Yarasheva A.V. The Impact of the Economic Expectations on Financial Behavior of the Russian Population. *Voprosy statistiki* = Issues of Statistics. 2016; (5):70-79. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2016-0-5-70-79>
5. Belekhova G.V. Socio-Demographic Peculiarities of Population's Financial Behavior. *Problemy razvitiya territorii* = Problems of Territory's Development. 2015; (1):100-115. Available at: <http://noc.isert-ran.ru/files/journal/issues/pdt-2015-1-75-96d45c044d--ru.pdf> (accessed 20.03.2019) (In Russ., abstract in Eng.)
6. Belekhova G.V., Rossoshanskiy A.I. Assessing the Factors that Determine People's Financial Behavior: An Experience of Using Regression Analysis Based on Panel Data. *Ehkonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* = Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2018; 11(5):198-213. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2018.5.59.13>
7. Ibragimova D.Kh. Types of Savings and Credit Behavior. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ehkonomicheskie i sotsialnye peremeny* = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2009; (2):156-171. Available at: https://wciom.ru/books_magazines/zhurnal_monitoring/poisk_statej/search_by_param?number=90 (accessed 15.03.2019) (In Russ.)
8. Kozyreva P.M. [Financial Behavior in the Context of Socio-Economic Adaptation of the Population (a Sociological Analysis)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* = Sociological Studies. 2012; (7):54-66. Available at: http://www.isras.ru/socis_2012_07.html (accessed 20.03.2019). (In Russ.)
9. Karavay A.V. Russian Workers: Financial Behavior and Settings. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ehkonomicheskie i sotsialnye peremeny* = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2015; (2):83-95. Available at: https://wciom.ru/books_magazines/zhurnal_monitoring/poisk_statej/search_by_param?number=126 (accessed 20.03.2019). (In Russ., abstract in Eng.)
10. Karavay A.V., Tikhonov A.A. Specificity of Russian Workers' Attitudes and Behavior in Terms of their Personal Finances. *Terra Economicus*. 2015; 13(1):89-106.

Available at: https://te.sfedu.ru/evjur/data/2015/terra_13.1__karavay__tihonov.pdf (accessed 15.03.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

11. Nivorozhkina L.I. Current Incomes and Financial Behavior of Households: Who Loses More in a Crisis? *Prikladnaya ehkonometrika* = Applied Econometrics. 2017; (4):85-96. Available at: <https://ideas.repec.org/a/ris/apltrx/0332.html> (accessed 20.03.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

12. Shcherbal M.S. [Financial Behavior of Households in a Crisis]. *Monitoring obshhestvennogo mneniya: ehkonomicheskie i sotsialnye peremeny* = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2012; (6):108-115. Available at: https://wciom.ru/books_magazines/zhurnal_monitoring/poisk_statej/search_by_param?number=112 (accessed 16.03.2019). (In Russ.)

13. Fernandes D., Lynch Jr. J.G., Netemeyer R.G. Financial Literacy, Financial Education, and Downstream Financial Behaviors. *Management Science*. 2014; 60(8):1861-1883. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1287/mnsc.2013.1849>

14. Perry V.G., Morris M.D. Who is in Control? The Role of Self-Perception, Knowledge, and Income in Explaining Consumer Financial Behavior. *Journal of Consumer Affairs*. 2005; 39(2):299-313. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1745-6606.2005.00016.x>

15. Danes S.M., Haberman H.R. Teen Financial Knowledge, Self-Efficacy, and Behavior: A Gendered View. *Journal of Financial Counseling and Planning*. 2007; 18(2):48-60. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2228406 (accessed 15.03.2019). (In Eng.)

16. Powell M., Ansic D. Gender Differences in Risk Behaviour in Financial Decision-Making: An Experimental Analysis. *Journal of Economic Psychology*. 1997; 18(6):605-628. (In Eng.) DOI: [https://doi.org/10.1016/S0167-4870\(97\)00026-3](https://doi.org/10.1016/S0167-4870(97)00026-3)

17. Walczak D., Pienkowska-Kamieniecka S. Gender Differences in Financial Behaviours. *Engineering Economics*. 2018; 29(1):123-132. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.5755/j01.ee.29.1.16400>

18. Xiao J.J., Sorhaindo B., Garman E.T. Financial behaviours of Consumers in Credit Counseling. *International Journal of Consumer Studies*. 2006; 30(2):108-121. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1470-6431.2005.00455.x>

19. Antoni Z.L., Rootman C., Struwig F.W. The influence of Parental Financial Socialisation Techniques on Student Financial Behaviour. *International Journal of Economics and Finance Studies*. 2019; 11(2):72-88. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1007/s10834-013-9377-9>

20. Borden L.M., Lee S.-A., Serido J., Collins D. Changing College Students' Financial Knowledge, Attitudes, and Behavior Through Seminar Participation. *Journal of Family and Economic Issues*. 2008; 29(1):23-40. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1007/s10834-007-9087-2>

21. Chen Z., Lemieux C.M. Financial Knowledge and Behaviors of Chinese Migrant Workers: An International Perspective on a Financially Vulnerable Population. *Journal of Community Practice*. 2016; 24(4):462-486. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1080/10705422.2016.1233475>

22. Mudzingiri C., Muteba Mwamba J.W., Keyser J.N. Financial Behavior, Confidence, Risk Preferences and Financial Literacy of University Students. *Cogent*

Economics and Finance. 2018; 6(1):1-25. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1080/23322039.2018.1512366>

23. Nano D., Mema B. The Impact of Work Experience on Students' Financial Behaviour. *ACM International Conference Proceeding Series*. 2017; Part F131933. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1145/3141151.3141162>

24. Robb C.A., Sharpe D.L. Effect of Personal Financial Knowledge on College Students' Credit Card Behavior. *Journal of Financial Counseling and Planning*. 2009; 20(1):25-43. Available at: https://www.researchgate.net/publication/228350914_Effect_of_Personal_Financial_Knowledge_on_College_Students%27_Credit_Card_Behavior (accessed 20.03.2019). (In Eng.)

25. Fornero E., Monticone C. Financial Literacy and Pension Plan Participation in Italy. *Journal of Pension Economics and Finance*. 2011; 10(4):547-564. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1017/S1474747211000473>

26. Bumcrot C.D., Lin J., Lusardi A. The Geography of Financial Literacy. *Numeracy*. 2013; 6(2). Article 2. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.5038/1936-4660.6.2.2>

27. Jorgensen B.L., Foster D., Jensen J.F., Vieira E. Financial Attitudes and Responsible Spending Behavior of Emerging Adults: Does Geographic Location Matter? *Journal of Family and Economic Issues*. 2017; 38(1):70-83. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1007/s10834-016-9512-5>

28. Panos G.A., Klapper L. Financial Literacy and Retirement Planning: The Russian Case. *Journal of Pension Economics & Finance*. 2011; 10(4):599-618. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1017/S1474747211000503>

29. Badmaeva N.V. [Financial Literacy and Financial Behavior of the Population of the Region (the Case of Kalmykia)]. *Vestnik Instituta kompleksnykh issledovaniy aridnykh territorij* = Bulletin of the Institute for Integrated Research of Arid Territories. 2016; 1(1):96-99. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28961285> (accessed 20.03.2019). (In Rus.)

30. Boldyreva S.B., Batyreva D.B., Seretyrova V.V. The Development of Mortgage Lending in the Republic of Kalmykia. *Regionalnaya ehkonomika i upravlenie: ehlektronnyj nauchnyj zhurnal* = Regional Economics and Management: Electronic Scientific Journal. 2016; (4):69-81. Available at: <https://eee-region.ru/article/4807/> (accessed 20.03.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

31. Badmakhalgaev L.Ts., Abushinov O.A., Dorzheeva B.A., Petrov Ch.V., Rudakova Z.V. Influence of Demographic Processes on the Social and Economic Development of the Republic of Kalmykia. *Regionalnaya ehkonomika i upravlenie: ehlektronnyj nauchnyj zhurnal* = Regional Economics and Management: Electronic Scientific Journal. 2018; (2):11. Available at: <https://eee-region.ru/article/5411/> (accessed 20.03.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

32. Namrueva L.V. [On Social Adaptation of Rural Population of Kalmykia (on the Basis of the 2016 and 2017 Polls)]. *Oriental Studies*. 2018; (2):162-170. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.22162/2075-7794-2018-362-162-170>

Submitted 26.04.2019; accepted for publication 11.06.2019; published online 30.09.2019.

About the authors:

Darya V. Moiseeva, Associate Professor, Department of Management and Finance of Production Systems and Technological Entrepreneurship, Volgograd State Technical University (28 Lenin Ave., 400005 Volgograd, Russia), Ph. D. (Sociology), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2044-3418>, moiseeva-d@yandex.ru

Nadezhda V. Dulina, Professor, Department of Sociology, Volgograd State University (100 Prospekt Universitetskiy, 400062 Volgograd, Russia), Dr. Sci. (Sociology), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6471-7073>, nv-dulina@volsu.ru

Contribution of the authors:

Darya V. Moiseeva – collection of data and evidence; formalized data analysis; writing the text of the article.

Nadezhda V. Dulina – academic supervision; critical analysis and revision of the text.

For citation:

Moiseeva D.V., Dulina N.V. Financial Behavior of the Population of the Republic of Kalmykia: An Economic and Statistical Analysis. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2019; 27(3):534-553. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.107.027.201903.534-553>

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Социально-экономические индикаторы депривации малообеспеченного населения в российском регионе (на примере Пензенской области)

Г. Б. Кошарная*

Л. Ф. Каримова

Н. В. Корж

*ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»
(г. Пенза, Россия),
k-galina1@yandex.ru

Введение. Актуальность проблемы социально-экономической депривации обусловлена тем, что отсутствие внимания к решению данного вопроса может привести к проявлению недовольства как отдельного индивидуума, так и социальных групп, что будет способствовать угрозе устойчивости российского социума. В связи с этим в целях сохранения стабильности общества необходимо исследование малообеспеченного населения и социально-экономических факторов его депривации. Целью исследования является определение социально-экономических индикаторов депривации малообеспеченного населения в Пензенском регионе.

Материалы и методы. Для осуществления поставленной цели проведены исследования, ориентированные на выявление различных форм депривации малообеспеченного населения и уровня жизни бедных в современном российском обществе. Исследование включало использование количественных и качественных методов, а также материалы вторичных исследований. В статье проанализированы данные опроса 2018 г. среди малообеспеченного населения Пензенского региона. В работе применялся метод фокус-групп, а также системный и сравнительный анализ, анализ статистических данных.

Результаты исследования. Проанализирована проблема социально-экономической депривации в Пензенском регионе, выделены ее индикаторы и виды. Обсуждение в фокус-группе выявило основной фактор экономической депривации – неравенство распределения доходов в современном обществе. Таким образом, выполненное исследование доказало, что причины бедности регионального социума связаны с экономической депривацией (низкая оплата труда, отсутствие

© Кошарная Г. Б., Каримова Л. Ф., Корж Н. В., 2019

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

работы). Проведенный опрос позволил определить стратегии малообеспеченного населения по выходу из сложного материального положения.

Обсуждение и заключение. Депривация населения является проблемой государственного масштаба. Для решения данного вопроса необходимо анализировать особенности каждого субъекта Российской Федерации в отдельности, выявлять причины и факторы, приводящие к лишениям отдельных категорий населения, разрабатывать меры по преодолению бедности в стране и в регионе. Полученные результаты могут помочь государственным и муниципальным органам власти в решении вышеуказанной проблемы.

Ключевые слова: социальное неравенство, социальная и экономическая депривация, индикаторы депривации, малообеспеченное население, уровень жизни, прожиточный минимум, бедность

Socio-Economic Indicators of Deprivation of Low-Income Population in a Region of Russia (the Case of the Penza Region)

G. B. Kosharnaya*, L. F. Karimova, N. V. Korzh

Penza State University (Penza, Russia),

**k-galinal@yandex.ru*

Introduction. The relevance of the issue of socio-economic deprivation is due to the fact that the lack of attention to the solution of this problem may lead to manifestation of discontent of both individuals and social groups, which may threaten the stability of Russia's society. In this regard, in order to preserve stability in the society, it is necessary to study the low-income population and the socio-economic factors of deprivation. The aim of the research is to identify the socio-economic indicators of deprivation of the low-income population in the Penza Region.

Materials and Methods. To achieve this goal, a research was conducted, aimed at identifying various forms of deprivation of the low-income population and the living standards of the poor in the modern Russian society. The research employed quantitative and qualitative methods, as well as materials of secondary research. The article analyzes the data of the 2018 survey conducted among the low-income population in the Penza Region. Among the qualitative methods, the focus group method was chosen. General scientific methods were used, such as systemic and comparative analysis, analysis of statistical data.

Results. The problem of socio-economic deprivation in the Penza Region has been analyzed; its indicators and types have been highlighted. The focus group discussion has revealed the main factor of economic deprivation – the inequality of income distribution in modern society. Thus, the study performed has proved that the causes of poverty of a regional society are associated with economic deprivation (low wages, lack of employment). The survey conducted has made it possible to identify the strategies of the low-income population to get out of a difficult financial situation.

Discussion and Conclusion. Deprivation of the population is a problem of national importance. To address this issue, it is necessary to analyze the characteristics of each constituent entity of the Russian Federation separately, to identify the causes and factors leading to deprivation of certain categories of the population, to develop measures to overcome poverty in the country and in the region. The results can help federal and municipal authorities in solving the above mentioned problem.

Keywords: social inequality, social and economic deprivation, indicators of deprivation, low-income population, living standard, cost of living, poverty

Введение. Трансформационные процессы в современной России не только кардинально изменили социально-экономическую ситуацию в стране, но и внесли огромные перемены в жизнь каждой семьи и отдельного человека в частности.

Неустойчивость социальной сферы современного российского общества привела к резкому расслоению населения нашей страны по материальному признаку. Кроме структурных изменений в российском обществе большое влияние на население страны оказал глобальный финансово-экономический кризис и его последствия, в результате чего значительная доля населения ощутила усиление депривации во многих сферах.

Все вышеперечисленные факторы привели к тому, что для многих современных семей стало очень сложно поддерживать привычный образ жизни. Социально-экономическая ситуация, складывающаяся в российском социуме, способствует росту депривации отдельных категорий населения. Депривация имеет как экономическую, так и социальную основу. Для российского населения данное явление наблюдается преимущественно в социальной сфере, прежде всего в сферах труда, страховой медицины, образования, пенсионного обеспечения, предоставления социальных льгот, требующих мобилизации всех жизненных ресурсов.

Понятие «депривация» означает лишение или нужду в чем-либо. Экономическая депривация проявляется в вынужденном отказе от потребления материальных благ или услуг, которые необходимы личности для удовлетворения ее базовых потребностей. Социальную депривацию следует рассматривать как процесс лишения социальных благ или необходимых жизненных условий, влекущих за собой социальную неудовлетворенность, которая может выражаться в социальном недовольстве и проявляться в росте социальной напряженности и социального протеста.

Для России проблема борьбы с бедностью является очень актуальной. В послании Федеральному Собранию РФ в феврале 2019 г. В. В. Путин отметил, что за чертой бедности в нашей стране по официальной статистике остаются 19 млн чел. В связи с этим Правительству РФ было предложено разработать меры предупреждающего характера. В качестве механизма решения данной проблемы Президент РФ предложил использование социального контракта. В данном случае такая форма поддержки предполагает индивидуальный подход к каждой конкретной ситуации, в зависимости от необходимой нужды: трудоустройство, переквалификация, организация подсобного хозяйства или собственного дела и т. д.

Выявление лишений, которые испытывают малообеспеченные категории населения, позволит разработать меры по их поддержке и оказанию им адресной помощи. Для того чтобы иметь возможность помогать малоимущим гражданам, необходимо узнать, в чем конкретно они нуждаются. В связи с этим целью настоящего исследования явилось определение социально-экономических индикаторов депривации бедного населения на основе социологического анализа социально-экономического положения малообеспеченного населения Пензенского региона.

Обзор литературы. В начале XX в. проблемой социально-экономических лишений и неравными жизненными условиями различных слоев населения детально занимались П. Сорокин¹, М. Вебер² и др.

В рамках структурного функционализма в работах Дж. Дэвиса³ депривация рассматривалась как следствие социального структурирования общества. М. Янтти и Ш. Данцигер понимали депривацию как несовпадение целей, стратегий и результатов достижения межгруппового поведения [1]. В работах Р. Дарендорфа⁴, Л. Козера⁵ проблема депривации анализируется как одна из причин социального конфликта.

В социологическую терминологию понятие депривации было введено в начале XX в. английским социологом П. Таунсендом. Согласно его трактовке, депривация представляет собой наблюдаемое и доказуемое беззачетное положение индивида, семьи или группы на фоне общества. Депривация представляет собой как субъективное, так и объективное состояние обездоленности, связанное с постоянным неудовлетворением основных для индивидуума и его семьи потребностей. Испытывая состояние лишения, личность сравнивает свое материальное положение не только с положением других членов общества, но и с принятыми стандартами качества и уровня жизни в конкретном социуме. При повышении благосостояния общества в целом повышаются стандарты жизни всех социальных слоев, следовательно, растет угроза депривации наименее успешных категорий населения⁶. П. Таунсенд выдвинул концепцию относительной депривации. Социолог считал, что «люди относительно депривированы тогда, когда они не в силах обеспечить себе достойные условия жизни вообще или в значительной степени –

¹ Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Academia; LVS, 2005. 588 с.

² Вебер М. Основные понятия стратификации // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 147–156. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/254/578/1217/020_veber.pdf (дата обращения: 03.05.2019).

³ Davis J. The “J-Curve” of Rising and Decling Satisfaction as a Cause of Some Great Revolutions and Contained Rebellion // *Violens in America* / Ed. J. Davis, T. Gurr. N.Y., 1969.

⁴ Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. М.: РОССПЭН, 2002. 289 с.

⁵ Козер Л. Функции социального конфликта. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 2000. 208 с.

⁶ Townsend P. The concept of poverty. L., 1970. P. 31.

питание, условия для отдыха, стандарты и услуги, – которые позволили бы им участвовать во взаимодействиях, вести себя привычным образом для стандартного общества» [2].

В последние годы отмечается рост внимания исследователей к уровню депривации малообеспеченного населения, а также анализу ее индикаторов, набору лишений, затрагивающих различные стороны жизни индивидуума и его семьи. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что явление бедности, ее причины, последствия вызывали интерес во все времена как у зарубежных, так и у отечественных ученых.

Бедность как один из критериев измерения депривации рассматривается в книге Р. Уайта «Measuring Multidimensional Poverty and Deprivation» [3]. Всесторонний анализ многомерной депривации в США после Великой рецессии с 2008 по 2013 г. провели Ш. Дхонгде, Р. Хакеман [4]. Б. Нолан, К. Т. Уилан изучили, какую роль показатели неденежной депривации играют в борьбе с бедностью и социальной изоляцией во всем Европейском союзе [5].

Анализ работ зарубежных авторов позволяет сделать вывод, что депривация как особое состояние в первую очередь связано с бедностью.

Различным формам депривации в отечественной социологии посвящены работы С. Е. Котлярова⁷, К. Муздыбаева [6], отражающие набор лишений как отдельного индивидуума, так и его семьи. Важнейшую роль играют исследования В. А. Аникина [7], М. К. Горшкова [8; 9], З. Т. Голенковой⁸, Н. Е. Тихоновой⁹, посвященные анализу депривации в рамках социального и экономического неравенства. В частности, М. К. Горшковым анализируется проблема общественных неравенств как одна из глобальных проблем современности. По мнению автора, неравенства представляют собой специфическую форму социальной дифференциации, предопределяющей различия жизненных условий индивидов и социальных групп и опосредующей разные возможности удовлетворения ими актуальных потребностей и интересов [8].

Выявлению уровня и качества жизни посвящены труды С. А. Айвазяна [10], Н. Е. Тихоновой, Н. М. Давыдовой, И. П. Поповой [11]. Проблема бедности в современном российском обществе и способы ее оценки рассмотрены в публикациях С. В. Мареевой [12], Л. Т. Печеной, С. В. Толкачевой, И. Е. Домарева [13], Л. С. Ржаницыной [14], Е. Д. Слободенюк [15]. Проблемы изучения качества жизни населения и регулирования бедности являются одними из центральных тем

⁷ Котляров С. Е. Социальная депривация как механизм социально-экономического реформирования современного российского общества: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Ставрополь, 2006. С. 12–16.

⁸ Голенкова З. Т. Избранные труды. М.: Новый хронограф, 2014. 343 с.

⁹ Бедность и бедные в современной России / под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2014. 304 с.

социального менеджмента. Например, разработке новых подходов к изучению феномена бедности посвящена статья Н. Н. Ивашинко, Л. А. Миграновой, М. Л. Теодоровича [16]. Авторы предлагают использовать партисипаторный подход, который, объединяя в себе наиболее эффективные международные наработки, позволяет разрабатывать базу для долгосрочных исследовательских проектов, обеспечивающих процессы разработки стратегий преодоления бедности.

В исследованиях С. В. Полутина и В. В. Козина [17] поднимались вопросы о социальной дифференциации молодого поколения в России. Феномен маргинала в городской среде освещен в работе Т. М. Дадаевой [18].

Несмотря на то, что проблема депривации является актуальной для любого общества и находит свое отражение в трудах отечественных и зарубежных ученых, вопрос определения социально-экономических индикаторов депривации отдельных категорий населения остается еще недостаточно исследованным в отечественной научной литературе, что и определило выбор темы статьи.

Материалы и методы. В процессе исследования был проведен анализ работ по проблеме депривации зарубежных и отечественных ученых. Базой для рассмотрения данного вопроса послужила официальная информация, публикуемая Федеральной службой государственной статистики.

Для того чтобы выявить причины и возможные пути выхода из состояния депривации малообеспеченного населения, было проведено социологическое исследование среди населения города и области. Эмпирической базой проведенного исследования выступили результаты репрезентативного опроса, проведенного в 2018 г. в Пензенской области среди малообеспеченного населения региона. Для массового опроса малообеспеченного населения региона была разработана анкета. Общий объем выборки составил 526 респондентов.

В связи с тем, что количественные методы не могут выявить причины оценок респондентов в рамках рассматриваемой проблемы, были использованы качественные методы. Информация качественного характера была получена в рамках фокус-групп ($n = 8$), которые были проведены среди молодежи г. Пензы в возрасте от 18 до 23 лет в декабре 2018 г. Для этих целей был разработан гайд проведения фокус-групп. Неформализованный анализ позволил выявить индивидуальные мнения и взгляды на проблему депривации в Пензенском регионе.

Результаты исследования. Состояние населения, его социально-политические установки формируются в зависимости от тех проблем, с которыми оно сталкивается. Данные проблемы являются индикаторами социально-экономического развития страны. Одна из таких проблем – депривация различных категорий населения. Депривацию следует по-

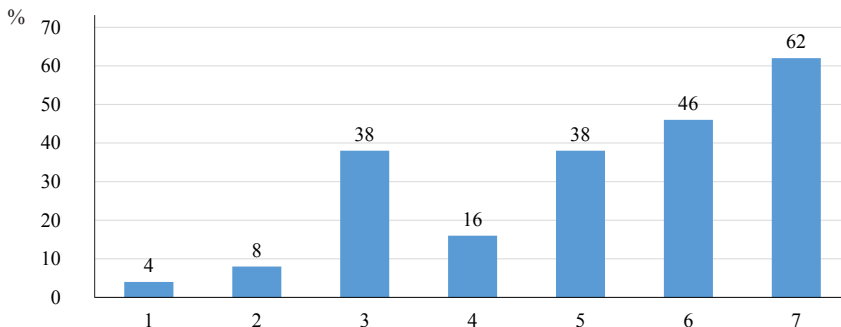
нимать как социальный процесс потери или лишения возможностей по удовлетворению жизненно необходимых потребностей отдельного человека либо его семьи в целом.

Результаты фокус-групп показали, что большинство молодых людей понимают под социальной депривацией некое социальное неравенство между людьми, которое мешает человеку общаться и функционировать с другими людьми, а также его изолированность от общества. Фактором экономической депривации является неравномерность распределения доходов в современном обществе. Так, нами было получено следующее определение: «Экономическая депривация – это неравенство в материальных благах, неполное потребление или отказ в удовлетворении каких-либо материальных благ и услуг, различия в материальном достатке, неравномерных доходах и распределении затрат и, как следствие, разделение современного общества на богатых и бедных» (респондент А., жен., 21 год).

Для измерения депривации социологи используют метод лишений, основанный на сравнении материального положения человека или семьи с определенными стандартами, принятыми в конкретном социуме. На выработку стандартов жизни влияет временной период, территория, социально-экономическое развитие региона и т. д. Однако данные критерии относительны. Метод лишений применяется для измерения доступности питания, услуг системы образования и здравоохранения, качества жилищных условий, безопасности жизни и имущества, занятости и условий труда, обеспеченности средствами коммуникации и др. [19, с. 164].

Результаты проведенного исследования среди малообеспеченного населения показали: чаще всего (62 %) респонденты ощущают лишения, связанные с неравенством доходов своей семьи, что соответствует их социальному положению в обществе. 46 % опрошенных лишены доступа к медицинским услугам и врачебной помощи, что приводит к плохому состоянию здоровья малообеспеченного населения. 38 % респондентов чувствуют неравенство в жилищных условиях, которое проявляется либо в его отсутствии вообще, либо в наличии в собственности квартиры гостиничного типа. Лишения, связанные с возможностями приумножения человеческого капитала посредством доступа к образованию индивидуума и его семьи, ощущают лишь 16 % респондентов, а 38 % отметили ограничения, связанные с положением на рынке труда, выражающиеся в отсутствии достойных рабочих мест. Неравенство в досуговых возможностях ощущают лишь 8 % населения и только 4 % опрошенных не испытывают неравенства вообще (рис. 1).

Результаты фокус-групп еще раз подтвердили данные анкетного опроса. Во-первых, как и опрошенные респонденты, молодежь из фокус-групп полагает, что большинство населения испытывают экономическую депри-

1. Не испытываю неравенство / I do not experience inequality
2. Лишения в досуговых возможностях / Deprivation in leisure opportunities
3. Неравенство на рынке труда / Labor market inequality
4. Лишения в доступе к образованию / Deprivation in access to education
5. Неравенство жилищных условий / Housing inequality
6. Лишения в доступе к медицинским услугам / Deprivation in access to medical services
7. Неравенство доходов / Income inequality

Рис. 1. Оценка испытываемых лишений и неравенства различных аспектов жизни семьи респондента (в процентах от числа опрошенных, n = 526)¹⁰

Fig. 1. Assessment of the experienced deprivation and inequality in various aspects of the respondent's family life (percentage of the number of respondents, n = 526)

вацию: «Я считаю, что население подвержено материальным лишениям, так как в настоящее время в жизни россиян наблюдается неравенство как в уровне жизни, так и в качестве предоставляемых услуг» (респондент К., жен., 18 лет); «Экономическая депривация и социальная друг с другом взаимосвязаны. В современном мире без денег никуда, только при наличии высокого материального благополучия человек может позволить себе качественное образование и медицинское обслуживание. В связи с этим возникает необходимость больше трудиться для получения более высокого дохода» (респондент Н., жен., 22 года).

Во-вторых, среди основных индикаторов депривации выступают разница в доходах: «В современном обществе все больше проявляется неравномерное распределение доходов и ограничение в удовлетворении потребностей. Многие семьи не могут позволить себе элементарных вещей» (респондент В., муж., 21 год); «Экономическая депривация

¹⁰ Ответ на вопрос предполагал многовариантность, поэтому сумма ответов превышает 100 %.

выражается в неравенстве по доходам. Ограничение в возможностях приводит к росту неравенства в обществе. Для отдельных категорий населения характерно неполное потребление, отказ в каких-либо материальных благах, услугах. Все это приводит к невозможности удовлетворять жизненно-важные потребности» (респондент Б., жен., 22 года).

Депривация тесно связана с такими категориями, как уровень жизни, бедность, социальное неравенство, социальная стратификация, качество жизни населения.

Уровень жизни является одним из важнейших индикаторов депривации. Чем ниже уровень жизни, тем сильнее степень депривированности отдельного индивидуума и его семьи. Результаты социологического исследования позволили выявить основные причины бедности в Пензенском регионе. Одной из основных проблем, приводящих к трудному материальному положению, является длительная безработица. Так считают около 20 % респондентов в каждой возрастной категории. Молодежь полагает, что бедное материальное положение связано с нежеланием менять привычный образ жизни, с пассивностью и ленью (25,3 %), низкой квалификацией и уровнем образования (8,4) и невыплатой заработной платы (9,2 %). Все возрастные группы старше 35 лет выделили еще два важных фактора, которые оказывают влияние на материальное положение индивида и членов его семьи: невыплаты заработной платы (14,0 %) и плохое состояние здоровья / болезнь (20,5 %). Чем старше респонденты, тем больше они уверены, что болезнь и невыплата заработной платы приводят к плохому материальному положению.

Для определения реального уровня жизни населения страны необходимо применять комплексный подход, учитывая результаты абсолютного и относительного подходов [20, с. 133].

Для определения уровня бедности в России используется понятие «прожиточный минимум». Величина прожиточного минимума представляет собой стоимостную оценку потребительской корзины, а также обязательные платежи и сборы. По данным Росстата, величина прожиточного минимума в 2019 г. в среднем по России составляет 10 213 руб. в месяц (11 310 руб. – на трудоспособного человека, 8 615 руб. – на пенсионера и 10 302 руб. – на ребенка); для Пензенского региона средний прожиточный минимум равен 8 744 руб.¹¹.

Для России данные цифры являются недостаточными, так как стоимость услуг ЖКХ растет с каждым годом. Кроме того, большинство населения ощущают острую потребность в постоянном приеме лекарственных средств. Это лишь часть необходимого каждому гражданину ежемесячного минимума. Следовательно, установленная величина про-

¹¹ Величина прожиточного минимума [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/30957> (дата обращения: 22.05.2019).

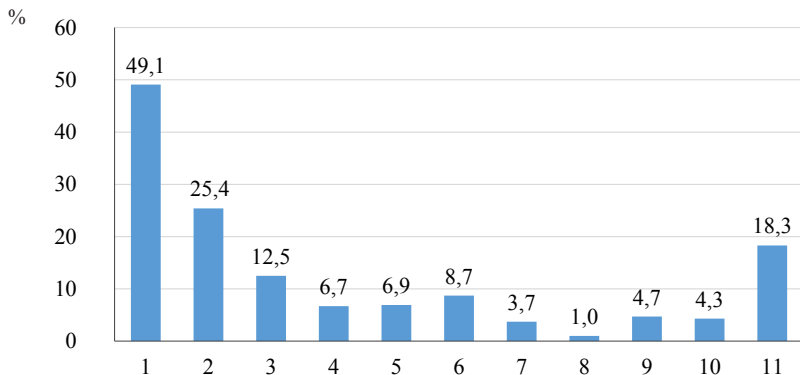

житочного минимума не покрывает жизненно необходимых расходов отдельных групп населения.

Результаты фокус-групп свидетельствуют, что молодые люди оценивают величину прожиточного минимума негативно и считают ее недостаточной: «На мой взгляд, величина прожиточного минимума ориентирована не на здоровую нацию, так как если не отказывать себе в еде, то нужно отказаться от всего остального (одежда, жилье). А если необходимо приобрести что-то из одежды, то нужно ограничивать себя или даже отказаться от еды, что не свойственно для здорового трудоспособного населения» (респондент В., жен., 19 лет); «Я считаю, что на прожиточный минимум сегодня может прожить лишь взрослый человек в сельской местности, так как [там] на продуктах питания и коммунальных платежах можно серьезно сэкономить» (респондент А., жен., 21 год); «Меня величина прожиточного минимума загоняет в тупик, так как в молодом возрасте хочется получить достойное образование» (респондент К., муж., 23 года).

Как уже было отмечено, малообеспеченное население испытывает лишения в различных областях. В рамках исследования респонденты обозначили основные направления преодоления бедности, которые помогли бы улучшить их материальное положение (рис. 2).

Люди разных поколений имеют разные ценностные установки и, ориентируясь на них, выбирают различные жизненные стратегии. Кто-то готов активно менять свою жизнь к лучшему, кто-то готов пассивно смириться с существующим положением [21, с. 40]. Стратегии по выходу из сложного материального положения меняются в зависимости от возраста. Так, молодое поколение для пополнения своего бюджета готово работать сверхурочно или по совместительству (в возрастной категории от 20 до 24 лет – 13,6 %, от 25 до 34 лет – 41,8 % респондентов). Еще один выход из трудного материального состояния молодые люди видят в переквалификации для возможности получить более выгодные условия труда (от 20 до 24 лет – 16,1 %, от 25 до 34 лет – 51,6 %). Респонденты в возрасте от 20 до 24 лет готовы заниматься торговлей продуктами, выращенными самостоятельно. Трудоспособная молодежь в возрасте от 25 до 34 лет, которая уже столкнулась с проблемами трудоустройства и невозможности найти себе применение, готова уехать из региона, сменить место жительства (38,9 %). У опрошенных старше 35 лет наблюдаются другие стратегии выхода из сложного материального положения. Респонденты в возрасте от 35 до 44 лет продают накопленное имущество (44,5 %), работают на нескольких работах (41,8), в крайнем случае готовы сменить место жительства (38,9 %). Работа по совместительству в нескольких местах (25,5 %), использование разовых, временных подработок (22,2), продажа накопленного имущества

1. Обеспечение себя сельскохозяйственными продуктами / Providing oneself with agricultural products
2. Использование разовых и временных подработок / Occasional and temporary employment
3. Сверхурочная работа, совместительство на основном месте работы / Working overtime, side jobs at the main place of work
4. Работа по совместительству в нескольких местах / Working part-time in several places
5. Продажа продуктов, выращенных самостоятельно / Selling self-grown products
6. Переквалификация для смены работы / Retraining for a job change
7. Продажа накопленного имущества / Selling one's property
8. Сдача в наем недвижимости, использование процентов от сбережений / Letting one's property, spending the savings interest earned
9. Займ денежных средств / Cash loan
10. Смена места жительства / Changing one's place of residence
11. Нежелание что-то менять / Reluctance to change anything

Р и с. 2. Основные направления деятельности малообеспеченного населения для улучшения своего материального положения (в процентах от числа опрошенных, n = 526)

Fig. 2. The main activities of the low-income population to improve their financial situation (percentage of the number of respondents, n = 526)

(22,2 %) – данные направления деятельности характерны для возрастной категории от 45 до 54 лет. Люди старшего возраста (55–64 года), кроме продажи накопленного имущества (33,3 %), обеспечивают себя сельскохозяйственными продуктами (19,4 %) и продают их (15,8 %).

Анализ данных показал, что население в лишениях чаще всего видит экономическую основу, так отсутствие высокого дохода ограничивает доступ к определенным благам. Однако, как было замечено, молодежь экономическую депривацию очень тесно связывает с социальной. Со-

циально-экономические процессы приводят не только к расслоению общества по материальному признаку, но и по социальной успешности. Для этих категорий населения присущи обособление, низкая социальная мобильность, неизменность положения в обществе. Осознание такого положения приводит к формированию у индивидуума агрессивных тенденций в поведении, что может сопровождаться недовольством, протестами в отношении сложившегося социального порядка. Учитывая вышесказанное, еще раз подтверждается необходимость комплексного подхода к решению проблем депривации малообеспеченных категорий населения.

Обсуждение и заключение. Последствия социально-экономических процессов отражаются на жизни общества. Рассматривая уровень жизни населения нашей страны в целом или отдельно взятые ее регионы, можно понять взаимодействие разных форм депривации, их механизмов, условий, при которых они усиливают или, напротив, нейтрализуют друг друга.

Результаты исследований, проведенных в Пензенской области, показали, что население региона в большей степени испытывает экономическую депривацию. Наиболее острые лишения в регионе проявляются в разнице доходов населения, невозможности получить хорошую работу, качественные услуги, в первую очередь медицинские. Если следовать указам Президента РФ, то правительство региона должно индивидуально определить набор преодоления лишений для конкретной семьи или индивида. Для кого-то это будет улучшение жилищных условий, возможность получать качественные медицинские услуги, кому-то необходима помощь в трудоустройстве и т. д.

Результаты социологического опроса малообеспеченных граждан позволяют сделать вывод, что в борьбе с бедностью в регионе необходимо первым делом создавать дополнительные рабочие места, оказывать активную помощь в организации собственного дела (особенно молодому населению). Правительство региона должно обратить внимание на работодателей, которые не выплачивают заработную плату своим работникам либо выплачивают в неполном объеме. Центру занятости населения следует разработать программы по переквалификации населения, которые будут направлены на подготовку востребованных и конкурентоспособных специалистов на региональном рынке труда.

В целом анализ ответов респондентов показал, что население нацелено на изменение своего материального положения. Для этого большинство (49,1 %) опрошенных занимаются сельскохозяйственными работами, чтобы обеспечить себя выращенными продуктами; четвертая часть (25,4 %) респондентов прибегают к различным видам подработок.

При оценке депривации и выработке мер по ее снижению необходимо учитывать ее виды (абсолютную и относительную). Под абсолютной депривацией следует понимать невозможность для индивидуума или

его семьи удовлетворить свои базовые потребности из-за отсутствия или недостатка материальных средств и социальных ресурсов. Относительная депривация характеризуется как субъективно воспринимаемое несовпадение ценностных ожиданий в отношении условий и качества жизни, которые, по мнению конкретного индивидуума, он заслуживает по справедливости, и тех благ, которые он имеет в реальности.

Таким образом, выделение социально-экономических индикаторов депривации необходимо на основе комбинированного подхода, который можно охарактеризовать через понятие множественной депривации, отражающее комплекс показателей неравного доступа к общественным благам в разных областях. Так, низкий доход может сопровождаться плохим качеством продуктов питания, низким качеством жилья, слабым состоянием здоровья, некачественными услугами здравоохранения и образования.

Основные положения и выводы, изложенные в статье, могут быть полезны при разработке региональных федеральных программ по преодолению депривации малообеспеченного населения, повышению их материального благополучия и адаптационного потенциала. Материалы статьи могут быть использованы в учебно-методической работе при подготовке и проведении курсов социологии, социальной работы.

В заключение следует отметить, что в рамках данной темы необходимо дальнейшее исследование таких вопросов, как уровень и качество жизни малообеспеченного населения, степень депривированности населения в современном российском обществе, факторы риска депривации малообеспеченного населения, особенности проявления и социально-экономические индикаторы депривации малообеспеченного населения в региональном социуме.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Jäntti M., Danziger Sh. Income Poverty in Advanced Countries // Handbook of Income Distribution. 2000. Vol. 1. Pp. 309–378. DOI: [https://doi.org/10.1016/S1574-0056\(00\)80009-3](https://doi.org/10.1016/S1574-0056(00)80009-3)

2. Townsend P. The International Analysis of Poverty. New York: Harvester Wheatsceaf, 1993. 304 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315835099>

3. White R. Multidimensional Poverty and Deprivation: An Introduction // Measuring Multidimensional Poverty and Deprivation. Global Perspectives on Wealth and Distribution / R. White (eds). Palgrave Macmillan, Cham, 2017. Pp. 1–6. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-58368-6_1

4. Dhongde S., Haveman R. Multi-Dimensional Deprivation in the U.S. // Social Indicators Research. 2017. Vol. 133, issue 2. Pp. 477–500. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11205-016-1379-1>

5. Nolan B., Whelan C. T. Poverty and Social Exclusion Indicators in the European Union: The Role of Non-Monetary Deprivation Indicators // *Reducing Inequalities* / R. Carmo, C. Rio, M. Medgyesi (eds). Palgrave Macmillan, Cham, 2018. Pp. 97–114. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-65006-7_7

6. Муздыбаев К. Переживание бедности как социальной неудачи: атрибуция ответственности, стратегии совладания и индикаторы депривации // *Социологический журнал*. 2001. № 1. С. 5–32. URL: <http://jour.isras.ru/index.php/socjour/article/viewFile/664/617> (дата обращения: 06.05.2019).

7. Anikin V. A., Tikhonova N. E. Poverty and Inequality in BRICS Countries // *Sociological Research*. 2016. Vol. 55, no. 5. Pp. 305–341. DOI: <https://doi.org/10.1080/10610154.2016.1294432>

8. Горшков М. К. Общественные неравенства как объект социологического анализа // *Социологические исследования*. 2014. № 7. С. 20–31. URL: <http://socio.isras.ru/article/5667> (дата обращения: 12.05.2019).

9. Горшков М. К. Общественные неравенства в пореформенной России: социологический диагноз // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Социология. 2016. Т. 16, № 4. С. 693–718. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28114990> (дата обращения: 12.05.2019).

10. Айвазян С. А., Афанасьев М. Ю., Кудров А. В. Интегральный индикатор качества условий жизни // *Цифровая экономика*. 2019. № 1 (5). С. 43–56. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38167259> (дата обращения: 12.05.2019).

11. Тихонова Н. Е., Давыдова Н. М., Попова И. П. Индекс уровня жизни и модель стратификации российского общества // *Социологические исследования*. 2004. № 6. С. 120–129. URL: https://www.isras.ru/socio_2004_6.html (дата обращения: 12.05.2019).

12. Мареева С. В., Тихонова Н. Е. Бедность и социальные неравенства в России в общественном сознании // *Мир России: Социология, этнология*. 2016. Т. 25, № 2. С. 37–67. URL: <https://mirros.hse.ru/article/view/4902> (дата обращения: 09.05.2019).

13. Печеная Л. Т., Толкачева С. В., Домарев И. Е. Проблема бедности в России и в мире: способы оценки, пути снижения // *Экономика: вчера, сегодня, завтра*. 2017. Т. 7, вып. 6А. С. 78–100. URL: <http://publishing-vak.ru/file/archive-economy-2017-6/9-pechenaya-tolkacheva-domarev.pdf> (дата обращения: 15.05.2019).

14. Ржаницына Л. С. Бедные в Москве: способы измерения, меры социальной политики // *Социологические исследования*. 2018. № 10. С. 77–89. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250002160-9>

15. Слободенюк Е. Д., Аникин В. А. Где пролегает «черта бедности в России» // *Вопросы экономики*. 2018. № 1. С. 104–127. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-1-104-127>

16. Ивашиненко Н. Н., Мигранова Л. А., Теодорович М. Л. Изучение качества жизни населения как основы социального управления // *Народонаселение*. 2014. № 1 (63). С. 101–118. URL: <http://www.isesp-ras.ru/numbers/2014-1> (дата обращения: 15.05.2019).

17. Полутин С. В., Козин В. В. Профессионально-трудовое определение молодежи региона // *Регионология*. 2016. № 4 (97). С. 192–200. URL: <http://regionsar.ru/ru/node/1493> (дата обращения: 03.05.2019).

18. Дадаева Т. М., Спиридонова К. М. На обочине жизни: феномен маргинала в городской среде // Социологические исследования. 2017. №. 8. С. 118–123. URL: <http://socis.isras.ru/article/6817> (дата обращения: 03.05.2019).

19. Сизова И. Л. Современная политика и практика поддержки занятости пожилых // Власть. 2015. № 9. С. 162–166. URL: <http://jour.isras.ru/index.php/vlast/article/view/2989/2786> (дата обращения: 15.05.2019).

20. Кошарная Г. Б., Каримова Л. Ф. Основные подходы к измерению уровня бедности в современной России // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2013. №. 4 (28). С. 132–139. URL: https://izvuz_on.pnzgu.ru/on14413 (дата обращения: 20.05.2019).

21. Кошарная Г. Б., Каримова Л. Ф. Факторы, определяющие риск бедности населения в современном российском обществе (региональный аспект) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Социология. Политология. 2014. Т. 14, №. 4. С. 36–40. URL: <https://soziopolit.sgu.ru/ru/articles/factory-opredelyayushchie-risk-bednosti-naseleniya-v-sovremennom-rossiyskom-obshchestve> (дата обращения: 18.05.2019).

Поступила 30.04.2019; принята к публикации 18.06.2019; опубликована онлайн 30.09.2019.

Об авторах:

Кошарная Галина Борисовна, заведующий кафедрой социологии и управления персоналом ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (440026, Россия, г. Пенза, ул. Красная, д. 40), доктор социологических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7474-0499>, k-galina1@yandex.ru

Каримова Людмила Федоровна, доцент кафедры социологии и управления персоналом ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (440026, Россия, г. Пенза, ул. Красная, д. 40), кандидат социологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9395-0675>, lyudmila_vyargizova@mail.ru

Корж Наталья Владимировна, доцент кафедры социологии и управления персоналом ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (440026, Россия, г. Пенза, ул. Красная, д. 40), кандидат социологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5085-339X>, natalya.korzkh@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

Кошарная Галина Борисовна – разработка программы исследования и организация исследования; определение теоретико-методологических основ исследования; анализ результатов исследования и подготовка материала для публикации.

Каримова Людмила Федоровна – проведение социологического исследования; обработка результатов; написание и доработка статьи; формулирование выводов.

Корж Наталья Владимировна – проведение социологического исследования; обработка результатов; поиск аналитических материалов в отечественных и зарубежных источниках; написание и доработка статьи.

Для цитирования:

Кошарная Г. Б., Каримова Л. Ф., Корж Н. В. Социально-экономические индикаторы депривации малообеспеченного населения в российском регионе (на примере Пензенской области) // Регионоведение. 2019. Т. 27, № 3. С. 554–571. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.107.027.201903.554-571>

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Jäntti M., Danziger Sh. Income Poverty in Advanced Countries. *Handbook of Income Distribution*. 2000; 1:309-378. (In Eng.) DOI: [https://doi.org/10.1016/S1574-0056\(00\)80009-3](https://doi.org/10.1016/S1574-0056(00)80009-3)
2. Townsend P. The International Analysis of Poverty. New York: Harvester Wheatsheaf, 1993. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315835099>
3. White R. Multidimensional Poverty and Deprivation: An Introduction. In: R. White (eds). *Measuring Multidimensional Poverty and Deprivation. Global Perspectives on Wealth and Distribution*. Palgrave Macmillan, Cham; 2017. p. 1-16. (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-58368-6_1
4. Dhongde S., Haveman R. Multi-Dimensional Deprivation in the U.S. *Social Indicators Research*. 2017; 133(2):477-500. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1007/s11205-016-1379-1>
5. Nolan B., Whelan C.T. Poverty and Social Exclusion Indicators in the European Union: The Role of Non-Monetary Deprivation Indicators. In: R. Carmo, C. Rio, M. Medgyesi (eds). *Reducing Inequalities*. Palgrave Macmillan, Cham; 2018. p. 97-114. (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-65006-7_7
6. Muzdybaev K. [Experience of Poverty as a Social Failure: Attribution of Responsibility, Coping Strategies and Deprivation Indicators]. *Sotsiologicheskij zhurnal = Sociological Journal*. 2001; (1):5-32. Available at: <http://jour.isras.ru/index.php/socjour/article/viewFile/664/617> (accessed 06.05.2019). (In Russ.)
7. Anikin V.A., Tikhonova N.E. Poverty and Inequality in BRICS Countries. *Sociological Research*. 2016; 55(5):305-341. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1080/10610154.2016.1294432>
8. Gorshcov M.K. Social Inequalities as an Object of Sociological Analysis. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Research*. 2014; (7):20-31. Available at: <http://sosis.isras.ru/article/5667> (accessed 12.05.2019). (In Russ., abstract in Eng.)
9. Gorshcov M.K. Social Inequalities in Post-Reform Russia: A Sociological Diagnosis. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Sociologija = RUDN Journal of Sociology*. 2016; 16(4):693-718. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28114990> (accessed 12.05.2019). (In Russ., abstract in Eng.)
10. Aivazian S.A., Afanasiev M.Yu., Kudrov A.V. Integral indicator of Quality for Life Conditions. *Cifrovaja ehkonomika = Digital Economy*. 2019; (1):43-56. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38167259> (accessed 12.05.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

11. Tikhonova N.E., Davydova N.M., Popova I.P. [Living Standards Index and the Stratification Model of Russian Society]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* = Sociological Studies. 2004; (6):120-129. Available at: https://www.isras.ru/socis_2004_6.html (accessed 12.05.2019). (In Russ.)

12. Mareeva S.V., Tikhonova N.E. Public Perceptions of Poverty and Social Inequality in Russia. *Mir Rossii: Sotsiologiya, etnologiya* = Universe of Russia. 2016; 25(2):37-67. Available at: <https://mirros.hse.ru/article/view/4902> (accessed 09.05.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

13. Pechenaya L.T., Tolkacheva S.V., Domarev I.E. Problem of Poverty in Russia and in the World: Methods of Evaluation, Ways of Reduction. *Ehkonomika: vchera, segodnya, zavtra* = Economics: Yesterday, Today and Tomorrow. 2017; 7(6A):78-100. Available at: <http://publishing-vak.ru/file/archive-economy-2017-6/9-pechenaya-tolkacheva-domarev.pdf> (accessed 15.05.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

14. Rzhانيتsyna L.S. Poor in Moscow: Methods of Measurement, Social Policy Measures. *Sotsiologicheskie issledovaniya* = Sociological Studies. 2018; (10):77-89. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250002160-9>

15. Slobodenyuk E.D., Anikin V.A. Locating the "Poverty Threshold" in Russia. *Voprosy ehkonomiki* = Issues of Economics. 2018; (1):104-127. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-1-104-127>

16. Ivashinenko N.N., Migranova L.A., Teodorovich M.L. Studying the Population Quality of Life as the Basis for Social Management. *Narodonaselenie* = Population. 2014; (1):101-118. Available at: <http://www.isesp-ras.ru/numbers/2014-1> (accessed 15.05.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

17. Polutin S.V., Kozin V.V. Professional and Labor Determination of the Youth in a Region. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2016; (4):192-200. Available at: <http://regionsar.ru/node/1493> (accessed 03.05.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

18. Dadaeva T.M., Spiridonova K.M. On the Sidelines of Life: Marginality Phenomenon in the Urban Environment. *Sotsiologicheskie issledovaniya* = Sociological Studies. 2017; (8):118-123. Available at: <http://socis.isras.ru/article/6817> (accessed 03.05.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

19. Sizova I.L. Contemporary Policy and Practice of Supporting the Employment of the Elderly People (the German Experience and its Possible Applications in Russia). *Vlast* = Power. 2015; (9):162-166. Available at: <http://jour.isras.ru/index.php/vlast/article/view/2989/2786> (accessed 15.05.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

20. Kosharnaya G.B., Karimova L.F. [The Main Approaches to Measuring Poverty in Modern Russia]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenij. Povolzhskij region. Obshchestvennye nauki* = University Proceedings. Volga Region. Social Sciences. 2013; (4):132-139. Available at: https://izvuz_on.pnzgu.ru/on14413 (accessed 20.05.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

21. Kosharnaya G.B., Karimova L.F. [Factors Determining the Risk of Poverty of the Population in Modern Russian Society (Regional Aspect)]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya* = Izvestia of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology. 2014; 14(4):36-40.

Available at: <https://soziopolit.sgu.ru/ru/articles/factory-opredelyayushchie-risk-bednosti-naseleniya-v-sovremennom-rossiyskom-obshchestve> (accessed 18.05.2019).
(In Russ., abstract in Eng.)

Submitted 30.04.2019; accepted for publication 18.06.2019; published online 30.09.2019.

About the authors:

Galina B. Kosharnaya, Head of the Department of Sociology and Personnel Management, Penza State University (40 Krasnaya St., Penza 440026, Russia), Dr. Sci. (Sociology), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7474-0499>, k-galina1@yandex.ru

Lyudmila F. Karimova, Associate Professor, Department of Sociology and Personnel Management, Penza State University (40 Krasnaya St., Penza 440026, Russia), Ph. D. (Sociology), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9395-0675>, lyudmila_vyargizova@mail.ru

Natalya V. Korzh, Associate Professor, Department of Sociology and Personnel Management, Penza State University (40 Krasnaya St., Penza 440026, Russia), Ph. D. (Sociology), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5085-339X>, natalya.korzh@mail.ru

Contribution of the authors:

Galina B. Kosharnaya – development of the research program; organization of the research; choice of the theoretical and methodological foundations of the research; analysis of the research results and preparation of the material for publication.

Lyudmila F. Karimova – conducting sociological research; processing the results; writing and revision of the text of the article; drawing the conclusions.

Natalya V. Korzh – conducting sociological research; processing the results; search for analytical materials in Russian and foreign sources; writing and revision of the text of the article.

For citation:

Kosharnaya G.B., Karimova L.F., Korzh N.V. Socio-Economic Indicators of Deprivation of Low-Income Population in a Region of Russia (the Case of the Penza Region). *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2019; 27(3):554-571. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.107.027.201903.554-571>

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

YouTube как фактор формирования протестного потенциала молодежи

М. Ю. Бареев*

И. О. Качурина

ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия),
* barevmaksim@rambler.ru

Введение. Актуальность работы обусловлена наблюдающейся в последние годы возросшей протестной активностью молодежи, вызванной недовольством действиями верховной власти. Их солидарность по ряду социально-политических вопросов и способность консолидироваться в протестной активности, если этого потребует ситуация, заставляют задуматься о наличии серьезного протестного потенциала в молодежной среде. Цель работы – изучить влияние российского сегмента YouTube на формирование протестного потенциала молодежи региона.

Материалы и методы. В статье представлены материалы социологического опроса «Анализ потенциала YouTube как фактора формирования протестного движения среди молодежи», проведенного с использованием выборочного метода (доступная выборка), в соответствии с методологией Д. Мюллера и К. Шусслера.

Результаты исследования. В ходе исследования было выявлено, что молодежь региона в подавляющем большинстве осведомлена про различные протесты, проходящие в России. Установлена интересная и в то же время противоречивая тенденция «взросления» протестного потенциала в регионах: с возрастом все большая доля респондентов смотрят оппозиционные YouTube-каналы. Определены оппозиционные YouTube-каналы, пользующиеся наибольшей популярностью среди молодежи: канал Алексея Навального, «Дождь», «kamikadzedead», «VALERON 2%», «Новости СВЕРХДЕРЖАВЫ».

Обсуждение и заключение. Анализ результатов исследования показывает, что YouTube является вторым по популярности медиа-ресурсом страны и вместе с социальными сетями становится влиятельной дискурс-площадкой для обсуждения социально значимых внутрироссийских проблем, где так называемые оппозиционные YouTube-каналы имеют существенное влияние на общественное

© Бареев М. Ю., Качурина И. О., 2019

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

мнение, формируют новостную повестку, задают тон общественной дискуссии. Результаты исследования могут использоваться органами власти при совершенствовании региональной информационной и социально-экономической политики, сотрудниками правоохранительных органов и специальных служб для разработки и планирования программ по предотвращению экстремистских проявлений.

Ключевые слова: YouTube-канал, мессенджер, социальная сеть, видеохостинг, молодежь, медиа-ресурс, протест, протестный потенциал региона, фактор, оппозиция

YouTube as a Factor in Shaping the Protest Potential of Young People

M. Yu. Bareev*, I. O. Kachurina

National Research Mordovia State University (Saransk, Russia)

* *bareevmaksim@rambler.ru*

Introduction. The relevance of the work is due to the increased protest activity of young people in recent years, resulting from the dissatisfaction with the actions of the supreme authorities. Young people's solidarity on a number of sociopolitical issues and the ability to consolidate in protest activity, if the situation requires it, invite considerations of the presence of a serious protest potential among young people. The purpose of the work is to study the influence of the Russian segment of YouTube on the formation of the protest potential of young people in a region.

Materials and Methods. The article presents the materials of the sociological survey 'Analysis of the Potential of YouTube as a Factor in the Formation of the Protest Movement among Young People' conducted using the sampling method (availability sampling) in accordance with the methodology devised by J. Mueller and K. Schuessler.

Results. The study has revealed that the overwhelming majority of young people in the region are aware of various protests taking place in Russia. An interesting and at the same time contradictory trend of 'ageing' of the protest potential in the regions has been noticed: the older the respondents are the more proportion of them watch 'oppositional' YouTube channels. The 'oppositional' channels most viewed by young people have been identified, they are: Alexey Navalny's channel, 'Dozhd' (TV Rain) channel, 'Kamikadzedead', 'VALERON 2%', and 'Novosti SVERKHDERZHAVY' (Superpower News).

Discussion and Conclusion. Analysis of the research results has shown that YouTube is the second most popular media resource in Russia and, along with social networks, is becoming an influential discourse platform for discussing socially important domestic issues, where the so-called 'oppositional' YouTube channels have a significant influence on public opinion, form a news agenda, set the tone for public debate. The results of the study can be used by the authorities in improving regional information and socio-economic policies, by law enforcement officers and special services for the development and planning of programs to prevent manifestations of extremism.

Keywords: YouTube channel, messenger, social networks, video hosting, young people, media resource, protest, protest potential of a region, factor, opposition

Введение. Наблюдающаяся в последние годы протестная активность молодежи, солидарность по ряду социально-политических вопросов невольно заставляют задуматься о наличии серьезного протестного потенциала в молодежной среде. Очередная волна протестного движения в России началась с формирования недовольства действиями верховной власти, связанными с принятием ряда непопулярных законов: о повышении пенсионного возраста¹, «о неуважении власти»², так называемой мусорной проблемой в крупных городах и ощутимым снижением реальных доходов населения за последние несколько лет.

Ряд известных оппозиционных блогеров, таких как А. Навальный и Д. Иванов, целенаправленно создают хайп (ажитаж) вокруг протестных акций на своих YouTube-каналах, подогревая к ним интерес общественности. Российская молодежь принимает самое активное участие во всех этих процессах, тем самым подтверждая свою способность консолидироваться в протестной активности, если того потребует ситуация.

На сегодняшний день информационно-коммуникационные технологии становятся главным инструментом по мобилизации человеческих ресурсов и самоорганизации, в том числе и в протестной активности. Недавние события вокруг строительства храма в г. Екатеринбурге стали своего рода образцом региональной протестной активности, где социальные сети, Telegram- и YouTube-каналы выполняли информационно-коммуникативную функцию в формировании стихийного самоорганизующегося протеста. При этом государственные федеральные телеканалы по сути игнорируют протестные митинги, практически никак не освещая эти события. В таких условиях главными источниками информации становятся различные медийные интернет-ресурсы, включая YouTube. Целью работы является изучение российского сегмента YouTube как фактора формирования протестного потенциала молодежи.

Обзор литературы. По рассматриваемой проблематике к настоящему времени имеется определенный объем научной литературы. Дополнительный стимул к изучению темы придали события 2011–2013 гг., когда Россию охватила волна протестов, наиболее массовые из которых прошли в Москве и Санкт-Петербурге. События тех лет показали важность учета социальных настроений граждан, их запроса на справедливые выборы

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий: Федеральный закон № 350-ФЗ от 03.10.2018 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_308156/#dst0 (дата обращения: 09.05.2019).

² О внесении изменения в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: Федеральный закон № 30-ФЗ от 18.03.2019 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320400/ (дата обращения: 09.05.2019).

и демократические свободы, хотя тогда власть пошла на уступки митингующих лишь формально.

В рамках темы исследования выделим работы Д. И. Давыденко [1] и Э. А. Зелетдиновой [2], рассматривающих особенности изучения не-системной оппозиции, анализирующих генезис российской оппозиции в современной истории страны, К. В. Подъячева [3], обосновывающего тезис о том, что при анализе протестных движений надлежит исходить не из численности протестующих, а из частоты и распространенности акций, П. А. Селезнева [4], перечисляющего социально значимые функции протестных движений.

Особенности эволюции протестного движения, содержание его требований по изменению существующего институционального порядка анализирует И. Б. Фан [5]. Некоторые итоги протестных движений 2011–2012 гг. в России подводит О. Н. Яницкий [6], теоретически обобщая результаты этого процесса для всех вовлеченных в него сил.

Инференцируя работы указанных авторов относительно деятельности оппозиционных политических сил в России периода 2011–2013 гг., можно сделать вывод о поспешности действий лидеров протестного движения, их неспособности договариваться между собой. Лидеры так называемого белоленточного движения не смогли предложить своим соратникам на улицах внятной повестки по отношению к федеральной власти, что привело к спаду протестной активности и фактической победе Кремля, который на несколько шагов вперед просчитал возможные действия оппозиционных сил.

При анализе зарубежного опыта исследований протестной активности и протестных движений в первую очередь обратим внимание на работу М. Личбаха и Х. Де Фриз, в которой рассматриваются механизмы формирования глобальных протестных движений [7]. Авторы выдвигают гипотезу о том, что различия между глобальными протестными движениями могут быть связаны со спецификой порождающих их мобилизационных механизмов.

Изучая связи между продвижением в интернет-пространстве идей свободы и различными протестными движениями, Д. Постилл представляет две концепции: «технологии свободы» и «формула протеста» [8]. Автор использовал термин «технологии свободы» для обозначения социальных агентов, которые объединяют технологические и политические навыки для достижения большей свободы и демократии. Термин «формула протеста», по словам Д. Постилла, относится к уникальному соединению общественных сил и результатов, которые характеризуют каждое протестное движение, а также каждую фазу или инициативу в движении.

Роль социальных сетей в организации протеста против «проектов развития» в развивающихся регионах на примере бедных штатов Индии

показана А. Суэйном [9]. В своей книге он демонстрирует, каким образом люди мобилизуются в протестной активности против политики государства.

Широкомасштабное исследование провели З. Штайнерт-Трелкельд и другие ученые, проанализировав почти 14 миллионов твитов с геолокацией и данных о протестах из 16 стран во время «арабской весны» [10]. Материалы авторов показывают, что активность в социальных сетях коррелирует с последующей крупномасштабной децентрализованной координацией протестов. Роль новейших средств коммуникаций в революциях на Севере Африки и Ближнем Востоке раскрывают В. В. Желтов [11] и К. Пилати [12]. В своих исследованиях авторы дают характеристику арабских цветных революций, освещая технологический аспект этих протестных движений.

Использование социальных сетей в мобилизации российского протестного движения исследует В. Реммер [13]. По его мнению, протест в России обусловлен значительным социально-экономическим неравенством, которое является «общим мобилизующим элементом эмоциональной обиды». При этом В. Реммер отводит ключевую роль в организации протеста в России, как и в арабских странах, социальным сетям в интернете. Однако он считает, что «социальные сети пока не смогли привести к результатам, примером которых являются революции “арабской весны” в Твиттере и Фейсбуке, т. е. повлиять на смену режима в Российской Федерации или оказать осязаемое влияние на внутреннюю политику» [13].

Идеологами и активными участниками в различных протестных акциях нередко выступают представители «креативного класса», который Ю. Г. Волков характеризует как субъект социального действия [14]. По его мнению, этот класс по социальным качествам все же является сторонником альтернатив политическому радикализму. Аргументируя необходимость включения креативного класса в процесс конструктивных социальных изменений, автор считает, что это могло бы способствовать снижению политической радикализации в обществе.

Процесс адаптации региональной российской оппозиции к реалиям так называемого гибридного режима в России исследует Н. В. Гришин [15]. В его работе определены отличия политической оппозиции и ее функции в условиях гибридного политического режима, выявлена роль политических партий как средства ограничения возможностей региональной оппозиции, проанализированы успешные стратегии региональных оппозиционеров на выборах 2012–2014 гг.

Участие несовершеннолетних в несанкционированных акциях протеста как феномен современного периода общественной жизни в России рассматривает Е. Шестакова [16]. В своем исследовании автор пытается

выявить уровень протестного потенциала несовершеннолетних в некоторых регионах Уральского федерального округа, а также определить степень влияния интернет-технологий на вовлечение несовершеннолетних в протестные акции.

Завершая обзор существующей научной литературы, отметим статью С. Г. Ушкина, посвященную изучению сетевой дискуссии по проблемам восприятия власти и оппозиции [17]. В исследовании дан анализ комментариев к документальным фильмам «Анатомия протеста» и «Анатомия протеста – 2» на страницах видеохостинга YouTube; ученый антиципирует влияние фактора YouTube в формировании протестного потенциала.

Оценивая степень изученности проблемы, следует признать, что, несмотря на весь объем имеющихся источников по теме исследования, состояние ее научной разработанности вряд ли можно признать завершенным. Безусловно, отдельные аспекты рассматриваемой темы были освещены различными исследователями, но современные реалии требуют систематизации информации, например, о потенциале YouTube-каналов оппозиционных политиков, общественных деятелей и рядовых граждан, который, безусловно, растет, особенно в молодежной среде.

Материалы и методы. В статье представлены материалы социологического опроса «Анализ потенциала YouTube как фактора формирования протестного движения среди молодежи». В соответствии с классификацией выборочной совокупности Л. Мюллера и К. Шусслера³, исходя из специфики объекта, в исследовании была использована доступная выборка. Она формировалась из числа лиц, которые по субъективным и объективным причинам могли быть включены в число респондентов, т. е. доступны физически. При этом основными критериями включения в выборочную совокупность был возраст от 18 до 35 лет (включительно) и постоянное проживание на территории Республики Мордовия. Инструментарием проведения исследования являлся электронный формат анонимной анкеты на бесплатном агрегаторе-платформе «Google Документы». Поскольку в работе исследуется латентное явление – протестный потенциал, анонимность была ключевым условием объективности работы. Итоговое число респондентов после коррекции выборки составило 178 чел.

Результаты исследования. Одной из задач социологического исследования было выявить степень осведомленности молодежи республики о протестных акциях, проходящих в стране. Как и предполагалось, молодежь региона в подавляющем большинстве осведомлена о них (88 %). Гендерный срез при ответе на этот вопрос показал, что среди мужчин осведомленность о протестах несколько выше – 92 % против 86 % у женщин.

³ Мюллер Д., Шусслер К. Статистические методы в социологии. М.: 1968. 16 с.

С формулировкой «протесты способны изменить жизнь людей к лучшему» согласились 57 % опрошенных, противоположной точки зрения придерживаются лишь 20 %. Стоит отметить весьма высокий процент (23 %) тех, кто уклонился от ответа, выбрав вариант «затрудняюсь ответить».

Наибольшее число молодых людей, которые видят плюсы в протестных акциях, находятся в возрасте от 26 до 29 лет (80 %), а наименьшее – в возрасте 30–35 лет. Молодежь до 25 лет также в большинстве своем (60 %) положительно относится к протестным акциям.

Развивая эмоционально-ассоциативный ряд слова «протест», респондентам было предложено указать основные ассоциации с этим словом. Полученные данные говорят о том, что большинство молодых людей связывают протест с недовольством (89 %), справедливостью (62), ценностями (40 %) (табл. 1).

Т а б л и ц а 1. Распределение ответов на вопрос «Какие ассоциации возникают у Вас при слове “протест”?», %

Table 1. Distribution of answers to the question “What associations do you have with the word ‘protest’?”, %

Вариант ответа / Answer option	Процент ответивших / Percent of respondents
Недовольство / Discontent	88,5
Справедливость / Justice	61,8
Боль / Pain	8,9
Жестокость / Cruelty	21,0
Самопожертвование / Self-sacrifice	16,6
Преданность / Devotion	4,5
Ценности / Values	40,1
Доверие / Trust	2,5
Другое / Other	2,5

Анализ результатов указывает на то, что в обществе (по крайней мере среди молодежи) уже сформировался определенный протестный потенциал, и 53 % молодежи считают, что YouTube как популярный мировой медиа-ресурс является фактором, так или иначе влияющим на формирование этого потенциала.

В то же время исследование показало, что лишь 27 % респондентов регулярно смотрят YouTube-каналы оппозиционной направленности⁴,

⁴ YouTube-канал оппозиционной направленности или оппозиционный YouTube-канал – это канал на видеохостинговом сайте YouTube, контент которого включает острую критику власти, существующего политического режима, а также работу государственных федеральных телеканалов, отдельных так называемых прокремлевских журналистов и общественных деятелей.

что говорит о весьма умеренном влиянии YouTube на становление протестного потенциала молодежи региона.

Гендерный срез обнаруживает существенную разницу в степени потенциальной оппозиционной (протестной) активности. Так, почти половина опрошенных мужчин смотрят YouTube-каналы оппозиционной направленности, тогда как таковых женщин только 16 %. Наблюдается интересная и в то же время противоречивая тенденция: по мере увеличения возраста все большая доля респондентов смотрят оппозиционные YouTube-каналы. Так, среди молодежи в возрасте от 18 до 21 года оппозиционные YouTube-каналы смотрят 19 % опрошенных, от 22 до 25 лет – 36, от 26 до 29 лет – 40 %, от 30 до 35 лет – уже каждый второй респондент. Полученное распределение ответов, с одной стороны, является непривычным, так как традиционно считается, что именно подростки и молодежь студенческого возраста (от 18 до 25 лет) отличаются максимализмом и высоким протестным потенциалом. В нашем случае все выглядит наоборот – протестный потенциал с возрастом только увеличивается; наиболее протестно настроенная часть респондентов приходится на возраст от 30 лет. С другой стороны, если посмотреть на недавние протесты в Екатеринбурге и Шиесе (Архангельская область), то основу участников акций составляли люди в возрасте от 30 лет, а возраст так называемых активистов протеста был от 40 лет и выше. Все это может свидетельствовать о «взрослении» протестного потенциала в регионах.

Во время опроса молодежи было предложено обозначить оппозиционные YouTube-каналы, пользующиеся у них наибольшей популярностью (табл. 2). Больше всего ответов собрали следующие ресурсы: канал Алексея Навального, «Дождь», «kamikadzedead», «Новости СВЕРХДЕРЖАВЫ», «VALERON 2%». В варианте ответа «Другой» респонденты отмечали неназванные каналы («Быть Или», «Рабкор», «Вестник Бури», «БАРМАЛЕЙКА», «Константин Семин») либо давали развернутые ответы («выискиваю информацию о надгосударственных и надрелигиозных организациях»).

Большинство опрошенных (79 %) зрителей оппозиционных YouTube-каналов считают представленную в них информацию правдивой и не сомневаются в ее достоверности. На недостоверность информации YouTube-каналов оппозиционной направленности указали только 2 % респондентов из обозначенной группы. Также было относительно высокое количество затруднившихся с ответом (19 %), что, видимо, обусловлено недостаточной информированностью молодежи региона о деятельности оппозиции в пространстве YouTube.

В конце анкеты респондентам было предложено оценить степень достоверности информации из разных источников по шкале, в которой 1 балл – низкая достоверность, 5 баллов – высокая (максимальная) достоверность. Полученные данные представлены в таблице 3.

Т а б л и ц а 2. Распределение ответов на вопрос «Какие оппозиционные YouTube-каналы вы смотрите регулярно?», %

Table 2. Distribution of answers to the question “What ‘oppositional’ YouTube channels do you watch regularly?”, %

Вариант ответа (название YouTube-канала) / Answer option (name of the YouTube channel)	Процент ответивших / Percent of respondents
Канал Алексея Навального / Alexey Navalny’s channel	83,3
Sotnik-TV	4,8
Kamikadzedead	35,7
YouTube-канал «Дождь» / ‘Dozhd’ (TV Rain) channel	38,1
Аксиома / ‘Aksioma’ (Axiom)	7,1
НЕ ПЕРВЫЙ КАНАЛ / ‘Ne perviy kanal’ (Not Channel One)	2,4
Новости СВЕРХДЕРЖАВЫ / ‘Novosti SVERKHDER-ZHAVY’ (Superpower News)	11,9
Радио Свобода / Radio Liberty	2,4
Pravda GlazaRezheta	2,4
Царьград ТВ / Tsar’grad TV	4,8
Заповедник / ‘Zapovednik’ (Nature reserve)	4,8
Om TV	7,1
Александр Балу / Alexander Baloo	4,8
VALERON 2%	9,6
Усы Пескова / ‘Usy Peskova’ (Peskov’s moustache)	4,8
Другой / Other	7,9

В приведенных оценках можно заметить большее доверие молодежи к информации региональных телевизионных каналов, чем к той, которая подается посредством федеральных СМИ. В отношении федеральной печатной прессы и радио также можно наблюдать высокое недоверие. При этом хорошо видно, насколько молодежь высоко ценит информацию, представленную в социальных сетях и на оппозиционных YouTube-каналах. Однако из обозначенных источников информации наибольшее доверие у молодежи вызывают Telegram-каналы.

Итак, полученные данные указывают на то, что наибольшее доверие у молодежи вызывает информация, которая публикуется (выкладывается) в интернет-источниках. Оппозиционные YouTube-каналы, с их точки зрения, не являются наиболее достоверными, уступая лидерство

Т а б л и ц а 3. Распределение ответов на вопрос «Оцените по 5-балльной шкале степень достоверности информации из данных источников»

Table 3. Distribution of answers to the question “Rate on a 5-point scale the degree of reliability of information from these sources”

Источник / Source	Средний балл / Average point
Государственные общероссийские телеканалы («Первый», «Россия 1» и пр.) / State Russian national TV channels (Channel One, Russia 1, etc.)	1,95
Негосударственные общероссийские телеканалы (РБК, ТНТ и пр.) / Non-state Russian national TV channels (RBC, TNT, etc.)	2,30
Региональное телевидение (ГТРК «Мордовия», 10 канал) / Regional TV channels (Mordovia, Channel 10)	2,35
Новостные ленты медийно-сервисных интернет-порталов (Yandex, Rambler и пр.) / News feeds of online media service portals (Yandex, Rambler, etc.)	2,83
Российские печатные издания («АиФ», «Российская газета», «Коммерсантъ – Власть» и пр.) / Russian national print media (AiF, Rossiyskaya Gazeta, Kommersant-Vlast, etc.)	2,28
Региональные печатные издания («Столица С», «Известия Мордовии» и пр.) / Regional print media (Stolitsa S, Izvestia Mordovii, etc.)	2,07
Оппозиционные YouTube-каналы / ‘Oppositional’ YouTube channels	3,40
Новостные ленты социальных сетей («ВКонтакте», Instagram, Twitter) / News feeds of social networks (VKontakte, Instagram, Twitter)	3,41
Telegram-каналы / Telegram channels	3,48
Радио / Radio	2,38

сообщениям в социальных сетях и Telegram-каналам. Уважение Telegram-каналов у молодежи, видимо, обусловлено тем, что информация в них шифруется и не передается третьим лицам (в том числе и правоохранительным органам). Понимая менталитет молодежи и стремление защитить частную жизнь и собственные интересы (увлечения), разработчики Telegram-каналов учли эту особенность, что вылилось в доверие к указанному мессенджеру.

Наибольшей ценностью в деятельности оппозиционных YouTube-каналов, по мнению респондентов, является объективность при освещении событий (41 %), анализ политических решений с оппозиционной точки зрения (24), интересная трактовка и постановка актуальных проблем (21), совмещение аналитики и развлекательного формата вещания (10 %).

С принятием так называемого закона о суверенном Интернете⁵ некоторые аналитики высказывают ряд опасений, связанных с тем, что данный закон дает государству право распоряжаться всем интернет-трафиком в стране, а значит, государственные ведомства могут начать еще более активную борьбу с «нежелательными явлениями» (такими как майнинг криптовалюты, мессенджер Telegram или оппозиционный контент). Новый закон в теории может позволить полностью зарегулировать этот процесс на территории России.

В этой связи более половины опрошенных молодых людей высказались о недопустимости блокировки оппозиционных YouTube-каналов (57 %), 41 % все же допускают возможность такой блокировки, если информация на них носит явно экстремистский характер. Примерно треть респондентов считают, что закон «о суверенном Интернете» приведет к закрытию большинства оппозиционных YouTube-каналов, а 19 % высказались о возможном снижении в них критики власти из-за опасений быть заблокированными.

Обсуждение и заключение. Сравнивая информационный контент федеральных теле- и радиоканалов и российского сегмента YouTube, отметим, что проблемы, которые стоят перед современным российским обществом, наиболее полно освещаются именно YouTube-каналами оппозиционной направленности. При этом YouTube как наиболее популярный видеохостинг (82 % населения России в возрасте от 18 до 44 лет регулярно смотрят YouTube) и второй по популярности медиа-ресурс в стране⁶ часто формирует новостную повестку, задавая тон общественной дискуссии. Поэтому данный факт нельзя не принимать к сведению при формировании взвешенной социально-экономической государственной политики, учитывающей в том числе и мнение интернет-сообщества. Подтверждением тому являются исследования И. А. Халий [18] и О. В. Аксеновой [19], где тезисно обозначено, что в современном российском обществе чрезвычайно востребована модернизация социальных взаимодействий, в первую очередь между различными социальными группами и структурами власти.

В заключение можно сделать вывод, что в регионе среди молодежи имеется определенный протестный потенциал, однако его удельный вес сравнительно не велик. По нашим оценкам, лишь около 20 % молодых

⁵ О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: Федеральный закон № 90-ФЗ от 01.05.2019 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323815/ (дата обращения: 09.05.2019).

⁶ Второй по популярности после «Первого канала»: подробный обзор аудиторией российского YouTube 2018 [Электронный ресурс] // Интернет-портал Sostav.ru. URL: <https://www.sostav.ru/publication/vtoroj-po-populyarnosti-posle-pervogo-kanala-podrobnyj-obzor-auditorii-rossijskogo-youtube-2018-34539.html> (дата обращения: 09.05.2019).

людей республики оппозиционно настроены. Косвенно на это указывает то, что 79 % респондентов из числа регулярно смотрящих оппозиционные YouTube-каналы (27 %) полностью доверяют содержащейся в них информации. Как раз эту условную группу, на наш взгляд, и можно считать открытым протестным потенциалом региона. Но вместе с тем, как уже было отмечено, 57 % опрошенных считают, что «протесты способны изменить жизнь людей к лучшему» и еще 23 % уклонились от прямого ответа. Поэтому здесь нельзя не учитывать скрытый «глубинный» протестный потенциал, который скорее всего значительно выше обозначенных оценок.

Практическая значимость статьи состоит в возможности использования результатов исследования органами власти при совершенствовании региональной информационной и социально-экономической политики, сотрудниками правоохранительных органов и специальных служб для разработки и планирования программ по предотвращению экстремистских проявлений. Перспективы исследования связаны с более масштабным изучением влияния социальных сетей и Telegram-каналов на протестную активность граждан России (использование репрезентативной выборки, проведение подобных исследований в других регионах России с последующим сопоставлением полученных данных).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Давыденко Д. И. Разработка проблем несистемной оппозиции в научных исследованиях российских политологов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Социология. Политология. 2012. Т. 12, вып. 3. С. 105–107. URL: <https://soziopolit.sgu.ru/ru/articles/razrabotk-problem-nesistemnoy-oppozicii-v-nauchnyh-issledovaniyah-rossiyskih-politologov> (дата обращения: 09.05.2019).
2. Зелетдинова Э. А. Развитие оппозиции в России: 2012 г. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 2. С. 79–88. URL: <http://kaspy.asu.edu.ru/?articleId=1376> (дата обращения: 09.05.2019).
3. Подъячев К. В. Протестное движение в России «нулевых»: генезис и специфика // Вестник Института социологии. 2017. № 5. С. 145–163. URL: <http://vestnik-isras.ru/article.html?id=196> (дата обращения: 09.05.2019).
4. Селезнев П. А. Протестные движения в современной России // Вестник Казанского технологического университета. 2010. № 3. С. 334–339. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protestnye-dvizheniya-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 09.05.2019).
5. Фан И. Б. Протест как способ модернизации // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: Философия. 2012. Т. 10, № 3. С. 74–79. URL: <https://nsu.ru/xmlui/bitstream/handle/nsu/3546/10.pdf> (дата обращения: 09.05.2019).

6. Яницкий О. Н. Протестное движение 2011–2012 гг.: некоторые итоги // *Власть*. 2013. Т. 21, № 2. С. 14–19. URL: <http://jour.isras.ru/index.php/vlast/article/view/1673> (дата обращения: 09.05.2019).
7. Lichbach M. I., De Vries H. G. E. Mechanisms of Globalized Protest Movements // *The Oxford Handbook of Comparative Politics* / Edited by C. Boix, S. C. Stokes. 2009. DOI: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199566020.003.0020>
8. Postill J. Freedom Technologists and the New Protest Movements: A Theory of Protest Formulas // *Convergence*. 2014. Vol. 20, issue 4. Pp. 402–418. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354856514541350>
9. Swain A. *Struggle Against the State: Social Network and Protest Mobilization in India*. Routledge, 2013. 182 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/287622395_Struggle_against_the_state_Social_network_and_protest_mobilization_in_India (дата обращения: 09.05.2019).
10. Online Social Networks and Offline Protest / Z. C. Steinert-Threlkeld [et al.] // *EPJ Data Science*. 2015. Vol. 4. Pp. 1–9. DOI: <https://doi.org/10.1140/epjds/s13688-015-0056-y>
11. Желтов В. В. Интернет, протестные движения и арабская весна // *Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса*. 2014. № 1. С. 189–204. URL: http://science.vvsu.ru/scientific-journals/journal/current/article/id/2145388993/2014_1_19internet_prottestnye (дата обращения: 09.05.2019).
12. Between Organization and Spontaneity of Protests: The 2010–2011 Tunisian and Egyptian Uprisings / K. Pilati [et al.] // *Social Movement Studies*. 2019. Vol. 18, issue 4. Pp. 463–481. DOI: <https://doi.org/10.1080/14742837.2019.1567322>
13. Remmer V. The Role of Internet Based Social Networks in Russian Protest Movement Mobilization // *Central European Journal of International and Security Studies*. 2017. Vol. 11, issue 1. Pp. 104–135. URL: <http://www.cejiss.org/issue-detail/the-role-of-internet-based-social-networks-in-russian-protest-movement-mobilization> (дата обращения: 09.05.2019).
14. Волков Ю. Г. Креативный класс – альтернатива политическому радикализму // *Социологические исследования*. 2014. № 7. С. 84–92. URL: <http://sosis.isras.ru/article.html?id=5673&type=sosis> (дата обращения: 09.05.2019).
15. Гришин Н. В. Региональная оппозиция в России: чужеродный элемент в системе гибридного политического режима // *Политическая экспертиза: Политэкс*. 2014. Т. 10, № 4. С. 5–26. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnaya-oppozitsiya-v-rossii-chuzherodnyy-element-v-sisteme-gibridnogo-politicheskogo-rezhima> (дата обращения: 09.05.2019).
16. Shestakova E. Minors Protest Activity in the Urban Environment as a Result of the Impact of Internet Technologies // *E3S Web of Conferences. Section: Environmental Management and Environmental Economics*. 2019. Vol. 91. DOI: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/20199108061>
17. Ушкин С. Г. Пользовательские комментарии к протестным акциям в русскоязычном сегменте YouTube // *Социологические исследования*. 2014. № 6. С. 127–133. URL: <http://sosis.isras.ru/article/5701> (дата обращения: 09.05.2019).
18. Халий И. А. Модернизация и патриотизм: есть ли между ними связь? // *Гуманитарий Юга России*. 2017. Т. 6, № 3. С. 37–57. DOI: <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2017.3.3>

19. Аксенова О. В. Модернизация или развитие: традиционалистские основания прогресса в России // *Власть*. 2016. Т. 24, № 9. С. 31–36. URL: <http://jour.isras.ru/upload/journals/2/articles/4604/submission/original/4604-8535-1-SM.pdf> (дата обращения: 09.05.2019).

Поступила 17.05.2019; принята к публикации 21.06.2019; опубликована онлайн 30.09.2019.

Об авторах:

Бареев Максим Юрьевич, доцент кафедры социологии ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), кандидат социологических наук, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6228-100X>, bareevmaksim@gambler.ru

Качурина Ирина Олеговна, магистрант кафедры социологии ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8982-3078>, irisha.kachurina@bk.ru

Заявленный вклад авторов:

Бареев Максим Юрьевич – постановка научной проблемы статьи и определение основных направлений ее решения; структурирование и анализ данных; доработка текста.

Качурина Ирина Олеговна – сбор материалов и инициация исследования; определение методологии исследования; подготовка начального варианта текста; доработка текста.

Для цитирования:

Бареев М. Ю., Качурина И. О. YouTube как фактор формирования протестного потенциала молодежи // *Регионология*. 2019. Т. 27, № 3. С. 572–587. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.107.027.201903.572-587>

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Davydenko D.I. [Development of Issues of Non-Systemic Opposition in Scientific Research of Russian Political Scientists]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya* = *Izvestia of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology*. 2012; 12(3):105-107. Available at: <https://soziopolit.sgu.ru/ru/articles/razrabotk-problem-nesistemnoy-oppozicii-v-nauchnyh-issledovaniyah-rossijskih-politologov> (accessed 09.05.2019). (In Russ.)

2. Zeletdinova E.A. [Development of the Opposition in Russia: 2012]. *Kaspijskij region: politika, ehkonomika, kultura* = *The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*. 2012; (2)79-88. Available at: <http://kaspy.asu.edu.ru/?articleId=1376> (accessed 09.05.2019). (In Russ.)

3. Podyachev K.V. Protest Movement in Russia in the First Decade of the 21st Century: Genesis and Specifics. *Vestnik Instituta sotsiologii* = *Bulletin of the In-*

stitute of Sociology. 2017; (5):145:163. Available at: <http://vestnik-isras.ru/article.html?id=196> (accessed 09.05.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

4. Seleznev P.A. [Protest as Way of Modernization]. *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta* = Bulletin of Kazan Technological University. 2010; (3):334-339. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/protestnye-dvizheniya-v-sovremennoy-rossii> (accessed 09.05.2019). (In Russ.)

5. Fan I.B. Protest as a Way of Modernization. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* = Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: Philosophy. 2012; 10(3)74-79. Available at: <https://nsu.ru/xmlui/bitstream/handle/nsu/3546/10.pdf> (accessed 09.05.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

6. Yanitsky O.N. Protest Movement 2011–2012: Some Outcomes. *Vlast* = The Power. 2013; 21(2):14-19. Available at: <http://jour.isras.ru/index.php/vlast/article/view/1673> (accessed 09.05.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

7. Lichbach M.I., De Vries H.G.E Mechanisms of Globalized Protest Movements. In: C. Boix, S. C. Stokes (eds.) *The Oxford Handbook of Comparative Politics*. September 02, 2009. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199566020.003.0020>

8. Postill J. Freedom Technologists and the New Protest Movements: A Theory of Protest Formulas. *Convergence*. 2014; 20(4):402-418. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1177/1354856514541350>

9. Swain A. *Struggle Against the State: Social Network and Protest Mobilization in India*. Routledge, 2013. Available at: https://www.researchgate.net/publication/287622395_Struggle_against_the_state_Social_network_and_protest_mobilization_in_India (accessed 09.05.2019). (In Eng.)

10. Steinert-Threlkeld Z.C., Mocanu D., Vespignani A., Fowler J. Online Social Networks and Offline Protest. *EPJ Data Science*. 2015; 4:1-9. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1140/epjds/s13688-015-0056-y>

11. Zheltov V.V. Internet, Protest Movements and the Arab Spring. *Territoriya novykh vozmozhnostej. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ehkonomiki i servisa* = The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service. 2014; (1):189-204. Available at: http://science.vvsu.ru/scientific-journals/journal/current/article/id/2145388993/2014_1_19internet_protestnye (accessed 09.05.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

12. Pilati K., Acconcia G., Suber D.L., Chennaoui H. Between Organization and Spontaneity of Protests: The 2010–2011 Tunisian and Egyptian Uprisings. *Social Movement Studies*. 2019; 18(4):463-481. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1080/14742837.2019.1567322>

13. Remmer V. The Role of Internet Based Social Networks in Russian Protest Movement Mobilization. *Central European Journal of International and Security Studies*. 2017; 11(1):104-135. Available at: <http://www.cejiss.org/issue-detail/the-role-of-internet-based-social-networks-in-russian-protest-movement-mobilization> (accessed 09.05.2019). (In Eng.)

14. Volkov Yu.G. Creative Class – an Alternative to Political Radicalism. *Sotsiologicheskie issledovaniya* = Sociological Studies. 2014; (7):84-92. Available at: <http://socio.isras.ru/article.html?id=5673&type=socis> (accessed 09.05.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

15. Grishin N.V. Regional Opposition in Russia: Alien Element in the System of a Hybrid Political Regime. *Politicheskaya ehkspertiza: Politehks = Political Expertise: Politex*. 2014; 10(4):5-26. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnaya-oppozitsiya-v-rossii-chuzherodnyy-element-v-sisteme-gibridnogo-politicheskogo-rezhima> (accessed 09.05.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

16. Shestakova E. Minors Protest Activity in the Urban Environment as a Result of the Impact of Internet Technologies. *E3S Web of Conferences*. 2019; 91. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/20199108061>

17. Ushkin S.G. Consumers' Comments on Protest Actions in the Russian-Language Youtube Segment. *Sotsiologicheskije issledovaniya = Sociological Studies*. 2014; (6):127-133. Available at: <http://socis.isras.ru/article/5701> (accessed 09.05.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

18. Khaliy I.A. Modernization and Patriotism: Is There Any Relationship Between Them? *Gumanitarnij Yuga Rossii = Humanities of the South of Russia*. 2017; 6(3):37-57. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2017.3.3>

19. Aksenova O.V. Modernization or Development: The Traditional Basis of the Progress in Russia. *Vlast = The Power*. 2016; 24(9):31-36. Available at: <http://jour.isras.ru/upload/journals/2/articles/4604/submission/original/4604-8535-1-SM.pdf> (accessed 09.05.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

Submitted 17.05.2019; accepted for publication 21.06.2019; published online 30.09.2019.

About the authors:

Maxim Yu. Bareev, Associate Professor, Department of Sociology, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russia), Ph. D. (Sociology), ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6228-100X>, bareevmaksim@rambler.ru

Irina O. Kachurina, Student Pursuing a Master's Degree, Department of Sociology, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russia), ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8982-3078>, irisha.kachurina@bk.ru

Contribution of the authors:

Maxim Yu. Bareev – statement of the scientific problem and identification of the ways of solving it; data structuring and analysis; revision of the text of the article.

Irina O. Kachurina – collection of materials and initiation of the research; choice of research methods; writing the initial text of the article and its subsequent revision.

For citation:

Bareev M.Yu., Kachurina I.O. YouTube as a Factor in Shaping the Protest Potential of Young People. *Regionology = Russian Journal of Regional Studies*. 2019; 27(3):572-587. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.107.027.201903.572-587>

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ

Редакция журнала «Регионология» принимает не опубликованные ранее оригинальные научные исследования, посвященные актуальным проблемам региональной политики, экономики и социологии, анализу комплексного развития регионов Российской Федерации и зарубежных стран. Не допускается направление в редакцию уже опубликованных статей или статей, отправленных на публикацию в другие журналы. **В случае обнаружения одновременной подачи рукописи в несколько изданий опубликованная статья будет ретрагирована (отозвана из печати).** Мониторинг несанкционированного цитирования осуществляется с помощью систем «Антиплагиат» и CrossCheck.

Журнал приветствует статьи, имеющие потенциально высокий импакт-фактор и/или содержащие материал о значительных достижениях в указанных направлениях. Особое внимание следует уделить качеству перевода. Желательно, чтобы он был выполнен носителем английского языка.

При подготовке статьи к публикации в журнале «Регионология» необходимо учесть следующие пункты.

1. Указать УДК.

2. **Заголовок статьи** должен кратко и точно отражать содержание статьи, тематику и результаты проведенного исследования. *Приводится на русском и английском языках.*

3. **Аннотация** (200–250 слов.) выполняет функцию расширенного названия статьи и повествует о ее содержании. В ней должны быть четко обозначены следующие составные части:

- 1) Введение (Introduction);
- 2) Материалы и методы (Materials and Methods);
- 3) Результаты исследования (Results);
- 4) Обсуждение и заключения (Discussion and Conclusions).

Приводится на русском и английском языках.

4. **Ключевые слова** (5–10) являются поисковым образом научной статьи. В связи с этим они должны отражать основные положения, достижения, результаты, терминологию научного исследования. *Приводятся на русском и английском языках.*

5. **Благодарности.** В этом разделе следует упомянуть людей, помогавших автору подготовить настоящую статью, организации, оказавшие финансовую поддержку. Хорошим тоном считается выражение благодарности анонимным рецензентам. *Приводятся на русском и английском языках.*

6. **Основной текст** статьи излагается на русском или английском языках.

1) Введение – постановка научной проблемы, ее актуальность, связь с важнейшими задачами, которые необходимо решить, значение для развития определенной отрасли науки или практической деятельности.

2) Обзор литературы. Необходимо описать основные (последние по времени) исследования и публикации, на которые опирается автор; современные взгляды на проблему; трудности при разработке данной темы; выделить нерешенные вопросы в пределах общей проблемы, которым посвящена статья.

3) Материалы и методы. В данном разделе описываются процесс организации эксперимента, примененные методики, использованная аппаратура; даются подробные сведения об объекте исследования; указывается последовательность выполнения исследования и обосновывается выбор используемых методов (наблюдение, опрос, тестирование, эксперимент, лабораторный опыт и т. д.).

4) Результаты исследования. Это основной раздел, цель которого – при помощи анализа, обобщения и разъяснения данных доказать рабочую гипотезу (гипотезы). Результаты должны быть изложены кратко, но при этом содержать достаточно информации для оценки сделанных выводов. Также должно быть обосновано, почему

для анализа были выбраны именно эти данные. *Все названия, подписи и структурные элементы графиков, таблиц, схем и т. д. оформляются на русском и английском языках.* Рисунки могут быть представлены в растровом или векторном формате с разрешением не ниже 300 dpi. Они должны допускать перемещение в тексте и возможность изменения размеров. Все графические данные помещаются в текст статьи, а также высылаются дополнительно в виде отдельных файлов.

5) Обсуждение и заключение. В заключении суммируются результаты осмысления темы, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, подчеркивается их практическая значимость, а также определяются основные направления для дальнейшего исследования в этой области.

7. **Список использованных источников** (оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа Р 7.0.5–2008). Ссылаться нужно в первую очередь на оригинальные источники из научных журналов, включенных в глобальные индексы цитирования. Желательно использовать 30–40 источников. Из них за последние 3 года – не менее 20, иностранных – не менее 15. Следует указать DOI или адрес доступа в сети Интернет. *Оформляется на русском и английском языках.*

8. **Информация об авторах.** Ф.И.О., организация(и), адрес организации(й) (требуется указать все места работы автора, в которых выполнялись исследования (постоянное место, место выполнения проекта и др.)), должность и ученое звание, ORCID ID, Researcher ID, Scopus ID, электронная почта, телефон, почтовый адрес для отправки авторского экземпляра. *Приводится на русском и английском языках.*

9. **Вклад соавторов.** В конец рукописи необходимо включить примечания, в которых разъясняется фактический вклад каждого соавтора в выполненную работу. *Приводится на русском и английском языках.*

10. Авторам необходимо прислать свое фото отдельным файлом для публикации в журнале – качественный лицевой портрет в формате *jpg или *tif с разрешением не менее 300 точек (формат 10x15 см).

При подаче статьи в редакцию автор соглашается с положениями прилагаемого лицензионного договора.

Важным этапом в процессе отбора статьи является рецензирование. В журнале «Регионология» принято «двойное слепое» (рецензент и автор не знают имен друг друга) рецензирование статей (срок действия рецензии – 1 год). Рецензент на основании анализа статьи принимает решение о рекомендации ее к публикации или о ее отклонении. В случае несогласия автора статьи с замечаниями рецензента его мотивированное заявление рассматривается редакционной коллегией.

Допускается свободное воспроизведение материалов журнала в личных целях и свободное использование в информационных, научных, учебных и культурных целях в соответствии со ст. 1273 и 1274 гл. 70 ч. IV Гражданского кодекса РФ. Иные виды использования возможны только после заключения соответствующих письменных соглашений с правообладателем.

Электронные версии статей размещаются на сайте Научной электронной библиотеки. Журнал распространяется по подписке, заявкам высших учебных заведений, учреждений образования и отдельных лиц. Подписной индекс в каталоге агентства «Роспечать» – 73335.

Вдовин Сергей Михайлович – главный редактор. Тел.: +7 (8342) 24-48-88.

Полутин Сергей Викторович – заместитель главного редактора. Тел.: +7 (8342) 32-81-57.

Гордина Светлана Викторовна – ответственный секретарь. Тел.: +7 (8342) 48-14-24.

INFORMATION FOR AUTHORS AND READERS OF THE JOURNAL

Russian Journal of Regional Studies journal accepts previously unpublished original scientific papers devoted to topical issues of regional policy, economy and sociology, as well as to the analysis of the integrated development of the regions of the Russian Federation and other countries. It is not allowed to submit papers that have already been published or sent for publication to other journals. **In case of multiple submission of a manuscript, the published article will be retracted.** Monitoring of unauthorized citation is implemented by means of *AntiPlagiat* and *CrossCheck* systems.

The Journal gives preference to the articles with potentially high impact factor and/or containing materials about significant achievements in the specified areas of science. Special attention should be paid to the quality of the translation. Preferably it should be made by a native English speaker.

When preparing an article for publication in *Russian Journal of Regional Studies*, the following points should be taken into account.

1. It is necessary to indicate the **Universal Decimal Classification (UDC) code**.

2. **The title of the article** should accurately reflect the content of the article, the subject matter and the results of the research conducted.

The title should be written in Russian and English.

3. **The abstract** (200–250 words) serves as an enhanced title of the article and briefly presents its content. The abstract consists of the following components:

- 1) Introduction;
- 2) Materials and Methods;
- 3) Results;
- 4) Discussion and Conclusion.

The abstract should be written in Russian and English.

4. **Keywords** (5–10) make the search profile of the scientific article. In this regard, they should reflect the main provisions, achievements, results and terminology of the scientific research.

Keywords should be written in Russian and English.

5. **Acknowledgements.** In this section the author may mention the people who helped them to prepare the article or the organizations that provided financial support. It is considered good style to express gratitude to anonymous reviewers.

Acknowledgements should be written in Russian and English.

6. **The main body** of the article should be written in Russian or in English.

1) Introduction. It contains formulation of the scientific problem, its relevance, connection with the most important tasks to be solved, the importance for the development of a particular area of science or practical activities.

2) Literature review. It is necessary to describe the main (recent) pieces of research and publications relied upon by the author, modern views on the problem, difficulties in solving the problem as well as to highlight the unresolved issues within the general problem of the article.

3) Materials and methods. This section describes the process of designing the experiment, the methods and equipment used; it gives detailed information about the subject and sequence of the research, justifies the choice of the methods used (observation, survey, testing, experiment, etc.).

4) Results. This is the main section, the purpose of which is to prove the working hypothesis (hypotheses) by analyzing, generalizing and explaining the data. The results should be brief, but they should provide sufficient information to evaluate the conclusions drawn. It should also be justified why the particular data were chosen for the analysis. *All names, signatures and structural elements of graphs, tables, diagrams, etc. should be written in Russian and English.* Figures should be presented in a raster or vector format

with a resolution of at least 300 dpi. It should be possible to move them in the text and resize them. All graphic data should be placed in the text of the article and also should be attached as separate files.

5) Discussion and conclusion. In conclusion, the results of understanding the topic should be summarized; conclusions, generalizations and recommendations arising from the work should be made, their practical significance should be emphasized and the main directions for further research in the studied area should be determined.

7. **References** should be given in accordance with the requirements of the *GOST R 7.0.5–2008* standard. The original sources from scientific journals included in the global citation indices should be cited first of all. It is desirable to refer to 30–40 sources. Of these, at least 20 sources should be those published over the past 3 years and at least 15 foreign ones. DOI or the URL of the source should be indicated.

References should be written in Russian and English.

8. **Information about the author(s)** includes: the author's first name and last name, the name of the institution and its address (it is required to specify all the institutions where the author works and where the research was conducted (permanent place of work, the place where the project was done, etc.)). The author's position and academic title, ORCID, Researcher ID, Scopus ID, e-mail, phone number, postal address for sending a personal copy of the Journal issue.

Information about the authors should be written in Russian and English.

9. **Contribution of the authors.** At the end of the manuscript, the authors should include notes that explain the actual contribution of each co-author to the work performed.

Contribution of the authors should be written in Russian and English.

10. Authors should send their photos as separate files for publication in the Journal. They should be good quality portraits in *jpg or *tiff format with a resolution of at least 300 dpi (10x15 cm format).

When submitting an article to the Journal, the author agrees with the provisions of the attached license agreement.

As part of the submission, the Journal will peer review your article before deciding whether to publish it. *Russian Journal of Regional Studies* uses double-blind review, which means that both the reviewer and author identities are concealed from the reviewers, and vice versa (a review stays valid for 1 year). On the basis of the analysis of the article, the reviewer makes a decision whether to recommend the article for publication or reject it. If the author disagrees with the reviewer's comments, their reasoned statement shall be considered by the Editorial Board.

Free reproduction of the Journal's materials for personal purposes and free use for information, scientific, educational and cultural purposes is allowed in accordance with articles 1273 and 1274 of Chapter 70, part 4 of the Civil Code of the Russian Federation. Other types of use are possible only after the conclusion of relevant written agreements with the right holder.

Electronic copies of the journal with full text of the articles in PDF are in free access at the website of Academic Electronic Library. The Journal is distributed on the basis of a subscription, requests of higher education institutions, educational institutions and individuals. The subscription index in the catalogue of the agency of *Rospechat* is 73335.

Sergey M. Vdovin – Editor-in-Chief. Tel.: +7 (8342) 24 48 88.

Sergey V. Polutin – Deputy Editor-in-Chief. Tel.: +7 (8342) 32 81 57.

Svetlana V. Gordina – Executive Editor. Tel.: +7 (8342) 48 14 24.

РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY

Редактор *Е. С. Суркова*.
Компьютерная верстка *А. С. Полутина*.
Перевод *А. В. Пузакова*.
Выпускающий (редактор по выпуску) *Е. П. Гордина*.
Информационная поддержка сайта журнала *А. А. Парамонова*.

Подписной индекс в каталоге АО Агентство «Роспечать» – 73335.
Территория распространения журнала: Российская Федерация, зарубежные страны

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-65932 от 06 июня 2016 г.

Подписано в печать 03.09.2019. Дата выхода в свет 30.09.2019. Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 11,85. Тираж 1 000 экз. I завод – 250 экз. Заказ № 1773. Свободная цена.

Адрес редакции: 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1.

Тел./факс: (8342) 48-14-24, (8342) 32-86-14.
E-mail: redreg@mrsu.ru, regionology@mail.ru
<http://regionsar.ru>

Адрес учредителя и издателя: 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1.

Адрес типографии: 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, д. 24 (Издательство федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва»)

Фотографии предоставлены самими авторами и опубликованы с их согласия.

Russian Journal of Regional Studies

Editor *E. S. Surkova*.
Desktop publishing by *A. S. Polutin*.
Translation by *A. V. Puzakov*.
Sub-editor *E. P. Gordina*.
Informational support of the Journal's website by *A. A. Paramonov*.

Subscription index in the catalogue of *Rospечат Agency*: 73335.
The Journal is distributed in the Russian Federation and abroad.

The Journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor); mass media registration certificate: PI No. FS77-65932 of 6 June 2016

Signed to print 03.09.2019. Date of publishing 30.09.2019. Sheet size 60×84 1/16. Conventional printed sheets 11,85. Number of copies: 1,000. Print run 1: 250 copies. Order No. 1773. Open price.

Editorial office: 68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russia.

Tel/Fax: +7 8342 481424, +7 8342 328614
E-mail: redreg@mrsu.ru, regionology@mail.ru
<http://regionsar.ru>

Address of the Founder and Publisher: 68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russia.

Address of the Printing House: 24 Sovetskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia (Publishing House of National Research Mordovia State University)

The photographs are provided by the authors and are published with their consent.